

НОВАЯ ПОЛЬША

№7-8₍₅₅₎

2004

ПРОЩАНИЕ С ЯЦЕКОМ КУРОНОМ

Наталья Горбаневская, Кароль Модзелевский,
Марек Эдельман, Мауро Мартини, Лех Валенса и другие

Лешек Бальцерович о вреде «разбухшего государства»

Стихи Михала Ягелло, Ярослава Марека Рымкевича,
Мариуша Гжещака и Яцека Качмарского

Проза Агаты Тушинской

Русские писатели посетили Варшаву

Ежи Помяновский о Джозефе Конраде

Беседа с Генриком Возняковским

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

«Новая Польша» в сети - это не только зеркало текущего номера.

В виртуальной версии журнала Вы найдете постоянно пополняющийся архив «бумажных» изданий, а также текущие обзоры польских журналов и другие материалы, подготовленные специально для интернет-сайта.

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 7-8(55)
2004
ИЮЛЬ-АВГУСТ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Наталья Горбаневская 3
ПАМЯТИ ЯЦЕКА КУРОНЯ

ИЗ ПЕРВЫХ ОТКЛИКОВ НА КОНЧИНУ ЯЦЕКА КУРОНЯ 5

ОДОЛЕТЬ КОЛДУНА 7

Яцек Куронь рассказывает о себе и своей жизни

Анна Биконт, Иоанна Щенская 10
ДАЖЕ В БОЛЬНИЦЕ КУРОНЬ ИСПРАВЛЯЕТ МИР

Мауро Мартини 15
ФАКТОР КУРОНЯ

Кароль Модзелевский 17
РЕЧЬ НА ПОХОРОНАХ ЯЦЕКА КУРОНЯ

ОТ НИХ ЗАВИСИТ БУДУЩЕЕ

Эва Новаковская 19
СВЕТЛЫЕ ГОЛОВЫ

Виктор Кулерский 24
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Лешек Бальцерович 31
РАБОТА НА ДЕМАГОГА

ВЫГОДНОЕ СОСЕДСТВО
БИЗНЕС С ПРИВКУСОМ ЦЕМЕНТА 33
Беседа с Эугениушем Сологубой

ДИАЛОГ, ДУЭТ, ДУЭЛЬ — ЧТО ЛУЧШЕ?
НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ С ПРЕДРАССУДКАМИ 36
Польско-русская дискуссия «Близкие — далекие»

Наталья Иванова 42
ДОЛГОЕ ПОСЛЕВКУСИЕ

Ежи Помяновский 44
КОМУ СЕГОДНЯ НУЖЕН ДЖОЗЕФ КОНРАД?

Ярослав Марек Рымкевич 54
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ ИДЕТ С ЛАНДЫШАМИ
ИЗ СТАРЫХ ИНТЕРВЬЮ

МАНДЕЛЬШТАМ — ПОБЕДИТЕЛЬ ИСТОРИИ 55
Беседа с Ярославом Марек Рымкевичем

Яцек Качмарский 59
ВОСКРЕСЕНИЕ МАНДЕЛЬШТАМА

Аркадиуш Пахольский 60
ЧТЕНИЕ В МЕТРО «БУАСЬЕ» — «АНВЕР»

	Михал Ягелло ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ	62
	Мариан Гжешак СТИХИ	66
	Лешек Шаруга ТРЕТЬИ СТИХИ	70
	Агата Тушинская ВОЛЬДЕНБЕРГ	71
	Александр Яцковский ВЫСОКАЯ БЛИЗ ИОРДАНУВА	86
	из-под спуда Михал Болтрык ИНСТИТУТКИ ИЗ ЯКОВЛЕВКИ	88
	Томаш Ужиковский ХУДОЖНИКУ ПОМОГЛА МОЛИТВА	93
	Ида Лотоцкая-Хюлле ТЕАТР «АТЕЛЬЕ» — СЦЕНА «НА ПЕСКЕ»	95
	Гжегож Пшебинда РУССКИЕ ИДЕИ И ВОЙСКА	98
	газетный киоск Кшиштоф Бурнетко «ПРЕСС»: СМИ, РЕКЛАМА И ПИАР	102
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	104
	Наталья Горбаневская ПАМЯТИ ЖАКА РОССИ	107
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	108
	ПОЛЬСКАЯ ВЫСТАВКА В МОСКВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ	112
	МЫ БЫЛИ ОСТРОВОМ ЛЕГАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ Беседа с Генриком Возняковским	113

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале
для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

**Наталья
Горбаневская**

ПАМЯТИ ЯЦЕКА КУРОНЯ

Когда-то имя Яцека Куроня было для меня легендой. Еще в середине 60-х я услышала по западному радио изложение «Открытого письма к партии» Яцека Куроня и Кароля Модзелевского (позже мне удалось и прочесть его). Письмо, написанное с левокоммунистических позиций, поражало своей крайне резкой критикой режима ПНР и власти Польской объединенной рабочей партии. Ну а левацкие позиции никого не смущали: сколько мы видели и в нашей стране людей, становившихся антисоветчиками через поиски «истинного марксизма» или «неизвращенного ленинизма». И Яцек, и Кароль оказались тогда в тюрьме, но к марту 68-го, к тому времени, когда в Польше развернулись бурные студенческие волнения, оба они были на свободе, и Яцек стал одним из лидеров студенческих протестов. И снова приговор к трем годам тюрьмы.

В 75-м году Яцек стал одним из инициаторов открытого письма представителей польской интеллигенции в Сейм — против поправок к польской конституции, вводивших в Основной закон руководящую роль партии и нерушимую дружбу с Советским Союзом. В 76-м, после жестокого подавления рабочих демонстраций в Радоме, Урсусе и других польских городах, Яцек был среди учредителей Комитета защиты рабочих — КОРа, через год, когда большинство арестованных рабочих были выпущены, преобразованного в Комитет общественной самозащиты КОР — тот самый КОС-КОР, которым советская пропаганда так долго запугивала советских читателей.

КОР положил в Польше начало широкому движению за права человека и одновременно польскому самиздату — и в обоих Яцек Куронь принимал самое активное участие. Ему принадлежал знаменитый лозунг: «Не жечь комитеты — учреждать комитеты», то есть не жечь партийные, а учреждать свои, независимые.

Яцек Куронь (1934 - 2004)

В это время я была уже в эмиграции и перевела для «Континента» первый номер «Информационного бюллетеня» КОРа (целиком) под заголовком «Первый номер польской «Хроники»» — имея в виду, конечно, нашу «Хронику текущих событий». Со второй половины 70-х мы с Яцеком уже были знакомы, но... только по телефону. В частности, когда возникла идея написать совместное открытое письмо советских и польских правозащитников в защиту арестованных чешских коллег, переговоры и редактирование письма велись через Париж — через меня. В Москву я звонила Татьяне Великановой, в Варшаву — Яцеку Куроню.

Пришел 80-й год, славный август, который поляки до сих пор пишут с заглавной буквы. Но до августа был еще июль, когда забастовки перекидывались по всей Польше из города в город, с завода на завод, пока не завершились начавшейся 1 августа забастовкой на Гданьской судовой верфи, положившей начало практически всеобщей забастовке страны и победившей: бастующие добились создания независимого профсоюзного объединения «Солидарность». Яцек Куронь еще с июля был в центре сбора и распространения информации о забастовочном движении, а после победы «Солидарности» стал советником ее руководящего органа — Всепольской комиссии. По общему признанию, он был автором стратегии «Солидарности» — мирной, но неуклонной борьбы за права трудящихся.

Потом были интернирование после 13 декабря 1981 г., арест, обвинение в «умысле на подрыв существующего строя», суд, приговор, амнистия, подпольная деятельность. Обо всем этом я давала отчет в своей роли обозревателя польских событий в «Русской мысли».

Увидела я его впервые — и единственный раз — в августе 88-го года. Я приехала тогда, чтобы участвовать в Международной конференции прав человека в Кракове. Но приехала за неделю до конференции, 15 августа. Ровно в этот день вспыхнула забастовка опять-таки на Гданьской судовой верфи, а вслед за ней на множестве предприятий по всей стране. «Ты привезла нам забастовки», — сказал мой друг поэт Виктор Ворошильский. Он же вскоре повел меня к Куроню. Яцек сидел на телефоне, вновь, как в 80-м году, получая и передавая сведения о забастовках. «А, Наташа», — приветствовал он меня как старую знакомую, быстро пересказал последние новости. Некоторые я уже знала, и он очень ревниво отнесся к тому, что другие — это были Збигнев и Зофья Ромашевские — успели узнать то, что он узнал, по его мнению, первым. Толком поговорить нам, конечно, не удалось: телефон звонил не переставая. Теперь уже и не удастся.

Но это, может быть, и неважно: Куронь был человеком не разговора, а действия. «Действие» или «Деятельность» — так переводится название его книги, в которой он подвел итоги своего жизненного пути. Как человек действия, активной, а не словесной лишь защиты униженных и оскорбленных останется он в памяти не одних только поляков. Он оставался человеком действия до последних дней: и в начале 90-х, когда был министром труда и социальной политики, и потом, когда отыскивал конкретные пути помощи людям, ушибленным социально-экономическими преобразованиями в Польше. На смертном одре он дописал свою книгу «Деятельность» и писал новую — «Речь Посполитая моих внуков» о будущей Польше, какой она виделась ему: процветающей и справедливой.

ИЗ ПЕРВЫХ ОТКЛИКОВ НА КОНЧИНУ ЯЦЕКА КУРОНЯ

«Это была крупнейшая фигура в послевоенной Польше. Если бы не Яцек, неизвестно, как выглядела бы сегодня наша страна», — сказал **Генрик Вуец**, деятель антикоммунистической оппозиции и подпольной «Солидарности», вспоминая о Яцке Куроне как о человеке, который никогда не боялся принимать любые брошенные ему вызовы. Вуец подчеркнул, что Куронь был открытым, искренним, необыкновенно чувствительным к боли и горю людей — и других деятелей оппозиции учил тому же. Он был также крайне непосредственным: «Для всех он был просто Яцеком».

«Надеюсь, найдутся люди, которые попытаются заполнить оставшийся после него вакуум, — так откликнулся на смерть Яцка Куроня доктор **Марек Эдельман**, последний оставшийся в живых член штаба восстания в варшавском гетто. — Надеюсь, найдутся преемники идей и идеалов, которым он всегда был верен. Он боролся за них всю жизнь, за них он просидел столько лет в тюрьме, потерял здоровье. Яцек умер преждевременно. Он всегда помогал тем, кто нуждался в помощи. Ушел выдающийся человек». Марек Эдельман добавил, что смерть не позволила Яцку закончить свою новую книгу: «Он не успел написать всего две главы».

«Ушел наш и мой великий, великий учитель. Наше время обязано Яцку Куроню своим величием», — сказал **Збигнев Буяк**, в прошлом председатель подпольной «Солидарности» региона Мазовия и друг Куроня. Буяк подчеркнул, что Яцек Куронь был человеком действия: «Он отлично себя чувствовал, когда было что делать, шла ли речь о Польше, России, Украине, Белоруссии или Чехословакии». По словам Буяка, ему не раз случалось спорить с Куронем по разным политическим вопросам, но искренность и открытость были теми чертами Яцка, которые он больше всего ценил: «Редко кто имеет право кричать на нас, притом, когда кричит, то не обижает, а возбуждает благодарность».

«Без него август 80-го был бы невозможен, — сказал **Лех Валенса**. — Страшно жаль, что больше не будет его в нелегком созидании Речи Посполитой». Для Леха Валенсы Яцек Куронь, в прошлом его советник, был великим деятелем, который попал не ко времени: «Он не переставал бороться. Это человек левых убеждений, который попал на искривленную эпоху левизны». Бывший президент добавил, что после краха коммунизма мы оказались в новых временах, которые опять-таки не подходили к идеям Яцка Куроня.

«Яцек Куронь был одним из важнейших людей в новейшей истории Польши», — сказал **Януш Онышкевич**, деятель антикоммунистической оппозиции, позднее министр обороны, и прибавил, что Куронь был одним из тех, кто внес свой вклад в наступление политического перелома, столь важного для Польши и всей Европы. Онышкевич подчеркнул, что Куронь не боялся поднимать очень трудные темы и принимать нелегкие вызовы: например, он занялся польско-украинскими отношениями, в огромной степени способствуя примирению между двумя народами.

Онышкевич вспоминает Яцка Куроня как человека, который организовал не только оппозицию 70-х гг., но и помощь людям. «Это был человек стихийный, динамичный, постоянно испытывавший потребность действовать для других».

«Ушел праведник, — так отозвался на весть о кончине Яцка Куроня **Петр Новина-Кононка**, во времена «Солидарности» сотрудник, а затем пресс-секретарь Леха Валенсы. — Я считаю, что круг людей, с которыми Яцка связывала дружба и от имени которых он предпринимал свои поступки, полные отваги и героизма, что этот круг остается должником Яцка».

Маршал Сейма **Юзеф Олексы** сказал, что Польша потеряла человека с огромным личным авторитетом, пользовавшегося всеобщим уважением за несгибаемую позицию в деле защиты свободы страны и свободы человека. «Яцек Куронь, — сказал маршал Сейма, — был человеком большого сердца, закалки духа, безгранично преданным людям и Польше. Он всегда боролся за одно и то же — за человека, за его достоинство, за то, чтобы строй служил человеку, а не наоборот».

Сейм почтил память Яцека Куроня минутой молчания.

«Яцек Куронь был человеком, накопившим огромные заслуги для Польши и всей Европы, для развития и соблюдения прав человека. Он был поляком воистину международного формата, — сказал **Петр Уль**, в прошлом чехословацкий правозащитник, публицист, бывший уполномоченный правительства Чехии по правам человека, первый после «бархатной революции» директор агентства печати ЧТК. — Лично мы познакомились только в 1978 г., во время встреч «Польско-чехословацкой солидарности» в Карконошах [горы на границе между Польшей и тогдашней Чехословакией]. Но еще в 1968 г. вместе с одним другом мы перевели и распростра-

няли письмо к партии Яцека Куроня и Кароля Модзелевского».

По мнению Уля, Куронь, что встречается крайне редко, умел сочетать нравственные принципы и политику: «Это был воистину великий образец. Образец необычайно скромного человека, обладавшего по-настоящему глубокими нравственными принципами и политическими убеждениями. Его личность излучала свое влияние далеко за пределы Польши. Куронь был неповторим. Он сам был своей маркой».

Я немного говорю по-польски. Когда в наших спорах в Карконошах я использовал свое скромное знание польского, Яцек говорил: «Когда другие говорят по-чешски, я их не так хорошо понимаю, но когда по-чешски говорит Петр, то понимаю гораздо лучше». В 90-е годы мы виделись много раз. Яцек давно был болен. Я восхищался тем, с какой отвагой он боролся с болезнью. Семь лет назад мы с женой встречали у него в Варшаве Новый год; два года назад я виделся с ним в последний раз. Я знал, что придет такой момент, когда я узнаю о его смерти, но когда он действительно наступил — мне стало очень больно. Теперь у меня одним другом меньше. Это была глубокая дружба. Мне будет его недоставать. Но это не только моя потеря. Это потеря для всех европейцев с душой и сердцем».

УМЕР ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ЛЬВОВА, ПУБЛИЦИСТ, ИСТОРИК, СОЦИОЛОГ ЯЦЕК КУРОНЬ

В Варшаве в возрасте 70 лет умер Яцек Куронь — один из лидеров польской оппозиции при коммунистическом режиме, публицист, историк, социолог.

Куронь родился во Львове. В 1980 г. он принимал участие в создании «Солидарности», первого свободного профсоюза в Польше и всем соцлагере. К тому же времени принадлежит его известное высказывание: «Без самостоятельной Украины не будет самостоятельной Польши». Куронь всегда проникался проблемами украинско-польских отношений и призывал оба народа к взаимопониманию.

Городской председатель Львова Любомир Буняк отмечает, что «печальная весть больно отозвалась в сердцах львовян: отошел в вечность великий львовянин, верный сын Польши, друг Украины Яцек Куронь — мужественный и принципиальный политик, талантливый публицист, один из творцов польского демократического ренессанса, ставшего предпосылкой настоящей независимости Польши и Украины».

Буняк отмечает, что уроженца Львова Куроня в Польше называли послом украинско-польского единения. «В конфликтные эпизоды нашей общей истории мудрая, взвешенная и рациональная позиция Яцека Куроня неоднократно побуждала интеллектуалов из обеих стран искать точки соприкосновения ради идеалов добрососедства и бесконфликтного будущего наших детей», — отметил городской председатель Львова.

Мэр Львова сказал, что «в свое время львовяне должным образом оценили достижения Яцека Куроня, присвоив ему звание почетного гражданина нашего города. И в это скорбное время вся львовская община, искренне уважавшая своего выдающегося земляка, скорбит вместе с семьей и друзьями Яцека Куроня, вместе со всеми, кто рядом с ним проторял тернистую дорожку жизни, вместе с теми, кто даже, не будучи лично знакомым с Яцеком Куронем, разделял его взгляды, подражал его жизненным политическим принципам».

С украинского сайта www.podrobnosti.ua

ОДОЛЕТЬ КОЛДУНА

Яцек Куронь рассказывает о себе и своей жизни

Детство

Мне было тогда, наверно, года четыре или пять. В Большом театре во Львове ставили спектакль «О тех двоих, которые украли луну». В какой-то момент, когда колдун сажал Яцека и Пляцека в мешок, я сорвался с места и, заорав, кинулся на сцену — спасать их. Помню этот парализующий страх и такую неслыханную силу, чтобы преодолеть его. Я кричал, чтобы заглушить в себе этот страх.

Я мчался на сцену. Уже был возле чернокнижника, видел его лицо — кошмар. Орущего, меня вынесли на руках со сцены в фойе, где сидела бабушка. Билетерши утешали меня: с этими мальчиками, мол, все хорошо. Я плакал, отчаянно плакал. Это событие я считаю своим высшим жизненным достижением. Все, что я делал после, — лишь повторение этого.

По стопам деда и отца

Дед мой был в Боевой организации ППС [Польской социалистической партии]. Отец в 1920 г. пошел на фронт добровольцем. Ему тогда было 15 лет, и он нашел приятеля, который вместо него предстал перед медицинской комиссией. Потом отец участвовал в Силезском восстании. Он был членом ППС, бойцом Армии Крайовой. Я не умею отделить того, что сам видел, от всей легенды, которую они мне передавали. Чувствую себя участником революции 1905 года. Когда впервые в жизни на меня надели наручники, я был растроган.

В Союзе польской молодежи

Мы боролись с хулиганами и стилягами. Однажды я возвращался домой под вечер. На танцплощадке на площади Парижской Коммуны начали вихляться молодые люди. В этот момент выскочила штурмовая группа СПМ, схватила одного из них и потащила в недалеко расположенную контору. Когда я вошел следом за ними, парня били кулаками, ногами — все вместе.

— Стой! — крикнул я. Собственно, не крикнул — вырвалось у меня из горла. Я не сказал им прямо, в чем дело. Указал на окно, через которое легко можно было увидеть, что здесь творится. Один из них погасил свет, раздалось еще несколько ударов. А я молчал, чертовски долго молчал. Потом снова крикнул перестать. Начал говорить им, что это рабочий. Из носа и разбитой губы у него текла кровь. Они повели с ним педагогический разговор. Потом на танцплощадках били регулярно, а я — всего лишь не приходил туда. Этого я больше всего стыжусь из всего моего комсомольского прошлого.

Гая

В лагере Вальтеровской дружины в Волине я пришел в последнюю палату, где спал третий отряд. Здесь все спали как надо, всё было в порядке, совершенно всё. И вдруг я увидел, что в углу кто-то спит на рюкзаке, скорчившись, с головой, накрытой одеялом. Я подошел — оказалось, что это девушка с косой. Невероятно было, что ничего тут не надо было улучшать, обо всем проявили заботу, а эта девушка спит на рюкзаке. Она, конечно, проснулась, когда я посветил фонариком. В свете фонарика я увидел, какие у нее большие, золотистые глаза. Взял ее за косу и спросил: «Ты чего так спишь?»

Есть что-то такое между людьми, что когда начинается любовь, то прилетает ангел, которого никто в мире не видит, кроме влюбленных. Я ощущал этого ангела, но не набрался храбрости об этом сказать.

Первый приговор

Оттепель теряла разбег. Мы с Каролем Модзелевским сочли, что раз уж невозможно заниматься политикой, надо по крайней мере погибнуть с развернутыми знаменами, чтобы все знали: были все-таки некоторые, что бунтовали. И тогда мы написали членам партийной организации и СМП «Открытое письмо», разъяснявшее наши

взгляды. Мы перепечатали его на машинке и 18 марта 1965 г. раздали его тем, кому доверяли, а также отнесли в университетские партийную и комсомольскую организации.

В конце «Открытого письма» мы написали: «За это письмо мы получим три года». На следующий день нас арестовали, а еще через четыре месяца я получил три года, а Кароль — три с половиной. Я немедленно, прямо в зале суда, потребовал, чтобы мы получили поровну, потому что делали одно и то же. На что прокуратор Петрасинский возразил, что раз Модзелевский — еврей, то он, должно быть, и есть заводи́ла.

Второй приговор

Мы с «коммандос» [группа студентов вокруг Куроня] решили назначить на 8 марта 1968 г. митинг в защиту исключенных из университета. На этот митинг я не пошел, так как мы с Каролем не хотели своим присутствием подтверждать пропагандируемый органами тезис о том, что за университетским брожением и студенческим протестом стоят «политические тертые калачи» — Куронь и Модзелевский. После митинга ко мне пришла Ирена Жито, ныне Хербст. Она рассказала, как толпа людей в штатском с дубинками кинулась на них, когда они уже собирались расходиться. Как потом люди в штатском и милиция били на улице Краковское Предместье каждого, кто подвернулся под руку, а студенты попрятались в общежитиях, где, вероятно, будут бастовать. На этот раз я решил быть с ними. Но не успел я выйти на улицу, как два гебешника задержали меня.

Получил три года — на этот раз, как подчеркнул прокурор Петрасинский, ровно столько же, сколько Модзелевский.

Комитет защиты рабочих

Ускользая от слежки и ведя неустанную игру с полицией, я обнаружил, что страх зависит от напряжения, а не от того, чего мы боимся. Потому что и тогда, когда мне грозило 48 часов в обычном участке, и тогда, когда ставкой была тюрьма на долгие годы, и, наконец, когда грозила смерть, во мне происходило одно и то же. Страх игры. Это хороший страх, с ним можно жить. Всегда, когда я возвращался ночью, на рассвете, Гайка как будто вовсе не спала. Выбегала в прихожую, обнимала меня крепко-крепко. Дрожа говорила мне: «Смотри, я слышу каждого, кто входит в подворотню, но еще ни разу не ошиблась, всегда знаю, когдаходишь ты». Тогда я понял, каким ужасным может быть другой страх — страх ожидания. Каждый из нас предпочитал «ехать», а не ждать.

Товарищество научных курсов

Перед очередной лекцией ТНК, которая происходила в нашей квартире, мой отец почувствовал себя исключительно плохо. Я позвонил в «скорую». Написал на листке бумаги, что прошу прощения, отменяю лекцию ввиду состояния здоровья отца. Я уж даже не своим слушателям хотел это объяснить, а штурмовикам. Почти тут же кто-то сообщил, что идет штурмовая группа. Я через

Кадры, снятые самодельным аппаратом в лагере для интернированных в Бялоленке.

Гебрик Вуец, Лех Дымарекский, Януш Оньшкевич, Янек Куронь и Ян Рудевский.

Ян Рудевский, Янек Куронь и Януш Оньшкевич.

дверь объяснял, что лекции не будет, отец болен и занятия отменены. Мне казалось, что они ушли. Через минуту пришел Генрик Вуец.

Я ему открыл, а они кинулись сверху, где спрятались, — этажом выше. Я не успел втащить Генрика, а он не успел сбежать. Они ворвались внутрь, я стоял, прижатый к стенке и истерическим голосом кричал: «Люди, люди, мой отец умирает!» Видел, как избивали Генрика, как он обливался кровью, как его голова стучала по ступенькам, по которым они его тащили, и в конце — как его бросили в снег.

Я был уверен, что он убит. А потом вбегаю внутрь и вижу, как избивают моего сына. Несколько держат, один бьет. Я кидаюсь, пытаюсь его вырвать, но не получается. Вижу, как один из них держит за голову Гайку и поднимает ее вверх.

Корреспондент «Тайма» спросил меня потом, зачем я всем этим занимаюсь. Я ответил: не знаю, теперь боюсь. Через несколько дней мы с Адамом Михником написали заявление, что прерываем наши лекции. Я осознал, что раз я боюсь поставить в воротах своего собственного сына — а я боялся, — то мне нельзя там поставить и ничего другого сына.

Интернирование

Привезли меня в какое-то отдельно стоящее здание в предместье. Велели выйти и по лестнице вниз отправили в подвал. Сумка давила мне на плечо. Пол в подвале был посыпан песком, а стена, к которой я шел, вся была в следах выстрелов. «К стенке», — прорычал кто-то. Ага, так вот оно. Я бежал к стене в следах выстрелов — бежал и бежал. Только бы успеть повернуться. Чтобы не в спину. Стена. Раз, два, три... Успел. Что теперь делать? Я полез за сигаретой, чтобы скрыть, что горестно мне и что я боюсь. «Я бы тоже закурил», — сказал тот, что послал меня к стенке. Я закурил. Вынул из сумки новую пачку. Бросил милиционеру. Пожалуй, стрельбы не будет. Снял кожух, положил под голову сумку, полную бумаг с резолюциями съезда «Солидарности», и уснул. Было 13 декабря 1981 года.

В Третьей Речи Посполитой

Тадеуш Мазовецкий предложил мне пост министра труда и социальной политики вместе с ответственностью за отношения с профсоюзами. У

Новый министр в коридорах Сейма

меня в глазах потемнело. Чтобы в таких обстоятельствах стать министром труда, зарплаты и социальной политики (что практически означало министерство безработицы, нужды и отсутствия социальной политики), нужен был сумасшедший или просто самоубийца.

Раздача бесплатного супа

Супы

В Польском Красном Кресте мне сказали, что не я выдумал супы [раздачу бесплатного супа нуждающимся], а они. Я ответил, что супы выдумал человек, как только сделал кастрюлю. Какая-никакая кастрюля — и уже есть суп. А уж раз он выдумал суп, то начал супом делиться. И это одно из самых старых изобретений человечества. Зато я придал этой операции высокий ранг.

Составила Анна Биконт.
Цитаты взяты из книг Яцека Куроня

Анна Биконт
Иоанна Щенская

ДАЖЕ В БОЛЬНИЦЕ КУРОНЬ ИСПРАВЛЯЕТ МИР

Сентябрь 1998 года. Яцеку Куроню в варшавской больнице на ул. Эмилии Платер предстояла операция аневризмы брюшной аорты. В ходе предоперационного обследования оказалось, что его шейная артерия совершенно забита. Врачи решили, что надо сделать другую операцию: прочистить артерию, тормозящую приток кислорода к мозгу.

Проводивший операцию профессор пытался сказать Яцеку — кстати, единственному, кто там был спокоен, — что у него будет не та операция, что планировалась. Но Яцек как раз заканчивал поправлять текст «Разделим на всех этот торт» для «Газеты выборчей» — о польской налоговой системе, которая служит исключительно богатым. Операционная ждет, а Яцек повторяет: «Еще минутку». Операция операцией, но он же должен высказаться. А то он страдает, что «во времена Ягеллонов в Краковской академии учились десять крестьянских сыновей, а сегодня в том же самом Ягеллонском университете только 4% студентов из сельских семей».

Профессору Мечиславу Шостеку операция удалась, но ночью произошло кровоизлияние в мозг. Много дней Яцек лежал без сознания. Лекари постепенно приучали жену Дану и друзей к тому, что он может уже не прийти в сознание, а придя — никогда больше не быть тем же Яцеком, которого мы знаем и любим. Так, наверное, и случилось бы, если б на его месте был кто-нибудь другой. Но перед силой духа Яцека рушатся все правила и оправдывается поговорка: «Если пациент выздоравливает — медицина бессильна».

Первые контакты с Яцеком надрывали сердце и не давали особых надежд. Одну из нас он не узнал и, устыженный, просил прощения, пытаясь отгадать имя. Другую спросил, в тюрьме он или в тюремной больнице. Безжалостная память упорно напоминала о боли и страданиях — эту операцию невозможно было провести под наркозом. Так, Яцек рассказывал, что его мучили в результате заговора милиции и врачей. В какой-то момент он смолк, задумался и произнес: «Пожалуй, все-таки я должен принять во внимание и такую возможность, что это лишь стечение обстоятельств и никто намеренно не хотел сделать мне плохо».

Знакомый психиатр сказал нам позже, что еще не встречался со случаем, чтобы пациент после нехватки кислорода одновременно был в состоянии паранойи и отвергал ее.

Бомба с часовым механизмом

Врачи обещали медленное выздоровление, а Яцек уже в октябре вместе с Богуславой Бердыховской составлял меморандум по украинскому вопросу. Он уже много месяцев не появлялся на публике, когда в декабре 1998 г. на вопрос, какого политика поляки хотели бы пригласить к себе домой на первый день святок, они ответили: президента и Куроня. И хотя практически уже два года, то есть с проигранных президентских выборов, Яцек все время болел (но написал за это время вместе с Яцеком Жаковским «Семилетку, или Кто украл Польшу»), поляки по-прежнему ставили его на ведущие места во всех рейтингах доверия.

Между тем аневризма брюшной аорты увеличивалась. Каждый прием у врача кончался словами о том, что Яцек должен остаться в больнице. «Знаете ли вы, что у вас в животе бомба с часовым механизмом?» — спрашивали они его.

— Через Адама Михника, — рассказывает нам Дана Куронь, — я связалась с профессором Войцехом Ношиком, видным полостным хирургом и нашим соседом по Жолибожу. Он пришел к нам домой и говорит: «Прочитав историю болезни, я ожидал застать больного старичка, а вижу молодого, здорового человека».

Профессор созвал врачебный консилиум, полтора десятка докторов, когда-либо занимавшихся разными частями организма Яцека — многие из этих частей уже тогда нуждались в замене. Ларингологу не понравилось его горло. Правду говоря, оно всегда было его ахиллесовой пятой. Когда в первые годы после 1989-го он охрипшим голосом вел беседы после выпуска последних известий, несколько ларингологов обращались к нему, чтобы лечить его, делать ингаляции, нянчить. Но Яцек был занят другими делами.

В начале 1999 г. он пошел в больницу МВД на Волошской улице, чтобы проверить горло. Когда он попал туда в первый раз, привезенный «скорой помощью», в дверях ждала делегация: врачи и медсестра, которая напомнила ему, что, когда его привозили в наручниках с Раковецкой [варшавской Лубянки] с камнями в почках, она проносила ему сигареты и тайно передавала записки. Один врач сказал: «Ваше здоровье разрушено нашим ведомством, и мы отвечаем за то, чтобы вам его вернуть». (Это было бы отличное бонмо, если бы не один факт. В архиве МВД среди документов о его пребывании на Раковецкой в 1968 г. сохранились черновики его заявлений тюремным властям. Яцек безуспешно просил выдавать ему дополнительный стакан кипяченой воды для питья, так как у него болят почки.) С тех пор Яцек уже значительную часть жизни проводил в больнице на Волошской.

Дело жизни

Когда Яцеку выжгли опухоль в горле и послали ткань на биопсию, Дана нервно ждала результата, но Яцек об этом и не думал — занимался тем, что писал дело своей жизни, к которому возвращался всегда, когда его мир рушился, а он не мог действовать. Впервые — после выхода из тюрьмы в 1971 г., когда он увидел посмертную разруху: десятки близких ему людей были вынуждены покинуть Польшу, а те, что остались, были подавлены и разбиты. Во второй раз — когда вышел из тюрьмы в 1984-м, а дома его не ждала скончавшаяся в 1982 г. жена Гая. Теперь, когда болезнь вытолкнула его за рамки активной политики, он взялся за это в третий раз.

Он устал, потому что работал каждую минуту. Но он был уже не тот прежний Яцек, способный урвать от сна несколько ночей кряду. И когда прозвучал приговор: рак — Яцек уже спал (он страдает приступами сонливости попеременно с бессонницами). Дануся провела ночь один на один с этим сообщением. Ждала, пока Яцек проснется.

— Яцусь, — сказала она, — у тебя обнаружили рак.

А он ответил:

— А есть ли какие-то медицинские показания против того, чтобы я еще поспал?

Начались ежедневные облучения, на которые Яцека возили записывавшиеся в очередь добровольцы. Яцек нагло объявил, что больше всего любит, когда его возят красивые женщины (другое дело, что он чуть не каждую женщину считает красивой), потому что тогда обязан перед ними держаться стойко. Однако на третью неделю он слегка сдал и перестал работать над делом своей жизни, которое друзья давно уже называли — слегка язвительно, но и не без нежности — «Яцека Куроня общей теорией всего».

— Врач предупреждал, что после облучений начинаются сильные боли, горло обожжено, а еще больше, если куришь, — рассказывает нам Яцек. — Я курил и слушался советов старшей сестры отделения: пить кисель и крахмал. Если б я тогда глотал кактусы, вот бы мучился, а так ничего особенного со мной не было.

В июне курс облучения закончился. Яцек тут же вернулся к работе над книгой. Он спешил, считая, что времени мало.

Завещание Яцека

Наступил день его рождения — 3 марта 1999-го, — в который друзья по традиции собираются в его жилищской квартире. На этот раз он, однако, созвал ополчение со всего света, объявляя, что это будет его последний день рождения. Очередь ко входу в ресторан его сына Мацея в театре «Буфф» растянулась до Вейской. В середине банкета Яцек включил телевизор, где шло ранее записанное Ежи Маркушевским его прощание.

Яцек завещал нам дела, о которых нам следовало позаботиться после его смерти. Главное, чтобы в бюджете нашлись деньги на образование и на воспитание будущих поколений в духе уважения к национальным меньшинствам.

Счастливый, заваленный цветами и подарками, он качался в кресле, которое тоже получил в подарок, и слушал песни группы «Черемшина» из Подлесья.

Между тем аневризма увеличивалась, часовой механизм тикал. Марек Эдельман, который никогда не сдастся перед лицом болезни, все-таки сказал Яцеку: «Яцек, когда-нибудь от чего-нибудь придется умереть. Уверяю тебя, что смерть от разрыва аневризмы брюшной аорты — хорошая смерть, быстрая».

Но Яцек жил и продолжал высказываться по вопросам, которые считал важными. Он напечатал текст против люстрации, призывал не обострять польско-украинских отношений, протестовал против подавления прав человека в Китае и Тибете, защищал раввина Йосковича, подвергнутого нападкам за неудачные высказывания.

В декабре 1999 г. Эдельман решил собрать полную медицинскую документацию Яцека и отправить в Париж, Алине Эдельман-Марголис, которая традиционно опекает польских больных.

— Нашелся профессор, готовый провести Яцеку шунтирование брюшной аорты, чтобы уберечь ее от разрыва, — рассказывает Дана. — Мы отправили бумаги, а он в ответ написал, что слишком большое число болезней не позволяет делать пациенту операцию.

Несмотря на это Эдельман велел друзьям купить Яцеку и Дана билеты в Париж. Он рассчитывал, что, увидев Яцека, профессор передумает. Так и произошло.

«Вчера, — сообщала нам в январе 2000 г. живущая в Париже Ирена Смоляр, — Яцеку сделали операцию ягодичной артерии. Это первая, самая легкая часть собственно операции. Прошло хорошо. Из Аризоны и Дании доставили (на всякий случай) два разных артериальных эндопротеза. Врачи настроены оптимистически. Яцек в хорошей форме. Устроил в больнице анархию, упорно куря в палате. Его пробовали с кроватью и капельницей возить в курилку, но в конце концов разумно поддались силе его привычек и воли».

В операции принимали участие 13 врачей. Яцек, едва проснувшись, сорвался с постели, чем вызвал в отделении панику. Двумя днями позже мы получили по электронной почте сообщение, что Яцек уже «яро воюет с французами за свою суверенность, т.е. за право курить где хочет и когда хочет».

Университет в Теремисках

Когда справились с аневризмой, пошли проблемы с почками. Жизнь Яцека протекает в неустанных анализах. Ему положено много пить. Он не расстается с большой бутылкой минеральной воды. Начинается заколдованный круг: или воды в организме слишком много — и он опухает, или он обезвожен — и тогда у него подскакивает уровень креатина, а организм отравляется. Единственная почка Яцека — вторую ему удалили в 1994 г. — работает все хуже. Сердце, все более слабое, с трудом откачивает воду, которая откладывается в легких. Из одного воспаления легких Яцек сразу переходит в следующее. В перерывах между двумя воспалениями легких, между двумя больницами он завершает дело жизни.

На рубеже 2000 и 2001 гг. рентген показал, что у Яцека есть что-то в легких. Это могут быть следы инфекции, но друзей охватил жуткий страх, что это метастазы. Эдельман сказал спокойно: «Левая нижняя доля — лучшее место для рака, отлично оперируется».

В феврале 2001 г. добрая весточка по электронной почте обошла весь мир: компьютерная томография показала, что метастаз у Яцека нет. Мы сами ее посылали, а теперь она к нам возвращалась от друзей Яцека, рассеянных по всему свету.

Хотя Яцек без всякого смущения рассказывает о том, что его мучит, но своим состоянием здоровья не интересуется, не умеет повторить, что сказали врачи, не усваивает ни одного термина (слово «бронхоскопия» ему не выговорить). Известно, что есть такие пациенты, которые способны черпать хоть малую радость из болезней и рассказов о них. Но Яцек не интересуется болезнями — Яцек интересуется Польшей.

Движущая сила Куроня — его картины того, как исправить мир. На этот раз это картина всеобщего образования и ее реализация на малом участке — в белостокской деревне Теремиски. Сын Даны Павел со своей женой Касей и журналистом «Газеты выборчей» Адамом Вайраком решили осуществить один из замыслов Яцека: идею неформального просвещения. Вайрак купил там граничившую с его

домом старую школу, где будет получать образование молодежь из деревень и малых городков — дети безработных родителей. Занятия в университете ведут Кася и Павел Винярские по правилам, как сами говорят, «педагогика Яцека Куроня».

Мое время наступило

В сентябре 2001 г. состояние легких Яцека стало катастрофическим. Его положили в армейский госпиталь, на отделение пульмонологии, где диагностировали аспирационную пневмонию и мерцательную аритмию. Оттуда его отвезли в Анинскую клинику под Варшавой, в отделение интенсивной терапии, где доктор Янина Стемпинская вступила в битву за его жизнь.

Когда через месяц Яцек с Данусей вернулись домой, коллектив университета в Теремисках представил Яцеку готовый проект, а в его квартире на ул. Мицкевича начало собираться новое поколение двадцатилетних, которых Яцек заразил своей великой жизненной страстью. В октябре 2001-го он еще раз поднялся и призвал создать Гражданское движение защиты человека, общественное движение «против волчьего капитализма, за государство, которое заботится о своих гражданах и защищает самых бедных от цены преобразований». Как во времена КОРа, он поставил свой домашний адрес. Стали звонить или просто приходить десятки людей. Вскоре он снова оказался в больнице.

— Яцек, — рассказывает Дана, — всегда так функционировал: если что-то надо сделать — делал. Четыре дня подряд мы ездили на встречи с рабочими. Его организм вырабатывал столько адреналина, сколько на это требовалось. Но теперь то, что когда-то было его силой, разрушает его. Он мобилизует огромные силы, работает на крике и тратит остатки энергии, необходимой ему, чтобы жить. Люди часто спрашивают меня, почему его не видно по телевидению, почему он с ними не встречается. Но теперь контакт с Яцеком можно установить лишь через то, что он пишет.

В 2002 г. вышла написанная в особенно болезненном состоянии книга «Деятельность. Если мы не работаем над своей жизнью, она господствует над нами», где Яцек изложил свою концепцию развития мира, его будущего, грозящих ему опасностей. Теоретическая и трудная, книга встретила слабый общественный отголосок. Яцек огорчился, но в то же время повторял: «Я знаю, что мое время наступило. Моя книга определит мышление будущих поколений. Правда, я этого не дожусь, но это неважно».

Любовь как окружающая среда

1 ноября 2002 г. Яцек поехал на Украину, чтобы на Лычаковском кладбище принять участие во встрече семей польских и украинских жертв братоубийственной войны [польско-украинской войны 1919 года].

С некоторого времени вновь была возбуждена дискуссия о львовском кладбище Орлят [защитников Львова от украинских войск]. Яцек, по рождению львовянин, воспитанный на легенде львовских Орлят, написал в «Газету выборчу» текст «Я понимаю протест украинцев»: «В братоубийственной войне в героических боях с обеих сторон погибли люди, и по обе стороны они боролись за независимость. А мы заставляем украинцев согласиться на то, чтобы этот пантеон триумфа польского оружия стоял в городе, который они считают сердцем Украины».

— Я всегда задумываюсь, нельзя ли найти взаимопонимание, — говорит он нам. — Нельзя же жить в мире, где люди не понимают друг друга. Иногда взаимопонимание невозможно, но пробовать не повредит же?

У соседствующих друг с другом могил сичевых стрелцов и львовских Орлят (эти два кладбища разделяла стена, которую разобрали) впервые в истории вместе молились украинец, греко-католический епископ, и поляк, католический епископ. По украинскому телевидению показали Куроня в инвалидной коляске, которого обнимали украинцы и поляки.

— Тогда у меня уже давно не было сил ходить, — говорит нам Яцек, который едва способен дойти от комнаты до ванной.

А тогда у него вдобавок еще было воспаление легких. Рядом с ним стояла украинская медсестра Слава Данылько с сумкой, полной лекарств, и в перерывах церемонии делала ему инъекции.

Тем не менее в 2002/2003 учебном году в перерывах между больницами ему удалось три раза приехать в Теремиски на свой курс лекций «Любовь как естественная среда человека».

Речь Посполитая внуков

3 марта 2003 г. у Яцека наступила полная блокада проведения импульса между предсердиями и желудочками. Это был результат тяжелых электролитных нарушений. Единственная почка перестала работать, и 1 апреля Яцеку начали проводить диализ.

— По вторникам, четвергам и субботам, — говорит Дануся, — он лежит прикованный к постели под двумя капельницами, неподвижно, так как любое движение вызывает боль. В середине диализа начинаются судороги, а после диализа падает давление, начинается сердечный приступ, и Яцек задыхается. На следующий день с утра он приходит в себя, чтобы назавтра снова ехать на диализ.

Уже через неделю он впервые решительно запротестовал. Сказал, что человек не может быть придатком машины и что если его жизнь должна быть лишь физиологией, то спасибо большое.

2004 год. Проходят новые месяцы диализа. Диализ — это не только подчинение жизни больничному ритму, но и десятки неприятных побочных эффектов.

— Я так потею, — рассказывал нам Яцек, — что по двадцать раз за ночь меняю майку. В таком полусне мне мерещилось, что это майки для еврейских детей, а я у них эти майки отнимаю.

Нет у Яцека ни одного органа, который бы на что-нибудь годился. Хуже всего, однако, почечная недостаточность: она приговаривает его жить под диализом до конца своих дней. Яцек мечтает о пересадке почки. Пока, однако, он вынужден принять образ жизни, который ему глубоко чужд, жизни, сосредоточенной на собственной физиологии.

Яцек рассматривает больницу как тюрьму, с той разницей, что из больницы под свою ответственность можно выписаться. Чем он часто пользуется. Однажды его не хотели выпускать, объясняя, что он может умереть. Тогда он написал бумагу: «Заявляю, что, будучи homo sapiens, я все время живу с сознанием того, что когда-нибудь умру. Более того, я давно уже умираю. Яцек Куронь».

Самое главное дело, которое он еще должен осуществить, это — шутка сказать — проведение всемирной революции в образовании.

— Человечество, — утверждает Яцек, — оказалось на пороге новой эпохи, когда благодаря кибернетической революции каждый может обладать равным доступом к науке и культуре.

Он готовит новую книгу, в которой излагает свои теории о том, как построить лучший мир. Заглавие: «Речь Посполитая моих внуков». Она должна выйти в издательстве «Роснер и К°», и директор издательства Анджей Роснер месяцами ходит к нему по понедельникам, средам и пятницам — по тем дням, когда у Яцека нет диализа.

— Яцек всегда подготовлен, — рассказывает нам Роснер. — Диктует мне свои записи, иногда это продолжается минут двадцать — больше он говорить не в состоянии.

В свой день рождения Яцек всегда старается быть дома, однажды едва добился от врачей, чтобы его выпустили. Но в этом году не вышло. Он ждет в больнице операции по установке кардиостимулятора. Врачи не сдались: четверть часа, нужные, чтобы доехать на «скорой помощи» до дома, — слишком большой риск.

— Слух о моей смерти, разнесшийся пять лет назад, был, пожалуй, преждевременным, — признается Яцек, когда мы навещаем его в его семидесятилетие.

Мы заглядываем в компьютерный архив «Газеты wyborчей»: за описываемый нами период имя автора — Яцек Куронь — появляется 77 раз.

— Но если ты уже такой больной и всё у тебя так болит, что делать ничего не можешь, то что же ты тогда делаешь? — спрашиваем мы.

— Когда меня уже так придавит, что не могу встать с постели, лежу, скулю, вою, то у меня образуется краткий перерыв. Но мне всегда надо что-то делать. Хотя бы подумать о себе. Неустанно свожу счеты с совестью. В моей религии ни один грех не отпускается, каждый я припоминаю заново и размышляю, как его исправить.

 gazeta

Мауро Мартини

ФАКТОР КУРОНЯ

Кончина Яцека Куроня вызвала громкий отклик в европейской печати. Влиятельная итальянская газета «Иль фоллио», возглавляемая замечательным публицистом Джулиано Феррарой, 19 июня поместила на первой полосе публикуемую здесь статью памяти Яцека Куроня. Автор статьи — профессор университета в Тренто, специалист по новейшей истории стран Восточной Европы.

Зима 1978/1979 г. была для Польши под властью Эдварда Герека исключительно тяжелой. Суровые морозы содействовали обнажению шаткости государства, которое уже почти десять лет старалось воспользоваться некоторым потеплением политических отношений между двумя блоками. Однако застой, воцарившийся в Москве, не обещал открытия новых путей. Польская демократическая оппозиция, сформировавшаяся после забастовок в Радоме и Урсусе (1976), достигла апогея своих возможностей. КОР (Комитет защиты рабочих) развил целую серию новых начинаний, не вмещавшихся ни в какие

Яцек Куронь и Адам Михник в «цепочке мира» между израильским и палестинским посольствами. Варшава, 21 апреля 2002

Однако стратегия была уже другой. Подобно тому, как это удалось в одной лишь Испании, оппозиция стремилась создать структуры гражданского общества, чтобы широко воплотить их в

официальные рамки. Это предпринял слой общества, отвергавший всякий контроль со стороны тоталитарной системы, а в начинания эти входили и неподцензурные издания, и «летучие университеты», лекции и семинары которых проходили на частных квартирах, — это было продолжением методов, широко применявшихся поляками во время немецкой оккупации.

Однако стратегия была уже другой. Подобно тому, как это удалось в одной лишь Испании, оппозиция стремилась создать структуры гражданского общества, чтобы широко воплотить их в

Картинки из ПНР

Очередь за туалетной бумагой на главной площади Кракова

Брежнев поучает Ярузельского и Герека

жизнь, как только появятся первые трещины в стене тоталитаризма. Правда, политическая и физическая агония Брежнева в Кремле, казалось, будет тянуться без конца, и момент широкого воплощения новой стратегии все время оттягивался.

И вот под конец этой бесконечной зимы 1979 г. Яцек Куронь, *spiritus movens* Комитета общественной самозащиты КОР,

произнес свою знаменитую речь на подпольном собрании. Вопреки пассивности и разочарованию, охватившим уже многих его слушателей, он предсказал — опираясь на неопровержимые факты и цифры, — что неуклонно приближается момент смены власти. Этот тезис стал на целые недели главным предметом обсуждения среди варшавской интеллигенции, вызывая немало споров и возражений. В июне того же года в Польшу прибыл со своим первым паломничеством Иоанн Павел II, и массовое участие поляков в молебнах и литургиях, которые он служил, доказало, что Яцек Куронь еще раз был прав. Уже на следующий год предстояло возникнуть «Солидарности».

Яцек Куронь умер в 70 лет после продолжительной болезни. Он ушел в сиянии той ясности ума и замыслов, благодаря которой на протяжении полувека своей политической жизни он мог пользоваться авторитетом не только несомненным, но, пожалуй, куда большим, чем у лиц, намного более известных на международной сцене. Если сегодня Лех Валенса говорит, что без Куроня не было бы «Солидарности», то это утверждение не принадлежит к посмертным банальностям. Он, конечно, помнит, с какой быстротой и энергией проводилась в жизнь мысль Куроня, когда еще в июле 1980-го варшавские и краковские интеллигенты поспешили в Гданьск, в результате чего новая волна забастовок не ограничилась материальными требованиями и разрушительностью, а всеобщее недовольство вылилось в форму общественной программы. Этому Куронь вместе с друзьями из КОС-КОР, в первую очередь Адамом Михником, посвятил целое предшествующее десяти-

Избирательный штаб Яцека Куроня
после объявления результатов
президентских выборов в 1995 году

летие, хорошо помня горькие поражения *изолированных* движений: студенческого в 1968-м и рабочего (в городах балтийского побережья) в 1970-м.

Имя Куроня неразрывно с его — написанным вместе с Каролем Модзелевским — открытым письмом, направленным в 1965 г. руководству ПОРП. Это была декларация «ревизионизма», за которую он то-

гда заплатил приговором к первым трем годам тюрьмы. Без Куроня не обошелся ни один ключевой момент позднейшей политической жизни, включая «круглый стол» 1989 г., когда страна мирно распрощалась с коммунизмом. Это была долгая деятельность, в которой педагогический фактор играл важную роль. Деятельность эту трудно назвать «карьерой» — еще и потому, что ее ведущим мотивом была не политическая игра, а желание сотрудничать с людьми, заслуживающими искренней дружбы. Нельзя также говорить об этой деятельности и умолчать об истории большой любви, соединявшей Яцека с женой, преждевременно угасшей Гражиной (Гасей).

Куронь был человеком, политическая проницательность которого не содержала элементов холодного расчета, а, наоборот, порождалась страстью. Его мучило чувство вины за то, что ему так и не удастся открыть смысл жизненных процессов. Он был тем министром труда в первых посткоммунистических правительствах, который позаботился создать пункты раздачи еды тем, кого затронула цена либеральных реформ, проводившихся его коллегой из министерства финансов. Он был гордым польским патриотом, который никогда не прекращал борьбы за установление дружественных отношений с евреями и украинцами. Он был уже вполне зрелым человеком, когда под влиянием сочинений Дитриха Бонхоффера стал лицом к лицу с тайной веры, отвергнув всяческий атеистический догматизм. Все это создает образ одного из самых благородных отцов Европы.

IL FOGLIO

Кароль Модзелевский

РЕЧЬ НА ПОХОРОНАХ ЯЦЕКА КУРОНЯ

На кладбище, разумеется, не всё уместно говорить. Но на похоронах Яцека Куроня действуют другие правила. И тоже не всё уместно — главное, неуместно придерживаться канонов так называемой политкорректности. Я и не буду.

Не станем себя обманывать: Польша без Яцека Куроня будет слабее. Слабее, хуже. Нам труднее будет противостоять различным опасностям. Одновременно я отдаю себе отчет в том, что не все разделяют такое мнение.

Многим людям Яцек мешал. Нет в Польше недостатка и в таких людях, которые считают, что они-то наверняка знают, как твердой рукой следует ввести надлежащий социальный порядок, как твердой рукой обеспечить соблюдение твердых правил рынка. Если позаимствовать определение у Войцеха Млынарского, то это «либералы сильной руки».

Им Яцек заведомо мешал. Потому что он был бунтарь, притом безумно неудобный бунтарь. За свою разнообразную и богатую жизнь он дважды побывал в политической партии — и ни в одну не вменялся. Он приложил руку к построению двух разных общественных порядков — и против обоих бунтовал. Он категорически взбунтовался против коммунистического порядка, но мыслью своей бунтовал и против того, что строил вместе с друзьями в своей зрелости.

А поскольку он был одним из отцов-основателей свободной Польши, постольку его бунтарская мысль оказывалась неудобной. Ибо когда некто по имени Яцек Куронь критиковал социальные итоги польских преобразований либо войну в Ираке и наше в ней участие, то на него невозможно было навесить ярлык демагога — и это было неудобство.

Он умер. Больше таких неудобств не будет. Можно почтить его памятником, можно восхвалить его заслуги, воздать честь его памяти. И всё будет спокойно, никто, обладающий таким авторитетом, не будет сеять сомнений, колебаний, не будет подстрекать людей к бунту. Это и есть та опасность, которая грозит Польше. Когда бунтарская мысль утихнет, Польша станет слабее и хуже будет защищаться от различных опасностей, которым мы обязаны противостоять.

Что склоняло Яцека бунтовать? Не какая-то там идеология, а нечто куда прочнее, куда фундаментальнее всех идеологий. К бунту его склоняли ценности. Короче всего это можно определить словами, принятыми в великой «Солидарности» 1980-1981 гг.: он руководствовался основополагающим принципом защиты слабых. То есть защиты рабочих, когда во времена КОРа ими помыкали, их били, сажали, притесняли; защиты всех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы. Тех, кто слабы, тех, кто живет в нужде, тех, кто не слишком способен обеспечить себе достойную жизнь.

Яцек не считал себя рыцарем, защитником угнетенных. Он, наоборот, считал, что угнетенные должны защищаться. Это значит, что надо действовать вместе с ними, помогать им организоваться, чтобы они сумели защищаться и добиваться своего, чтобы смогли в диалоге с представителями других интересов и других подходов добиваться своего. И добиваться взаимопонимания. Поэтому он смог так успешно посредничать в конфликте, связанном с приватизацией металлургического комбината «Вар-

шава»; и профсоюзные активисты с металлургического комбината «Луккини-Варшава» не случайно сегодня здесь с нами. Поэтому здесь с нами и профсоюзники с судовой «Гдыня», ибо Яцек стал на их сторону твердо и категорически, когда на судовой попытались подавить импульс рабочей и межчеловеческой солидарности с помощью таких средств, как всегда: выбрасывали с работы, угрожали невозможностью содержать семью, применяли всяческие гонения и репрессии, — и поэтому они с нами на его похоронах.

В такое время, когда этику солидарности заменяет принцип конкуренции или еще чаще конкуренция без всяких принципов, Яцек всегда выступал в защиту этики солидарности, в защиту импульсов солидарности между людьми, ибо он отдавал себе отчет в том, что социальное сотрудничество и межчеловеческая солидарность — основополагающие формы общественных связей. Когда общественные связи исчезают, рвутся, это значит, что народ умирает. И потому Яцек в таких обстоятельствах считал, что нужна спасательная операция. И спешил на помощь.

О нем часто говорят, что он пытался достичь безнадёжного. То есть пытался согласовать требования экономической рациональности с социальным чувством. В этом что-то есть. Но почерпнутые из пропагандистских лозунгов слова о «единственном пути» затрудняют достижение истины. Можно сказать, что благодаря им язык мыслям лжет. Не так ведь обстоит дело, что существует одна-единственная экономическая рациональность. И это Яцек тоже признавал. В экономике, как во всякой общественной деятельности, сталкиваются разные ценности, разные интересы и разнообразные соображения. Сегодня верх взял подход, согласно которому в хозяйственном процессе трудовой человек — это затрата. Затрата, которую нужно предельно сократить. Может, даже до нуля. И чем больше удастся его сократить, тем больше экономический успех.

Яцек представлял противоположный подход. Он считал, что такая экономическая модернизация, которая толкает половину Польши на дно, оставляет половину Польши за бортом, — это не успех, а поражение.

Потому что мера экономического успеха — плоды, которые он приносит обычным людям.

Это не значит, что Яцек пытался свой подход навязать другим. Он хорошо помнил опыт коммунизма, в котором сам участвовал, и знал, что подход, который захватит всё поле, а остальные толкнет в сторону, — будь то даже его собственный подход, — обратится в наихудшее зло. Поэтому Яцек был таким ни на кого непохожим революционером, целью которого было не уничтожить противника, а достичь компромисса.

В политическом споре он всегда искал соображений оппонента. Он искал каких-то общих ценностей с теми, кто думал иначе, нежели он, и представлял другие интересы. Он старался влезть в шкуру противника, старался понять его соображения и старался как-то эти противоречащие друг другу соображения согласовать. Можно сказать, что с этой точки зрения важнейшим его проектом для новой Польши был «Пакт о предприятии». Это должен был быть список принципов, определенное правило социальной и экономической жизни, опирающееся на общественное взаимопонимание.

Можно полагать, что это мечтательство. Но я думаю, что это не мечтательство, — это было и остается реальной идеей, как уберечь демократию и рыночную экономику от тяжелых потрясений, как уберечь Польшу от глубокого раскола, вызванного крупным социальным конфликтом.

И если мы растеряем это наследие Яцека, великого революционера и одновременно человека компромисса, то заведомо будем слабы, заведомо будем хуже, и нам будет труднее противостоять опасностям.

Но слова, которые раздалось после его смерти, такое волнение сердец и умов позволяет питать надежду, что мы сумеем принять его эстафету.

Что все мы это сумеем. Во всяком случае попытаемся. И должны мы это — не ему. Должны мы это себе самим.

Эва Новаковская

СВЕТЛЫЕ ГОЛОВЫ

Еженедельник «Политика» объявил очередной конкурс «Останьтесь с нами!» — на стипендии для молодых ученых. Шанс оказаться среди стипендиатов имеют творческие личности, отличающиеся независимостью мышления, верные своим исследовательским интересам.

Мы ищем молодых ученых, которые уже кое-что внесли в избранную ими область науки, имеют оригинальные научные идеи и не чужаются преподавательской деятельности. Мы не отдаем предпочтения никакой области знаний. Наша цель — оказать финансовую поддержку и побудить к дальнейшей работе. Мы призываем: «Останьтесь с нами!» — но это не означает, что мы против стажировки за рубежом или участия в международных проектах.

Мы уже неоднократно писали о прозе жизни молодых ученых в Польше, о том, как они латают дыры в семейном бюджете. В международной научной среде стало принято обращаться за стипендиями, грантами, средствами. Это дает возможность заниматься научными исследованиями, не отвлекаясь на бытовые трудности. В Польше такие возможности только начали появляться. Существует один большой стипендиальный фонд — Фонд поддержки польской науки, выделяющий ежегодно сто стипендий. Другие фонды оказывают поддержку одному-двум кандидатам. Поэтому наша инициатива стала широко известной в научной среде и пользуется огромным интересом. Отбор стипендиатов на основе присланных заявок производит жюри, в состав которого входят крупные польские ученые, а финансовую поддержку конкурсу оказывают известные фирмы и фонды.

Мы сохраняем постоянный контакт с нашими стипендиатами, знаем, какие у них планы: 31 июля у кандидата наук Зенона Яблонского (адъюнкт [младший научный сотрудник] Математического института Ягеллонского университета, стипендиат 2003 г.) свадьба (поздравляем!), а кандидат наук Адам Фиялковский (адъюнкт педагогического факультета Варшавского университета, 2003) соби-

рается весьма активно провести каникулы, работая в архивах Констанцы и Мюнхена. «Я ощущаю на себе некое положительное давление, говорит он, — с тех пор, как «Политика» меня выбрала, все спрашивают, когда защита моей докторской».

Стипендиаты охотно рассказывают, на какие цели потрачены полученные ими деньги. И здесь подтверждается правильность избранного нами правила: ничего в этом вопросе ни навязывать, ни ограничивать. Сколько людей, столько и жизненных ситуаций, а каждая решенная финансовая проблема может повлиять на эффективность научной работы.

— Стипендия дала мне возможность «купить» время, столь необходимое мне для изучения литературы и собственной научной работы, освободив от зарабатывания денег преподаванием. Благодаря этому у меня уже накоплены работы, позволяющие приступить к подготовке докторской диссертации, — говорит кандидат наук Анджей Чеслик (экономический факультет Варшавского университета, стипендиат 2002 г.).

Кандидат наук Зузанна Сеткович (Институт зоологии Ягеллонского университета, 2001) через месяц после получения стипендии родила дочку, а две недели спустя вернулась на работу... вместе с ребенком. Часть полученных денег Зузанна использовала, чтобы снять квартиру рядом с институтом: «Когда дочка спала, я проводила опыты, а когда она просыпалась, мы возвращались домой, где я обрабатывала полученные результаты и планировала работу на следующие дни».

Большинство стипендиатов предназначает деньги на две основных цели: приобретение более современного научного инструментария (быстродействующий компьютер, книги, поездки на международные конференции) и улучшение жилищных условий. Кандидат наук Петр Тшонковский (медицина, 2003) подсчитал, что наша стипендия и другие научные премии, полученные за два года, позволили ему оплатить половину стои-

мости квартиры. На оплату второй половины он заработал, занимаясь внеучебной деятельностью (легальной и налогооблагаемой).

Преобладающее большинство стипендиатов «Политики» встречают одобрение и доброжелательное отношение окружающих. Бывает, результаты конкурса вывешивают вместе с поздравлениями на институтской доске объявлений. Мы получили лишь два удручающих сигнала: одна стипендиатка ушла из своего института, ибо, как она пишет, после минутной славы «столкнулась с темной стороной польской науки»: ей предложили условия работы, равнозначные отсутствию перспективы дальнейшего научного роста. Другую язвительно назвали «охотницей за премиями» (до нашей стипендии она уже получила премию Фонда поддержки польской науки и премию за диссертацию) и отказали в повышении зарплаты в рамках общего регулирования зарплат (получила после вмешательства, работу не потеряла).

Среди наших стипендиатов насчитывается уже 63 человека, в этом году добавится еще несколько десятков. Может быть, по предложению нашего прошлогоднего лауреата, кандидата наук Цезария Вуйчика, они создадут Ассоциацию стипендиатов «Политики», чтобы оказывать влияние на общественное мнение и предлагать положительные перемены не только в науке. Они заведомо уже сегодня представляют собой огромный потенциал.

Мы представляем десять характерных судеб наших стипендиатов прошлых лет.

Моника Милевская:

между террором и поэзией

Она работает в Институте философии религии Польской Академии наук, но сфера ее интересов — между историей и литературой. «Она написала очень важную книгу, продемонстрировав превосходное знание вопроса, при этом книга очень интересная и читается на одном дыхании», — такими комплиментами отметил профессор Мартин Круль опубликованную кандидатскую диссертацию Моника Милевской «Укус и слезы. Террор Великой Французской революции как опыт травматизма», которая была выдвинута на литературную премию «Нике». Часть полученной

от «Политики» стипендии (2002) М.Милевская предназначила на издание сборника своих стихотворений «Путешествие на край света»: «Благодаря этому сборнику у меня словно выросли крылья, я смогла стать одним из инициаторов и участников вечеров инсценированной поэзии в знаменитом гданьском клубе «Жак»».

Ее докторская диссертация посвящена историческим и современным проявлениям культа личности и станет одной из трех книг, над которыми автор работает в настоящее время, не оставляя при этом ни преподавания (она ведет семинар у аспирантов), ни поэзии.

Кинга Борович:

профессорская коронация

В канун своего 35-летия доктор медицинских наук Кинга Борович (адъюнкт Люблинской медицинской академии, стипендиатка 2003 г.) узнала, что ученый совет факультета присвоил ей звание профессора. «Вот это будет коронация», — сказал ее шестилетний сын, когда она объяснила ему, что это звание получаешь во дворце, во время весьма торжественной церемонии, из рук президента.

«Коронация» состоится через несколько месяцев, когда это решение утвердит Центральная аттестационная комиссия. Таким образом, среди наших стипендиатов появится самый молодой в Польше профессор. Кинга Борович подчеркивает, что уверенность в себе помогла ей обрести только победа в нашем конкурсе. Прежде она просто работала над тем, что ее интересовало с медицинской и социальной точки зрения: она исследовала медикаментозно-резистентную (устойчивую к воздействию лекарств) форму эпилепсии. Получив стипендию, она за полгода опубликовала пять новых статей и подготовила к печати три статьи, принятые в издания, которые входят в «Филадельфийский список». Но самым главным она считает свое включение в помощь детям, больным эпилепсией: «Эпилепсия не вызывает таких эмоций в обществе, как, например, раковые заболевания, а между тем она ведет к замедлению развития детей, затрудняет им учебу, ограничивает жизненные возможности. Поэтому они нуждаются в психотерапевтической опеке».

Кишиштоф Гвосдз:

теперь пришла очередь жены

Вскоре после торжественного вручения стипендий прошлого года наш лауреат защитил кандидатскую диссертацию, а затем сдал в типографию книгу, озаглавленную «Эволюция ранга местности в промышленной конурбации. На примере Верхней Силезии (1830-2000)». Нынешний год начался для него с подписания трехлетнего контракта на должность ассистента в Институте географии Ягеллонского университета. Теперь он поддерживает и подгоняет жену, заканчивающую работу над кандидатской диссертацией. Он взял на себя большинство домашних обязанностей, но, по его словам, не откладывает и работу над тремя статьями в журналы из «Филадельфийского списка». Он намерен публиковать много, чтобы подготовить почву для докторской диссертации.

«Стипендия «Политики» — это важное отличие не только для лауреата, но в равной мере и для научного руководителя, кафедры и всего института, — подчеркивает К.Гвосдз. Когда наступили его личные пять минут славы, ему предложили в менее видном вузе должность на порядок выше — с зарплатой в два раза больше — да еще и квартиру. И он отказался, ибо у него главная мотивировка в научной работе — радость открытия. — Но очень приятно, что твои усилия кем-то замечены и оценены».

Мария-Анна Цемерих-Литвиненко:

собственная квартира

«Моя профессиональная жизнь проходит в весьма благоприятной обстановке, среди людей с большими научными достижениями, помогающих другим в осуществлении научных планов», — с удовлетворением отмечает Анна Цемерих, адъюнкт биологического факультета Варшавского университета. На основании того, как рассказывает наша стипендиатка 2003 г. о своих подопечных, можно сделать вывод, что подобная позиция открытости и интеллектуального наставничества передается тут от одного поколения ученых к другому. «Что мне приносит удовлетворение? То, что у меня прекрасные студентки. Одна из них только что защитила превосходную дипломную работу и приступила к научным исследованиям в Гарварде. Разумеется, это ее успех, я

только слегка приложила к этому руку», — заверяет Анна. Чувство удовлетворения — на одном полюсе, а на противоположном — тревога, связанная с состоянием научной среды. Прежде всего с тем, что хорошие научные институты сокращаются, беднеют и все реже принимают на работу молодых сотрудников, защитивших кандидатские диссертации. А если даже и принимают, то предупреждают: уедешь на длительную научную стажировку — возвращаться будет некуда! Анна недавно вернулась после трехлетней стажировки в Гарварде, которая очень помогла ей в изучении нарушений клеточного деления, способных привести к возникновению злокачественных опухолей. Сейчас она готовит докторскую диссертацию. Анна чувствует себя человеком, к которому судьба благосклонна, тем более что они с мужем приобрели свою первую квартиру. В нее была вложена вся стипендия, полученная от «Политики».

Ярослав Якубович:

накоплен материал

2002 год оказался для нашего стипендиата чрезвычайно щедрым: в составе коллектива профессора Мечислава Юрчика он стал одним из лауреатов премии ректора Познанского политехнического института за достижения по итогам года; кроме того его назначили на должность заместителя директора Института техники материалов и включили в состав комиссии по учебной работе при декане. Успехи в карьере, а между делом он приблизил защиту докторской диссертации. «Набралось несколько серьезных публикаций», — сказал он нам и представил список из девяти статей, опубликованных в 2003 г. в специальных журналах. Сейчас он работает над следующими, так как за последний год у него появилось гораздо больше свободного времени: благодаря стипендии «Политики» он довел до конца покупку и ремонт квартиры в Познани. Закончились отнимавшие много времени поездки на работу по 50 км в одну сторону. «Я уговариваю своих коллег прежде всего добиваться получения стипендии от Фонда поддержки польской науки, которую получить легче, а потом, когда накопятся научные достижения, можно обращаться за стипендией «Политики»».

Кшиштоф Олехницкий:

мультимедийный социолог

Самым главным среди важнейших событий за последние полгода стало рождение дочки Марыси. А так как содержание ребенка обходится дорого, стипендия «Политики» (2003) обеспечила семье Олехницких «мягкое приземление». Вскоре после этого знаменательного события в книжные магазины поступил сборник статей по социологии и антропологии образа — «Образы в действии» под редакцией кандидата наук Кшиштофа Олехницкого. Книга вышла в двух вариантах: бумажном и на CD-ROM. Диск наглядно демонстрирует исследовательские возможности нового направления в социологии — антропологии образа. Насколько важно это направление и как значительна книга, вскоре подтвердило Польское социологическое общество, присудив за нее премию им. Станислава Оссовского.

О том, насколько сильна социологическая наука в Торунском университете им. Николая Коперника свидетельствует тот факт, что К.Олехницкий — уже третий лауреат из этого вуза. На наших глазах формируется торунская социологическая школа. Вскоре, очевидно, у нее появится и собственное периодическое издание «Иконосфера», посвященное социологии и антропологии образа, которое будет также выходить в Интернете и на дисках CD-ROM. «Мы хотим предоставить страницы нашего издания исследователям, заинтересованным этой областью науки, — говорит его учредитель Кшиштоф Олехницкий, — а в будущем планируем сделать наше издание англоязычным и международным».

Кароль Каспшак:

расколдованная токсикология

«Заявка на выживание, то есть обращение за стипендиями, за финансированием исследований и выездов, становится для активных молодых людей стилем существования в науке. И очень хорошо!» — уверяет наш стипендиат 2002 г, химик из Торунского университета им. Николая Коперника. Вскоре после получения стипендии он защитил диссертацию и получил за нее премию Польского химического общества и премию фирмы «Сигма-Олдрич» за лучшую работу в области органической химии. Эти успехи способствовали созданию нового исследовательского проекта, кото-

рый он направил в Комитет научных исследований и получил грант на его осуществление. Кароль — редкий тип ученого, которому для счастья необходимы, во-первых, лабораторные эксперименты, а во-вторых, работа на ниве образования и популяризации. Он преподает не только студентам, но и старшеклассникам, в классе с международным аттестатом зрелости. Он сотрудничает также с Фестивалем науки. Его прошлогодняя лекция носила название: «Всё есть яд, и ничто — не яд. Расколдованная токсикология». В текущем году на лекциях он будет говорить о химии любви. А еще он счастливый муж и отец двух дочерей.

Мацей Радзеевский:

защита состоялась, защита предстоит

Стипендию «Политики» (2002) он получил уже после того, как защитил кандидатскую диссертацию и был принят на должность адъюнкта факультета математики и информатики Познанского университета им. Адама Мицкевича. «Я получил собственную лабораторию в новом здании, с новым компьютером, — рассказывает он. — Трудно представить себе более оптимистический старт!» Остался ли он оптимистом? Конечно, остался, ибо ему по-прежнему везет. За диссертацию он был отмечен премией премьер-министра, а в прошлом году стал дважды стипендиатом Фонда поддержки польской науки. Один раз — индивидуально, а второй — благодаря своему научному руководителю профессору Ежи Качоровскому, который часть средств из полученной профессорской субсидии отдал своим подопечным. Теперь Мацей готовит защиту второй диссертации — из сферы наук о Земле. Это результат его участия в проекте ЕС, касающемся последствий прогнозируемого изменения климата.

Много времени он посвящает своему увлечению преподавательской деятельностью: ведет занятия в летних лагерях, семинары в рамках Польского детского фонда (он сам был его стипендиатом), а также математический кружок в университете для особо одаренных учащихся средних школ. Он также участвует в работе окружного комитета математической олимпиады. Сознание, что ученики, которым он помогает, станут вскоре новым поколением молодых ученых, приносит ему большое удовлетворение.

Пшемислав Слешинский:

прекрасно справляется

Он фанатично предан месту своей работы — Институту географии и хозяйственного освоения территории ПАН. Утверждает, что в этом институте партнерские отношения — это норма, и всегда можно рассчитывать на помощь коллег: «Работа в таком коллективе ко многому обязывает, а прекрасная атмосфера многого стоит, гораздо дороже, чем чрезвычайно выгодные предложения охотников за мозгами». Год назад наш стипендиат (2002) стал кандидатом наук о Земле, а недавно — секретарем комиссии, дающей оценку содержанию школьных учебников по географии. Он участвовал в нескольких грантах Комитета научных исследований и в одном — Евросоюза. По его мнению, большинство молодых ученых прекрасно со всем справляется, и тут, кстати, он сам представляет лучший пример: он автор многочисленных публикаций в журналах, разделов в книгах, резюме в сборниках материалов конференций, статей в многотомной Всеобщей энциклопедии Польского научного издательства, экспертных заключений и т.п.

Слешинский занимается главным образом экономической и социальной географией. Пишет на актуальные темы, волнующие общественность. После первых тестов для выпускников реформированных средних школ (весна 2002) он проанализировал, как влияет на результаты экзамена прошлое регионов и господствующие там условия жизни. Изучал пространственное распределение экономической деятельности в варшавской агломерации. В последнее время участвовал в написании книги по вопросам политической географии («Избирательное пространство Польши»).

Петр Тшонковский:

какая лаборатория?

Один депутат из органов местного самоуправления однажды совершенно серьезно спросил Тшонковского, сколько надо заплатить за публикацию фотографии в «Политике», если ты не стипендиат, — просто чтобы тебя увидели. «А я в заявке на грант в Комитет научных исследований напишу, что получил вашу стипендию, — говорит Петр. — Посмотрим, какой будет реакция профессуры! В конце концов реальное значение ученого измеряется тем, чего он достиг, а не премиями, которыми он отмечен».

Диссертацию он защитил уже после получения нашей стипендии (2003), затем стал адъюнктом в своей родной Гданьской медицинской академии. Продолжает заниматься исследованиями в области иммуногеронтологии, то есть сопротивляемости организма у пожилых людей. Петр скептически относится к убежденности в том, что после 1 мая польская наука, включенная в общеевропейскую систему, продемонстрирует все, на что она способна: «Я собирал отрицательные рецензии на свои работы, которые не были приняты за границей потому только, что их результаты не были опубликованы какой-нибудь лабораторией на Западе. Я убежден, что у нас еще долго не будет равных возможностей с лабораториями Евросоюза. Не предпринято никаких политических шагов, чтобы поставить вопрос о недостатке капиталовложений в науку в странах — новых членах ЕС».

POLITYKA

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Впервые выборы в Европейский парламент прошли «с истинно континентальным размахом — от Дублина до Люблина», как выразился председатель Европарламента Пэт Кокс. Избраны 732 депутата из 25 государств. Польшу представляют 54 депутата. (*«Газета выборча», 11 июня*)

• На первых польских выборах в Европарламент больше всего голосов набрала «Гражданская платформа» (24,92%), что позволило ей получить 15 депутатских мандатов. За ней следуют: «Лига польских семей» (15,92% голосов, 10 мандатов), «Право и справедливость» (12,67%, 7 мандатов), «Самооборона» (10,78%, 6 мандатов), коалиция «Союза демократических левых сил» (СДЛС) и «Унии труда» (9,34%, 5 мандатов), «Уния свободы» (7,33%, 4 мандата), крестьянская партия ПСЛ (6,35%, 4 мандата) и «Польская социал-демократия» (5,33%, 3 мандата). Явка на выборы составила 20,87%. (*1 программа Польского радио, 14 июня*)

• Новоизбранными польскими депутатами в Европейский парламент стали, в частности, бывший премьер-министр Ежи Бузек («Гражданская платформа»), бывший министр иностранных дел Бронислав Геремек («Уния свободы»), бывший министр приватизации Януш Левандовский («Гражданская платформа») и вице-маршал Сейма Януш Войцеховский (ПСЛ). (*1 программа Польского радио, 15 июня*)

• Комиссаром Европейской комиссии стала Данута Хюбнер, членом Европейской счетной палаты — Яцек Учкевич, судьей Европейского суда юстиции — проф. Ежи Макарик, а Европейского суда первой инстанции — проф. Ирена Вишневская-Бялецкая. В совет Европейского центрального банка в силу своей должности вошел президент Польского национального банка проф. Лешек Бальцерович, а в совет губернаторов Европейского инвестиционного банка — министр финансов Анджей Рачко. Кроме того Польша получила по 21 месту в европейских совещательных органах: социально-экономическом комитете и комитете регионов. (*«Политика», 22 мая*)

• По данным опроса ЦИОМа, в июне 2003 г. на вопрос: «Как вы относитесь к вступлению Польши в Евросоюз?» — 77% опрошенных ответили «положительно», а 23% — «отрицатель-

но». В мае 2004 г. к членству в ЕС положительно относился 81% опрошенных, а отрицательно — 19%. (*«Газета выборча», 27 мая*)

• Продолжается массовый выезд поляков на легальную работу в Великобританию и Ирландию. В некоторых регионах Польши свободное места в автобусе нужно ждать целых три недели. (*«Ты-годник повзехный», 23 мая*)

• «Инвестиционный бум в деревне. Крестьяне поверили Брюсселю и за деньги Евросоюза начали массово модернизировать свои хозяйства. Это ведет к резкому росту продажи сельскохозяйственной техники и строительных услуг. Кооперативные банки открывают новые счета». (*«Жечпо-сполита», 8 июня*)

• Согласно сельскохозяйственной переписи населения, в Польше — почти 3 млн. крестьянских хозяйств (чуть ли не половина от общего числа во всей Западной Европе), в которых живут 7,5 млн. человек. Площадь миллиона из этих хозяйств — менее одного гектара. Только 150 тыс. хозяйств зарабатывают на продаже сельскохозяйственных продуктов больше 25 тыс. злотых в год (эквивалент средней зарплаты). Как правило, это современные хозяйства. Сельскохозяйственное образование получили 45% польских крестьян, в т.ч. высшее — 1%, среднее — 5,5%; курсы для выпускников средней школы окончили 1,5%. Остальные 37% окончили сельскохозяйственные ПТУ или курсы. (*«Впрост», 13 июня*)

• «[Фиктивный] брак за деньги — не единственная выгода, которую польские граждане могут извлечь из вступления в Евросоюз. Например, интеграция выгодна т.н. челнокам, т.е. мелким контрабандистам (...) Будучи гражданами государства-члена ЕС, они могут перевезти через границу в шесть раз больше таких товаров, как сигареты, алкогольные напитки, косметика. Владельцы бросовой земли заработают на ее облесении. По правилам Евросоюза, за каждый гектар засаженной лесом земли можно получить до 725 евро (...) Заработать можно даже на использованных картриджах для принтеров, тонерах и других электронных отбросах. Правила Евросоюза поощряют утилизацию использованных элементов». (*Вioletta Красновская и Виктор Светлик, «Впрост», 16 мая*)

• 15 лет назад активист «Солидарности» Гжегож Берещкий был близким сотрудником Леха Валенсы. Некоторое время тому назад Берещкий основал Кооперативную кредитно-сберегательную кассу (ККСК), которая приобретает новых клиентов в темпе, каким не может похвастаться ни один другой банк. С начала 2002 г. число членов ККСК удвоилось и в настоящее время превышает миллион человек. В два раза увеличилась также стоимость кредитов и депозитов. Количество отделений возросло с 680 до 1363. Таким образом по охвату территории ККСК опередила крупнейший из розничных банков — Польский банк «Всеобщая сберегательная касса», который располагает только 1240 отделениями. ККСК — это общественная организация, дающая в кредит деньги, вносимые членами в общий котел. Она не нацелена на прибыль и потому обеспечивает высокие проценты на сберегательные вклады (в два раза выше, чем в коммерческих банках) и самые низкие проценты по кредитам. (*Эльжбета Глапак, «Ньюсуик-Польша», 30 мая*)

• «Владельцы небольших магазинов, поначалу испугавшиеся экспансии крупных зарубежных торговых сетей, меняют методы управления. Вместо того чтобы препираться, они начинают сотрудничать. Под боком у гигантов выросли семейные сети с эффективным управлением, дающие достойный отпор конкурентам». (*«Политика», 15 мая*)

• С начала года объем продаж польских промышленных предприятий увеличился на 19,6%, а в апреле — на 22%. Оживление охватило почти все отрасли экономики. Теперь ее тянет вперед не только экспорт, но и внутренний спрос — прежде всего инвестиционный. (*«Жечпосполита», 21 мая*)

• В I квартале ВВП вырос на 6,9%. По прогнозам аналитиков, рост за весь 2004 г. составит 5,4–6%. (*«Жечпосполита», 11 июня*)

• Витольд Гадомский: «Тот факт, что польская экономика развивается (...) означает, что она в значительной мере независима от безумств политиков. Однако я бы предпочел, чтобы мы не испытывали ее на прочность очередными безумствами». (*«Газета wyborcza», 21 мая*)

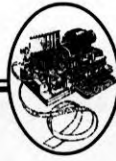
• Согласно последнему распоряжению министра сельского хозяйства, «постройки, в которых содержатся животные, должны быть недоступны для всех других животных, кроме содержащихся в данном хозяйстве». Это предписание вынуждает разрушать гнезда ласточек, прилепленные к коровникам, свинарникам, конюшням и курятникам. (*«Политика», 29 мая*)

• Сатирик Станислав Тым: «Гнезда сбросят, приказ есть приказ, а уж как дальше жить ласточкам — это их личное дело. Что сделали ласточки некоему бедолаге, у которого есть печать с надписью «министр сельского хозяйства»? Может, одна из них насрала на него? Дорогая редакция, оставь этот глагол — только он подходит к такому распоряжению». (*«Жечпосполита», 5-6 июня*)

• «Еще несколько лет назад Висла напоминала сточную канаву (...) Сейчас воды Вислы в окрестностях Варшавы уже настолько чисты, что воеводская санэпидстанция впервые за последние 20 лет разрешила купаться в них. В поймах самой большой польской реки все чаще гнездятся редкие птицы (...) В последнее время в Висле обнаружили даже лососей, которые любят чрезвычайно чистую воду. Этим экологическим чудом мы обязаны экономическим трудностям страны. В результате закрытия множества заводов, шахт и металлургических комбинатов в Вислу перестали сливать отравленные сточные воды. Река начала естественным образом очищаться, и благодаря этому в воды и на берега Вислы вернулись прежние обитатели, которых здесь не видели в 70-80-е годы». (*Пшемислав Миллер, «Ньюсуик-Польша», 13 июня*)

• 15 лет назад, 4 июня 1989 г., в Польше состоялись выборы в Сейм (названные «контрактными»), приведшие к смене политической системы. По этому случаю ЦИОМ провел опрос, результаты которого мы приводим ниже. Самыми заслуженными поляками были признаны Лех Валенса (25%), Иоанн Павел II (19%) и Александр Квасневский (12%). Репутацией главных вредителей пользуются Лешек Миллер (17%), тот же Лех Валенса (13%) и Анджей Леппер (6%). Главными событиями опрошенные сочли вступление Польши в Евросоюз (44%), а также избрание президентами Леха Валенсы и Александра Квасневского (по 10%). Перемены, произошедшие после 1989 г., положительно оценили 58% опрошенных, а отрицательно — 35%. 40% считают, что у молодых поляков больше шансов на удачную жизнь, чем у их родителей; 53% придерживаются противоположного мнения. Когда опрошенным предложили оценить различные сферы общественной жизни по 10-балльной шкале, самую высокую оценку получили СМИ (6,74). Второе место заняла инициативность граждан (5,82), а третье — международная позиция Польши (5,08). (*«Политика», 5 июня*)

• «Gdansk Lech Walesa Airport» — так со вчерашнего дня называется аэропорт Тригорода [Гданьска, Гдыни и Сопота]. Сам Валенса признался, что был ошарашен и смущен. «Я впервые

в такой ситуации. Я даже думал, умереть мне сперва, или все-таки принять это предложение», — сказал он во время торжественной церемонии. (*«Газета wyborcza»*, 11 мая)

• «Согласно опросам, народ любит Марека Бельку и хочет, чтобы он был премьером» Бельку поддерживает 61% опрошенных «Пентором» 8-10 мая. (Рафал Закшевский, *«Газета wyborcza»*, 14 мая)

• В Сейме правительство Бельки поддержали только 188 депутатов — 262 были против. Большинство, необходимое для ветоума доверия, составляло 226 голосов. (*«Газета wyborcza»*, 15-16 мая)

• Премьер-министр Марек Белька: «Каждый государственный чиновник — участник эстафеты. Надо думать, что будет потом, а не только вставлять палки в колеса политическим противникам, которые придут к власти после нас». (*«Впрост»*, 30 мая)

• Тадеуш Мазовецкий, первый премьер-министр Третьей Речи Посполитой (август 1989 — декабрь 1990): «Из-за того, как функционирует так называемый политический класс, общество начинает привыкать к низким стандартам поведения в общественной жизни. И в жизни вообще. Именно тот факт, что все с этим мирятся, особенно пагубен и просто драматически опасен. В то же время, если говорить о внешней безопасности и возможностях развития, то после вступления в НАТО и ЕС мы переживаем такой благоприятный период, какого еще не было в новейшей истории Польши. На протяжении этих 15 лет мы пережили нечто такое, о чем нельзя было даже мечтать: Польша свободна, и мы добились этого мирным путем. Это обеспечило успех перемен не только у нас, но и в других странах Центральной и Восточной Европы — и этим мы можем гордиться. Вместе с тем я ощущаю горечь неудач». (*«Политика»*, 5 июня)

• Большинство депутатов (190 «за» при 142 «против») решило, что официальной позицией Сейма по делу о коррупционной афере Рывина будет отчет депутата Збигнева Зёбро (члена следственной комиссии от «Права и справедливости»). Это самый радикальный из отчетов, написанных членами комиссии. По мнению Зёбро, Рывин действовал не один. В группу, стоявшую за ним, входили премьер-министр Лешек Миллер, министры Александра Якубовская и Лех Никольский, а также директор Польского телевидения Роберт Квятковский и секретарь Всепольского совета по делам телевидения и радиовещания Влодзимеж Чажастый. Зёбро считает, что президент Александр Квасневский и бывший премьер-министр Лешек Миллер долж-

ны отвечать перед Государственным трибуналом, а уголовную ответственность должен нести не только Лев Рывин, но и Якубовская, бывший начальник канцелярии премьера Марек Вагнер и начальник Агентства внутренней безопасности Анджей Барчиковский. (*«Жечпосполита»*, 29-30 мая)

• Вице-маршал Сейма Томаш Наленч (председатель следственной комиссии Сейма по делу Рывина): «Это была черная пятница. Политический крах СДЛС, провал его методов лавирования в политике, поражение всего парламента». (*«Газета wyborcza»*, 31 мая)

• «То, чего не смогли добиться ни «Солидарность», ни Валенса, удалось сделать Миллеру (...) Он погубил самую влиятельную экс-коммунистическую партию Восточной Европы». (Януш Ролицкий, *«Газета wyborcza»*, 1 июня)

• После «черной пятницы» в Сейме президент Александр Квасневский заявил на специальной пресс-конференции: «Мы переживаем исторический момент. Произошла очень опасная вещь: польские политики утратили государственный инстинкт». Квасневский назвал отчет Зёбро «крайне политизированным». По мнению президента, «в пятницу верх взял политический расчет, истина не имела никакого значения». «Я никоим образом не был замешан в так называемую аферу Рывина», — сказал Квасневский, считающий, что ближе всего к действительности «рациональный отчет» Томаша Наленча. Что касается СДЛС, то он совершил ошибку, пытаясь силой пропихнуть отчет Аниты Блоховяк (которая утверждает, что Рывин действовал по собственной инициативе, без политической «крыши»). (*«Газета wyborcza»*, 1 июня)

• Директор Института истории социологической мысли при Варшавском университете Павел Спек: «Политическая сцена построена по принципу жесткой конкуренции. Некому сыграть роль центра, вокруг которого могли бы объединиться главные партии. Не осталось и следа от идеи компромисса, нет воли к поиску соглашений (...) Ситуация нестабильна и непредвиденна — тем более, что на нашей политической сцене победил язык Леппера. Теперь все прибегают к демагогической риторике (...) Язык демагогии — это превращение общественной дискуссии в побоище, что лишает нас надежд на создание центра и поиск общих политических целей». (*«Впрост»*, 30 мая)

• Из выступления Тадеуша Мазовецкого на конгрессе Международного института прессы: «Политикам все чаще не хватает смелости говорить о своих взглядах и убеждениях. Зато они говорят то, что повсеместно нравится и может получить

широкую огласку в СМИ (...) Мы наблюдаем разложение принципов общественной жизни. Всё можно сказать, любого можно оскорбить — вот к чему приучают потребителей информации». (*«Жечпосполита», 17 мая*)

• Согласно опросу ЦИОМа, «Гражданскую платформу» поддерживают 28% поляков, «Самооборону» — 17, «Право и справедливость» — 12, «Лигу польских семей» — 9, «Польскую социал-демократию» — 8, СДЛС и ПСЛ — по 7 и «Унию труда» — 2%. (*«Газета wyborча», 25 мая*)

• В подготовленном ЦИОМом рейтинге политиков на первом месте — по-прежнему Александр Квасневский, которому доверяет 71% опрошенных, а не доверяют 15%. На втором — президент (мэр) Варшавы Лех Качинский (49 и 19%), на третьем — маршал Сейма Юзеф Олекс (48 и 24%). Анджей Леппер занял 10-е место: ему доверяют 42% поляков, а не доверяет 41%. (*«Газета wyborча», 2 июня*)

• Президент Александр Квасневский и министр обороны Ежи Шмайдзинский заявили, что Польша не сократит свой военный контингент в Ираке. (*«Тыгодник powszechny», 23 мая*)

• В течение года в Ираке погибло десять поляков — шестеро военнослужащих, два журналиста и два бывших солдата спецподразделения ГРОМ, работавших в американском охранном агентстве «Блэкуотер». (*«Жечпосполита», 9-10 июня*)

• «Ухудшающаяся ситуация в Ираке не дает нам возможности работать, поэтому мы приостановили деятельность миссии в Хилле», — заявила Янина Охойская, основатель «Польской гуманитарной акции». ПГА помогала иракцам на протяжении 10 месяцев. Организация построила новые школы, отремонтировала разрушенные, создала детские и спортивные площадки и организовала иракским детям выезд на каникулы — все это почти на 2 млн. долларов. (*«Газета wyborча», 11 мая*)

• Согласно опросу ЦИОМа, 74% поляков высказываются против участия польских войск в стабилизационной миссии в Ираке. 23% поддерживают польское присутствие в этой стране. (*«Жечпосполита», 22-23 мая*)

• Живущий в Польше уже 13 лет имам познанской мусульманской общины Ахмед Аммар, по происхождению йеменец, был внесен в список лиц, представляющих угрозу безопасности страны, и выдворен из Польши. Выслушав аргументы начальника Агентства внутренней безопасности (АВБ), комиссия Сейма по делам спецслужб пришла к выводу, что депортация Аммара была оправданным шагом. (*«Жечпосполита», 25, 26 мая*)

• Скорее всего Аммар был одним из т.н. «спящих агентов», которые около 1990 г. были разосланы в разные страны Европы для создания исламистской сети. На след этой сети польские спецслужбы вышли в 1997 году (...) Около десяти лет Ахмед Аммар жил в Польше, никак себя не проявляя. АВБ заинтересовалась им, когда оказалось, что он — один из организаторов выездов польских мусульман в медресе и тренировочные лагеря на Ближнем Востоке. Кроме того Аммар помогал полякам, принимавшим ислам (...) За последние 10 лет число [польских] мусульман возросло с 5 до 25 тыс. человек — главным образом благодаря материальной поддержке, оказываемой новым приверженцам этой религии (...) Ахмед Аммар занялся также пропагандой воинствующего ислама среди польских татар. Когда [глава мусульман Польши Томаш] Миськевич вернулся из Саудовской Аравии, где он изучал Коран, его взгляды стали гораздо более радикальными». (*Виолетта Красновская и Ярослав Якимчик, «Впрост», 6 июня*)

• Муфтий Томаш Миськевич, председатель Мусульманского религиозного союза Польской Республики: «Я уверен, что мои разговоры уже давно прослушиваются. Соответствующие службы держат меня под контролем. Я это понимаю — такая уж у них работа. К тому же мне нечего скрывать». (*«Ньюсуик-Польша», 30 мая*)

• В Польше зарегистрированы четыре мусульманских общества и религиозных союза: Польское общество мусульманских студентов, Мусульманский религиозный союз Польской Республики, Мусульманская лига (объединяет иностранцев) и действующий с 1991 г. (зарегистрирован в 1999 г.) Союз польских мусульман, у которого больше всего заграничных контактов. (*«Впрост», 6 июня*)

• ««Мы начинаем опасаться, что за нами закрепится репутация людей, угрожающих безопасности государства. А ведь наши прадеды уже много поколений назад сражались за эту страну. Мы тоже чувствуем себя поляками», — говорят представители татарского населения, живущего главным образом в Подлесье и Гданьске. Все более явственно вырисовывается конфликт между исповедующими ислам колонизированными татарами и мусульманами из арабских стран. Последних в Польше уже в четыре раза больше, чем первых». (*Эльжбета Полудник, «Жечпосполита», 25 мая*)

• Министр иностранных дел Влодзимеж Цимосевич: «Часто звучащий тезис, согласно которому эта война [в Ираке] нас не касается, — карди-

нальная ошибка. Было бы ужасно, если бы мы не сумели понять этого до того момента, когда терроризм настигнет нас на нашей земле (...) Мадридские события лишь подтверждают, насколько реальна эта угроза по обе стороны океана — в т.ч. и для Польши, граждане которой погибли в обоих терактах». (*«Газета wyborcza»*, 14 мая)

• На международных торжествах в честь 60-й годовщины высадки союзников в Нормандии президент Франции Жак Ширак наградил старшего по званию и старейшего из ныне здравствующих бойцов 1-й танковой дивизии Польских вооруженных сил на Западе, генерала Михала Гutowского (93 года) орденом Почетного Легиона. В высадке войск в Нормандии участвовало пять кораблей польского ВМФ (крейсер и четыре эсминца), двенадцать авиадивизионов (девять истребительных и три бомбардировочных), а в дальнейших наземных операциях — 1-я танковая дивизия генерала Станислава Мачека и 1-я отдельная парашютная бригада генерала Станислава Сосабовского. В том же 1944 г. 2-й корпус под командованием генерала Владислава Андерса сражался в Италии. На кладбищах Западной Европы покоятся 43 тысячи польских бойцов. (*«Жечпосполита»*, 7 июня, *«Впрост»*, 13 июня)

• Президент Александр Квасневский, послы Израиля, США и Германии, представители Американского еврейского комитета и семьи погибших евреев приняли участие в торжественном открытии музея «Место памяти» в Белжеце. На протяжении менее чем девяти месяцев 1942 г. нацисты истребили в Белжеце полмиллиона евреев, главным образом галицийских — из Люблина, Львова, Кракова, Перемышля, Жешува, Тернополя, Станислава. В августе 1942 г. в этом лагере ежедневно убивали по 15-20 тысяч человек. (*«Жечпосполита»*, 4 июня)

• «Различия во взглядах, касающиеся систем ценностей и прав человека, не должны влиять на развитие польско-китайских отношений», — заявил президент Александр Квасневский во время визита в Варшаву председателя КНР Ху Дзиньтао. Щиты с надписью «Китайская оккупация уже стоила жизни пятой части тибетского народа», расставленные вдоль трассы следования Ху Дзиньтао Хельсинкским фондом прав человека и организацией «Студенты за свободный Тибет», были закрашены. (*«Жечпосполита»* и *«Газета wyborcza»*, 9-10 июня)

• Станислав Лем: «Рапалло [где в 1922 г. был подписан договор между Германией и советской Россией] остается символом и сигналом того, что, если у нас за спиной начинаются какие-то германо-

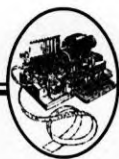
российские соглашения, поляки вправе чувствовать подвох (...) Сейчас немецкое правительство ведет себя сдержанно, но, к сожалению, отrostки и щупальца каракатицы вроде Эрики Штейнбах и Центра изгнанных заставляют задуматься. Что будет с внешней политикой России, сказать трудно». (*«Тыгодник повсехний»*, 6 июня)

• Замминистра иностранных дел Даниэль Ротфельд: «После распада советской империи угроза с Востока исчезла, зато осталась угроза конфликтов на Востоке. Вступление Польши в Евросоюз лишило смысла извечную польскую дилемму страны, лежащей между Германией и Россией». (*«Газета wyborcza»*, 24 мая)

• «1 июня Россия приостановила импорт мяса из многих стран Евросоюза (в т.ч. из Польши) и потребовала унификации европейских ветеринарных сертификатов, а также допуска российских инспекторов на мясокомбинаты в новых странах-членах ЕС. Однако Брюссель — теперь уже и от нашего имени — сказал «нет» (...) «Приятно чувствовать, что перед лицом блокады за нами стоит Евросоюз, в котором 450 млн. человек. Раньше в таких ситуациях мы были беспомощны», — прокомментировал это министр сельского хозяйства Войцех Олейничак». (*Войцех Мазярский*, *«Ньюсуик-Польша»*, 3 июня)

• Первую конференцию Польско-российского форума организовали в Москве МГИМО и Польский институт международных проблем. По мнению одного из участников конференции, Андрея Кортунова, многие россияне боятся, что Евросоюз, принявший новые государства, которые традиционно опасались России, будет относиться к их стране более «скептически» и что ключевая роль в этом будет принадлежать Польше. На это Эугениуш Смоляр ответил: «Мы убежали [от России] в Евросоюз и НАТО, желая обеспечить себе безопасность», а нынешние отношения с Россией зависят в сущности от самой России, от того, будет ли она изменяться: «Если НАТО сблизилось с Россией, то, может быть, пришло время и России сблизиться с НАТО». (*Павел Решка*, *«Жечпосполита»*, 31 мая)

• «Уже несколько дней подряд, невзирая на запреты, жеребец из Калининградской области во весь опор скачет в Польшу, т.е. в Евросоюз. «Он воспылил страстью к польской кобыле из приграничной деревни Ягеле», — объясняет подполковник Францишек Яронский, пресс-секретарь Варминско-Мазурского отдела погранохраны (...) Влюбленного ловят арканом и препровождают на российскую сторону. «Однако конь отличается необыкновенным постоянством и все время

возвращается. Причем уже через несколько часов», — говорит подполковник». (Иоанна Войцеховская, «Газета wyborcza», 15-16 мая)

• Замминистра культуры России Владимир Григорьев удостоился премии Фонда польской культуры «за популяризацию польской культуры в мире». Лауреат передал библиотеке краковского Ягеллонского университета копию «Октоиха» — первой в истории книги, напечатанной кириллицей. «Октоих» был напечатан в 1491 г. в Кракове. («Газета wyborcza», 24 мая)

• Геоморфологи из Силезского университета принимают участие в международных исследованиях природной среды в долине Ангары. Проект предусматривает, в частности, исследование карстовых явлений и влияния на них человеческой деятельности. («Жечпосполита», 14 мая)

• Премьер-министр Марек Белька обратился к правительствам стран Евросоюза с предложением пообещать Украине членство в ЕС. «Дипломатическое наступление, которое начала Польша в защиту европейских чаяний Украины, — одна из важнейших, а быть может, даже самая важная инициатива правительства, связанная с интеграцией». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 25 мая)

• Александр Квасневский после встречи с Леонидом Кучмой на румынском курорте Мамай, где проходил съезд президентов 16 государств Центральной и Восточной Европы: «Я считаю, что в какой-то перспективе для Украины и Молдавии должно найтись место в Евросоюзе. Процесс объединения Европы нельзя произвольно сковывать географическими и административными границами». («Жечпосполита», 28 мая)

• В варшавском Королевском замке прошли неформальные однодневные консультации министров обороны государств-членов НАТО и Украины. Подписано соглашение об использовании Североатлантическим союзом стратегического авиатранспорта Украины. («Жечпосполита», 8 июня)

• Директор варшавской Национальной школы государственного управления Мария Гинтовт-Янкович стала почетным доктором Украинской академии государственного управления. Оба учебных заведения связывает многолетнее сотрудничество. («Газета wyborcza», 8 июня)

• Лех Валенса и прелат Генрик Янковский награждены «медалями справедливости» за борьбу с коммунизмом. Медали учреждены «великим князем Киева, Чернигова и Карачева» Михалом Карачевским-Волком, который лично вручил их в гданьской церкви св. Бригитты. («Ньюсуик-Польша», 16 мая)

• По приглашению Сергея Бабурина в Россию прибыл Анджей Леппер. Согласно официальному коммюнике, «цель визита — обмен опытом, а также обсуждение развития межпартийных отношений и сотрудничества». («Газета wyborcza», 19 мая)

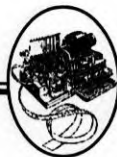
• Анджей Леппер прочел лекцию в Российском государственном торгово-экономическом университете. По его оценке, реформы, начатые в Польше в 1989 г., привели к миллионной безработице, нищете, разбазариванию национального имущества и росту задолженности. В ответ бывший премьер-министр Сергей Степашин заметил: «Даже в Москве и Петербурге считается, что 5,5 тыс. рублей — это неплохая зарплата. В других европейских странах, в т.ч. и в недавно принятых в Евросоюз, такая сумма вызывает только улыбку». Степашин считает также, что в процессе преобразований Польше удалось создать средний класс, чего Россия не сумела сделать до сих пор. (Павел Решка, «Жечпосполита», 20 мая)

• Стефан Братковский: «Когда перед лицом иракского конфликта [бывший премьер-министр Лешек] Миллер решил встать на сторону США, переживших террористический авианалет 11 сентября, его поддержали все польские партии нашего Сейма. Против выступили партии, объединяющие политических агентов России: Леппер, открыто заигрывающий с ней, и «Лига польских семей». Изображая патриотов, они были против вступления [Польши] в НАТО и Евросоюз, против союза с США, против возможного перенесения [американских] баз [из Германии в Польшу]». («Жечпосполита», 15-16 мая)

• Архиепископ Юзеф Жицинский: «Соревноваться в цинизме сегодня нелегко (...) растут полчища политиков, которые не стесняются самого постыдного флирта с очередными партиями. Они умеют красиво склонять слово «народ» и в то же время поддерживать группировки, защищающие российские интересы (...) Если же говорить о самом Леппере и его ссылаках на Гитлера и Геббельса, то этот стиль презрения к правде, презрения к людям, мыслящим иначе, вызывает у меня серьезные опасения». («Газета wyborcza», 15-16 мая)

• Анджей Леппер: «Такой политик, как я, должен заботиться о двух вещах: о тюрьмах и больницах. Рано или поздно он попадет в одно из этих мест». («Впрост», 23 мая)

• В президентском рейтинге ЦИОМа Анджей Леппер получил 11,1% голосов, Юзеф Олекс — 10,4, Марек Боровский — 9,9, Лех Качинский — 7,2, Дональд Туск — 5,2, Влодзимеж Цимошевич — 4,6%. («Жечпосполита», 18 мая)

• Депутат «Самообороны» Данута Хоярская приговорена к полутора годам лишения свободы и выплате банку 48 тыс. злотых за присвоение сельскохозяйственной техники. Приговор вступил в законную силу. Если бы Хоярская была депутатом местного совета или войтом [старостой] любой польской гмины, она лишилась бы всех должностей. Парламентарии составляют исключение — Хоярская неприкосновенна. Она сохранит место в Сейме, зарплату и все привилегии. Нужно принять закон, по которому за определенные умышленные преступления депутаты и сенаторы лишались бы мандатов. (*«Жечпосполита»*, 28 мая)

• «85% поляков хотят, чтобы депутаты, в отношении которых вынесен вступивший в силу обвинительный приговор, лишались своих мандатов. Справедливость их желания обезоруживает. Можно только удивляться, что этого не требуют остальные 15% (...) Речь здесь идет о шокирующем парадоксе: люди, уличенные в презрении к закону, могут участвовать в процессе законотворчества. 86% поляков не доверяют Сейму», — пишет Богуслав Люфт, приводя данные опроса Лаборатории социальных исследований. «Если в Сейме заседают преступники, то как поляки могут верить, что создаваемые ими законы справедливы?» — вопрошает профессор Ежи Регульский. А профессор Петр Винчорек добавляет: «Нужно изменить закон так, чтобы парламентарии, в отношении которых вынесен вступивший в законную силу приговор, автоматически лишались мандатов». Если депутаты не сделают этого сами, то, как считает проф. Винчорек, необходимо прибегнуть к гражданской законодательной инициативе — в этом случае под проектом изменений должны подписаться 100 тыс. человек. (*«Жечпосполита»*, 1 июня)

• Суд города Слубице приговорил бывшего сенатора Александра Гавроника к 8 годам лишения свободы. Сенатор обвинялся, в частности, в руководстве преступной группой и незаконном взврате НДС. (*«Тыгодник повшехный»*, 23 мая)

• Бывший следователь органов госбезопасности в Замости 81-летний Мечислав В. приговорен районным судом Замости к 6 годам лишения свободы. Суд признал его виновным в том, что в 1946 г. он незаконно держал под стражей солдат Армии Крайовой и людей, подозревавшихся в помощи им, и подвергал их пыткам. Обосновывая приго-

вор, судья Кшиштоф Трач подчеркнул, что доказательства вины сталинского следователя, собранные Институтом национальной памяти, полностью подтвердились. (*«Жечпосполита»*, 11 июня)

• После нескольких лет ожидания вроцлавский студент Яцек Бомбка выиграл в Конституционном суде дело о возможности апеллировать в суд в случае несогласия с решением вузовской дисциплинарной комиссии (она сделала Бомбке выговор). Судьи постановили, что положение, ограничивающее конституционное право обращаться в суд, следует отменить. (*«Жечпосполита»*, 11 мая)

• В крупнейших польских городах все меньше жителей. Демографы и социологи прогнозируют, что эта тенденция сохранится. Города будут пустеть. Между тем польское общество стареет. Уже через 15 лет поляков будет на миллион меньше. Зато растёт внешний долг. (Михал Болтрык, *«Пшеглэнд православный»*, май)

• Женщины гмины Пшикона слишком мало рожают. В 1999 г. в гмине родился 51 ребенок, а в 2003-м — уже только 36. Чтобы поощрить матерей, войт решил платить им за детей — начиная с января этого года по 600 злотых за каждого нового гражданина. (*«Политика»*, 15 мая)

• В 70-е годы в Польше начала восстанавливаться популяция бобров. Сегодня она насчитывает около 20 тыс. особей. Половина из них живет в Подлесье. В силу того, что бобры наносят ущерб сельскому хозяйству, министр охраны окружающей среды выдал в 2003 г. разрешение на отстрел 600 животных. Однако охотникам так и не удалось подстрелить ни одного бобра. (*«Жечпосполита»*, 28 мая)

• Число брошенных животных растет в устрашающем темпе. Это знак того, что приближается пора отпусков. «Если уж кто-нибудь хочет избавиться от животного, пусть подбросит его ветеринару, а не выбрасывает на помойку в закрытой коробке и не вывозит в лес», — призывает Моника Бет-Лютик. (*«Жечпосполита»*, 24 мая)

• «Превосходные фиалки, обжаренные в сахаре. Отличная мелко порезанная настурция в ризотто или протертая с оливковым маслом в пикантных макаронах. Наконец, цветы акации или черной бузины — несравненные в пироге с сахарной пудрой». (Петр Адамчевский и Анджей Гарлицкий, *«Политика»*, 15 мая)

Лешек Бальцерович

РАБОТА НА ДЕМАГОГА

Политики, твердящие о катастрофе курса преобразований, могут предложить только одну программу: усилить уже и без того разбухшее государство.

Исследования показывают, что в постсоциалистических странах вслед за приватизацией и притоком зарубежного капитала наступает ощутимое улучшение условий жизни. Однако в Польше, как следует из результатов социологических опросов, люди сейчас настроены отрицательней по отношению к приватизации и заграничному капиталу, чем это было в начале наших реформ. Ухудшился также (в их глазах) и образ Польши после 1989 г., зато относительно улучшился образ ПНР — обанкротившегося и развалившегося строя. Как объяснить этот разлад между объективным опытом и переменами в его общественном восприятии?

Счет прибылей и убытков

Разумеется, можно попытаться отделаться от этого вопроса привычным заклинанием об «издержках реформ». Действительно, они обнажили существовавшую до этого скрытую безработицу, а переход от социалистической экономики к рыночной привел к масштабной ломке сложившейся системы: представители относительно высокооплачивавшихся профессий (например шахтеры) утратили свое привилегированное положение, а профессии, более необходимые в условиях рыночной экономики (бухгалтеры, компьютерщики, специалисты по торговле и финансам), выдвинулись на ведущие места. Поэтому те же шахтеры относятся к реформам без особого энтузиазма, хотя их положение без проведения рыночных преобразований было бы гораздо хуже (достаточно сравнить, например, условия жизни шахтеров в Польше и на Украине). Однако сами по себе эти издержки не могут полностью объяснить упомянутое расхождение между действительностью и ее восприятием. В самом деле, зададимся вопросом: а как же результаты реформ? Разница между реформами и их отсутствием наглядно иллюстрирует зияющая пропасть между теперешним положением в Польше и Белоруссии. Но в Польше

несмотря на этот очевидный факт все отчетливее проявляется отрицательное отношение как раз к тем существенным факторам, благодаря которым она не стала Белоруссией. Чтобы полнее объяснить этот феномен, нужно выйти за пределы распространенного аргумента об «издержках реформ» и обратиться к механизмам массовой информации (в том числе и дезинформации), оказывающим влияние на общественное сознание.

Красное и черное

Польское общество ранее никогда не имело возможности систематически ознакомиться в СМИ с фундаментальными пороками социализма: бедностью, отсталостью, отсутствием жизненных перспектив и т.п. А после падения этого строя (и в особенности после 1997 г.) СМИ неустанно твердили о пресловутых «издержках реформ», то есть о цене освобождения от социализма. Неудивительно, что со временем картина постсоциалистической реальности становилась все чернее, а образ ПНР розовел на глазах.

При социализме цензура и самоцензура не давали возможности разоблачать принципиальные пороки этого строя. После его падения, хотя запреты исчезли, польские СМИ тоже предпочита-

ли не демонстрировать его подлинную природу. Частные СМИ (что вполне понятно) обратились к современным темам, тогда как государственное телевидение — потенциально самое мощное оружие массового просвещения — в значительной мере стало инструментом антирыночной пропаганды. Его ведущая общественно-политическая программа в своих репортажах занялась разоблачением новой действительности, а информационные и публицистические программы попали в сферу влияния вполне определенного (и не вполне рыночного) политического направления.

Социальная (без)ответственность

Таким образом, польское общество не получило из СМИ достаточной информации о том балласте, который оставил после себя социализм. А что оно слышало о постсоциалистической действительности от большинства политиков? То, что преобразования идут в неверном направлении, что они причина бедствий «простых людей», неоправданного обогащения, засилья иностранцев. Специалисты в области «социальной ответственности» осуждали это направление за недостаточность расходов на социальные нужды, националисты — за вторжение в страну зарубежного капитала, противники «круглого стола» — за «сговор элит» и т.д. Группы, объявлявшие друг друга политическими противниками, были (и остаются) едины в своем осуждении экономического либерализма и «монетаризма». Эти термины использовались (и продолжают использоваться) как оскорбитель-

ные, а относились они к реформам, благодаря которым Польша не похожа на Белоруссию и без завершения которых у нас нет шансов догнать Запад. По сути дела упомянутые группы могут предложить только одну программу: усилить уже и без того разбухшее государство. Эти демагогические попытки перещеголять друг друга в своих обещаниях, которыми занимается большинство политиков, подготовили почву для особо агрессивных демагогов, перещеголять которых уже не удастся. Более мелкие демагоги обычно трудятся — не всегда это осознавая — на самого крупного. Это относится и ко многим «экспертам», твердящим в СМИ о катастрофе, бессмысленности или нецелесообразности преобразований.

Шансы демагогии возрастают и в результате противодействия либеральным реформам. Так, например, в 1998-2000 гг. были торпедированы либерализация трудового права, реформа подоходного налога с физических лиц и попытки оздоровления государственных финансов, что привело (в условиях демографического пика, то есть резкого увеличения доли молодежи в общем населении) к росту безработицы, а это в свою очередь — к массовым настроениям разочарования и отсутствия перспектив. Таким образом, демагогия питается своими собственными успехами в деле разрушения, хотя выгоду из этого обычно извлекают, как я уже говорил, самые агрессивные представители политиков этого типа.

Ignacy Czerwinski

wprost

БИЗНЕС С ПРИВКУСОМ ЦЕМЕНТА

*Беседа с вице-президентом Польско-Белорусской
торгово-промышленной палаты, главой фирмы «Эсан»
Эугениушем Сологубой*

Пять позиций Белоруссии

— *Вице-премьер, министр экономики Белоруссии Андрей Кобяков, недавно пребывавший с визитом в Польше, заявил, что экономическое сотрудничество с Польшей для его республики приоритетно. Не случайно Польша занимает второе место во внешней торговле Белоруссии...*

— Да, на состоявшемся в Варшаве заседании польско-белорусской комиссии по экономическому и торговому сотрудничеству, в которой участвовал белорусский правительственный представитель, Польша была названа одним из главных торговых партнеров нашего восточного соседа. Однако резервы сотрудничества далеко не исчерпаны. Ежегодный объем товарооборота между нашими странами — около 500 млн. долларов. Это не так уж много. Причем 70% белорусского экспорта в Польшу — это всего пять товарных позиций.

— *В том числе и цемент — главный импортный «конек» вашей фирмы...*

— В прошлом году фирма «Эсан», которую я возглавляю, завезла из Белоруссии в Польшу 32 тыс. тонн этого «хлеба стройиндустрии». Вообще говоря, нелегкого хлеба.

— *А разве у предпринимателей, да еще торгующих в «зоне повышенного риска», то есть в республиках распадавшегося СССР, бывает «легкий хлеб»?*

— Что верно, то верно: не бывает. В этом я смог убедиться на собственном опыте.

Под «мафиозным колпаком»

— *Может быть, вы поделитесь им с нашими читателями? Начнем с начала: ваша фирма возникла...*

— ...в 1992 году. Ее единственным сотрудником был я. Тут надо бы отметить, что в свое время я окончил Варшавский политех по специальности инженер-электронщик. Это и определило первоначальный коммерческий приоритет: телевизоры, видеоманитофоны, аудио- и видеокассеты. За товаром ездил в Сингапур, Гонконг, Турцию. Продавал в основном в Москве.

— *Окупалось?*

— Вполне. Если бы не российская мафия.

— *То есть?*

— Простая задачка: если в торговую зону одновременно заезжают контейнер, прошедший таможенный досмотр, и девять «левых» контейнеров, то кто победит в этой неравной конкурентной борьбе?.. Вдобавок мои московские контрагенты — приличные, кстати, люди — тоже оказались под «мафиозным колпаком». Пришлось сдаться. Но не совсем. Вычислили новую нишу — продтовары.

В 1994 г. уже торговали, тоже в Москве, консервированными изделиями — по-русски закусками. А также сладостями, сахаром.

Невезучая «Коровка»

На следующий год я купил в Варшаве кондитерский цех и запустил две автоматические линии по производству конфет «Коровка».

— *Знаю эту конфету по послевоенному детству. А потом исчезла...*

— Ну видите, не совсем. Технология производства, кстати, польская. И это был расцвет деятельности нашей фирмы. До осени 1998 г. работали в три смены! Почти сто процентов экспорта — в Самару, Уфу, Дагестан. Да и Москва-матушка не отказывалась от нашей сласти.

А в августе 1998 г. экономический кризис так потряхнул Россию, что наша продукция подорожала в четыре раза. Дальше работать — только себе в убыток. С огромным трудом удалось перевести одну линию в Киев (работает до сих пор). А другую — в Брест. И снова невезение.

Взяли мы в наем производственную площадь на Брестском машиностроительном заводе. Предприятие обязалось снабжать нас необходимым количеством технического пара. Однако вскоре завод (бывший, кстати, «почтовый ящик») обанкротился. Сейчас на нем трудятся только 2,5 тыс. рабочих вместо 17 тысяч во времена, когда Белоруссия была одним из главных «сборочных цехов» СЭВ.

Подорожали в Белоруссии и исходные компоненты, главным образом сахар. Наше производство стало нерентабельным, пришлось перенести эту автоматическую линию в Москву. В российской столице за ней присматривает мой партнер.

— *И вы со своей «Коровкой» конкурируете с такими кондитерскими монстрами, как «Красный Октябрь», «Рот фронт»?*

— В российских регионах и даже в Москве все еще немало ниш для предпринимательства. И наша «Коровка» находит сбыт. Другое дело, что бизнес идет туго: линия полностью автоматизирована, напичкана электроникой, а отношение к ней со стороны обслуживающего персонала не всегда, скажем так, уважительное. Кроме того, обман, воровство...

— *Слушая вас, я подумал, не слишком ли радушно представляем порой мы, журналисты, вхождение бизнесменов на рынки бывшего СССР. Ваш прецедент говорит об обратном...*

— Полагаю, что писать нужно не только о «победных маршах» предпринимателей на Восток, но и об ухабах, которые нас ожидают. В конечном счете коммерческий риск на рынках СНГ все же окупается. Хотя и очень мозольно. Кстати, и в родной Польше никто из нас не застрахован от головной боли и немалых проблем.

Картельный сговор

— *Краем уха слышал о боях не только местного значения, которые вы вели с «цементным лобби». Нельзя ли поподробнее?*

— Как я уже упомянул, три с лишним года назад наша фирма переключилась на цемент, ввозя его из Белоруссии. Дело это хлопотное, пыльное, но окупающееся: белорусский цемент дешевый, так что «маржа» приличная.

В прошлом году мы импортировали 32 тыс. тонн цемента. Всего же польские импортеры закупили и вывезли из соседней республики 480 тыс. тонн, что составляет немногим более 4% этого стройматериала, использованного в нашей стране.

Вроде бы и немного. Но Объединение производителей цемента и извести ополчилось и против этой квоты. Предлог вроде бы благородный: забота об отечественных производителях. (Что, замечу в скобках, звучит двусмысленно: польские цементные заводы давно уже закуплены западным капиталом, преимущественно немецким).

Вот основные обличительные аргументы «лобби»: из Белоруссии в Польшу поступает якобы «левый» цемент; качество его ужасающе. И про безработицу: импортеры, мол, лишают мест несколько сот рабочих на цементных заводах Польши. В качестве арбитра Объединение производителей выбрало министерство экономики, труда и социальной политики, наняв лучших адвокатов.

Пришлось и нам спланировать ряды. В рамках Польско-Белорусской торгово-промышленной палаты 17 фирм-импортеров цемента, в том числе и моя, объединились для отпора сговорившемуся «цементному лобби». И выдвинули перед арбитром свои контраргументы.

Во-первых, говорить о «контрабандном цементе» смешно: цемент — не бриллианты, в «зачатке» через границу его не провезешь. Что касается качества, то поступающий товар сертифицируется, проверяется электроникой. Вот мнение экспертов из польского Института строительной техники: производимый в Белоруссии цемент «не хуже отечественного».

Устрашение безработицей тоже несостоятельно: на «перевалке» цемента из Белоруссии в Польшу трудятся 200-250 рабочих — примерно столько же, сколько занято в цехах, производящих 500 тыс. тонн польского цемента. И, само собой, все импортеры платят налоги, пополняя отечественную казну.

— *Теперь министерству известны аргументы обеих сторон. Кульминация в наличии. Близка ли развязка?*

— Известно, что польский вице-премьер Ежи Хауснер во время международного форума в Криниче обсуждал со своим белорусским коллегой «цементную проблему». И стороны пришли к решению оставить ежегодную импортную квоту (порядка 4%) без изменения.

Для Белоруссии экспорт цемента весьма выгоден (ежегодный доход — свыше 4 млн. долларов). И поэтому Минск не хочет сокращать цементную квоту, угрожая ответной мерой — ограничением поставок стройматериалов из Польши.

А в польском издании журнала «Ньюсуик» появилось сообщение о том, что Евросоюз наложил на «цементное лобби» крупный денежный штраф за картельный сговор. Оно и понятно: под благородными мотивами этого объединения скрывается обыкновенный денежный интерес. Вот и у нас —

ввоз цемента не позволяет поднимать на него внутри-рыночные цены. А это значит, что вольнее дышится другим отечественным потребителям — производителям бетона.

Ода бетону

— *А что построено в Польше из ввозимого вами цемента?*

— Дальше Варшавы вагоны с белорусским цементом не идут — слишком велики транспортные издержки. В основном импортируемый материал покупают в приграничных районах — в Белостоке, в окрестностях Люблина — мелкие производители бетона. Белорусский цемент идет на строительство домов, коттеджей, из него делают дорожные плитки... Ассортимент самый ходовой и нужный.

Посмотрите вокруг, и вы увидите, что большинство построек в современном городе «замешено на цементе», сооружено из бетона. И не только дома, но и мосты, туннели, порты, плотины, стартовые площадки для ракет...

Американцы даже выдвинули отдающий пока что фантастикой проект сооружения поселений из бетона... на Луне. На лунной орбите предполагается создать космический комплекс — бетонный завод и складские помещения. А архитекторы из США подумывают о создании железобетонного небоскреба высотой... в полтора километра.

Прошло больше двух тысяч лет с тех пор, как появился римский бетон, а Колизей, Пантеон и другие легендарные постройки здравствуют и поныне. «Бетон — наилучший из материалов, изобретенных человечеством», — определил знаменитый итальянский архитектор П.Нерви.

— *Однако и у этого «короля стройматериалов» есть ахиллесова пята. Во время пожара в туннеле под Ла-Маншем бетон взрывался, как бомба... Надеюсь, известной варшавской подземной трассе «Ву-Зет» (Восток—Запад) подобное не угрожает?*

— Нет идеальных рукотворных материалов. Это относится и к бетону. Однако в последнее время и его «облагораживают», делая безопасным. Тот же туннель под Ла-Маншем после пожара отделан бетоном с добавкой полипропиленовых волокон — фибрина. Что касается варшавской трассы, то она изготовлена из «традиционного» бетона, однако слишком коротка, чтобы повторить трагическую судьбу многокилометрового туннеля под проливом.

— *Международный торговый центр в Нью-Йорке, протараненный террористами, тоже мог бы, наверное, быть попрочнее...*

— Наверное, мог бы — так, чтобы самолет безумцев расплющился о его стены. Но тогда это был бы поистине «золотой небоскреб». А всего и не предусмотреть. Человек способен и на зодчество, и на разрушение. Добро и зло — извечная пара...

— *Часто приходят в голову философские мысли?*

— Не часто. В основном на природе. А это уже связано с новым проектом фирмы.

Таежный десант

В прошлом году пришла в голову идея «бизнеса на древесине». Отправился на рекогносцировку. Далече — в Сибирь, в Красноярский край.

Представьте — конец мая, на Ангаре еще льдины плавают. Но уже тепло — за 20 градусов. Из Красноярска 18 часов до последней станции, потом пять часов «на перекладных» и еще девять — по Ангаре, в самую глухомань.

Переночевал вместе с заключенными, они и рубят лес. Открытая колония, без охраны: бежать некуда, кругом тайга. Побывали мы и в бывшем райцентре, который в эпоху «великих строек коммунизма» должен был оказаться на дне реки в результате строительства ГЭС. Слава Богу, не построили — и поселок жив. Люди здесь живут, как в сказках про берендеев...

Вывез лиственницу — восемь крупнотоннажных машин под завязку. В Варшаве обрабатывали — пила не берет. Крепка сибирская порода!

— *Жалко только вырубленной тайги...*

— Не жалко. Не раз проводились обмеры: тайга восстанавливает себя полностью. Другое дело — пожары, настоящее стихийное бедствие.

Продали разделанную в Польше древесину в Испанию.

Что изменится после состоявшегося вступления Польши в ЕС? С одной стороны, морока: по европейским стандартам, например, цех для производства конфет «Коровка» должен быть круглым (!), чтобы пыль на стенах не оседала. А с другой стороны — небывалый оперативный простор для торговли — «Европа без границ!».

А еще сыном горжусь: оканчивает тот же, что и я, Варшавский политехнический. Выдержал огромный конкурс в солидной фирме, уже несколько раз оттуда звонили: когда приступит к работе. Надеюсь, что в наследство от нас ему и его сверстникам достанется более приветливый и обустроенный мир.

Беседу вел
Владимир Блинков

НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ С ПРЕДРАССУДКАМИ

Польско-русская дискуссия «Близкие — далекие»

«Близкие — далекие» — под таким девизом в редакции газеты «Жечпосполита» прошло заседание «круглого стола» с участием русских и польских писателей, переводчиков и публицистов, приуроченное к проходившей в Варшаве 49-й Международной книжной ярмарке. Нас интересовало, что случилось с польско-российскими контактами и интеллектуальным диалогом, символами которого были в прошлом Булат Окуджава и Анджей Дравич. Насколько возможен и необходим такой диалог после краха коммунизма? Наконец, в какой мере нас отягощают сложившиеся стереотипы — и возможно ли историческое примирение поляков и русских?

Публикуем обширные фрагменты этой дискуссии.

Виктор Ерофеев, писатель:

Я из тех, кто относится к Польше очень серьезно и очень требовательно. Я люблю вашу страну, и для этого есть основания. В конце концов, у моего сына — единственного сына — польский паспорт. И для меня образ Польши всегда будет связан с одним происшествием. Еще во времена до «Солидарности» мы встретились с Анджеем Дравичем в его небольшой квартире. Был там и Адам Михник, который тогда только что вышел из тюрьмы. Всю ночь мы проговорили о возможностях совместного существования, а на следующий день утром, там, где я остановился, на Дынасах, подходит ко мне 14-летний паренек и спрашивает, нет ли у меня сигарет. Ну, я ему отвечаю, что он еще слишком молод, чтобы курить. А он: «Не нужны мне сигареты, хочу только предупредить, что за вами следит милиция...» Польша всегда будет ассоциироваться для меня с этим случаем — и это мое любимое представление о ней.

Близки ли мы друг другу или далеки? Думаю, что в какой-то мере мы теряем интерес друг к другу. Кроме того, многие поляки убеждены, что русские виноваты перед Польшей, перед Европой — и даже перед самими собой. Однако русское историческое сознание совсем иное, а собственно говоря, его и нет. Если поляки думают, что тема Катыни в России составляет какую-то проблему, то они ошибаются. Не больше трех процентов вообще знают о Катыни, да и то половина из них путает Катынь с Хатынью. В этом смысле мы существа, лишенные памяти. И наш диалог — это диалог очень разных душ.

Думаю, что преодолеть подобное можно только с помощью очень болезненной хирургической операции. Необходимо задать вопрос, что такое русская душа и каков образ мышления народа, живущего рядом с вами. Подозрительность Запада, а Польши в особенности, полностью оправдана. Россию совершенно неправильно называть европейской страной, Россия таковой не является. Только о небольшой доле русских — как раз о тех, кто знает о Катыни, — можно сказать, что они европейцы. Между прочим, Европа всегда воспринимала нас как плохих европейцев, недоученных и невоспитанных. И если мы будем продолжать наступать на эту мозоль, то никогда не дойдем до реального диалога.

Хотелось бы обратить внимание на еще одно характерное различие. Возьмем мою новую книгу «Хороший Сталин». В Германии, где ее издали, засомневались в самом названии, считая его провокационным. А тем временем в России 65% населения, если не больше, действительно считают, что Сталин был хорошим и что он наш исторический герой, такой, как Илья Муромец. Хотелось бы дожить до момента, когда и в России заголовок «Хороший Сталин» будет звучать провокационно. К сожалению, этого еще долго не будет.

Дмитрий Быков, писатель:

Борьба с предрассудками и стереотипами — это такой вид интеллектуальных спекуляций, любимое занятие как в Польше, так и в России. Однако я хотел бы спросить: а зачем нам бороться со стереотипами в культуре? Они для того и существуют, чтобы опережать справедливость и рассудок. Я могу двадцать раз сказать, что мое поколение свободное, что оно любит Польшу, любит польских девушек, но сомневаюсь, что таким образом мне удалось бы убедить поляков, снять хоть один из предрассудков в польском сознании. Проблема не в том, чтобы бороться с предрассудками, а в том, чтобы научиться с ними жить и извлекать из них позитивные выводы.

Нужно помнить, что диалог возможен тогда, когда существует разность потенциалов. Пример: любовная лирика всех народов мира выросла из различия предрассудков мужчин и женщин. Никогда ни одному мужчине не удастся

убедить женщину, что он ее не хочет, и точно так же ни одна женщина не докажет мужчине, что она имеет право водить автомобиль.

Думаю также, что взаимные предрассудки русских и евреев намного серьезнее, чем в случае русских и поляков. Но из единства таких противоречий и рождаются такие люди, как я. Я родился в результате долгих идейных споров между родителями, которые в конце концов попросту вынуждены были пожениться, чтобы продолжать свой диалог в более удобных условиях.

Вспоминаю также свой единственный роман с полькой, который стоил мне многих сил. Она очень меня любила, но у нее был жених где-то в Германии. Ис Польшей — аналогично: есть жених где-то на Западе, а она, однако, любит Россию. Думаю, надо полюбить предрассудки, более того — надо их лелеять, подтверждать их существование, а в личных контактах стараться создать из них симфонию эмоций и желания.

Проф. Анджей де Лазари, русист:

Предсказание Ерофеева, которое он высказал в опубликованной в 1995 г. в Польше статье «Если бы я был поляком...», сбылось на сто процентов. Раньше мы были привлекательны для российских коллег своими индивидуализмом и солидарностью, достоинством и бунтом против действительности — свободой, которую они находили в нас и в наших домах даже во времена коммунизма. А чем мы можем привлечь их теперь? Своими раздорами и переполняющей нас спесью? Каждому кажется, что он все постиг и стал носителем истины. Так что о каком диалоге может идти речь? Ведь идеи пошли ко всем чертям, значение имеют только деньги. Издание книги в Германии или во Франции окупается, там интерес к России велик. А в Польше? С виду, казалось бы, тоже, но в одном направлении: чем хуже в России, тем лучше для Польши.

И снова слышны утопические грезы о Польше как мосте между Востоком и Западом. Как будто в объединяющемся мире кому-то еще нужен этот дырявый мост. Без потерь в Польше можно издать книжку только о том, какая Россия плохая. Такую книжку средства массовой информации наверняка заметят и разрекламируют. Наилучший пример — провокационная «Энциклопедия русской души». Издательство «Читатель» готовит сейчас ее второе издание. Почему? Да потому что поляки в массе своей воспринимают «Энциклопедию» как антирусскую книгу.

Я не согласен со Славек Поповским, который очень резко отреагировал на статью моего учителя Анджея Валицкого, где тот обвинил польские средства массовой информации в русофобии. Валицкий написал в «Пшеглэнде» о Путине, а также о польских СМИ, радующихся, когда в России случается что-нибудь плохое.

Я изучаю взаимные предубеждения. Мы были в Москве, Петербурге, Калининграде. Интересовались, что знает российская молодежь о Польше. Да ничего не знает, Польша ее вообще не интересует. Зато нашу польскую молодежь Россия несомненно интересует. Почему? Потому что во всех СМИ ее представляют прежде всего как угрозу. Мы ее боимся. А боится ли Россия Польши? Не боится, отсюда и безразличие. Сейчас я готовлю альбом «Поляк и русский во взаимной карикатуре». И возникла проблема — не могу найти современных российских карикатур на поляков. Нету их. Русские уже не рисуют карикатур на поляков, их это не интересует.

Томаш Лубенский, главный редактор журнала «Нове ксьёнжки» («Новые книги»):

Что случилось с поколением Булата Окуджавы и Анджея Дравича? Ничего не случилось. Просто этих людей уже нет в живых. Таков порядок вещей. Они ушли вместе с эпохой, выразителями которой были. Поляки и русские собственными силами стараются расширить доступные им у себя пределы свободы — и в этой борьбе они друг другу не нужны. Исчезло и сходство государственных систем. Раньше Запад был притягательным, но более чужим, а Восток казался более похожим, знакомым, а потому и более понятным.

Поляки всегда ревниво относились к своей любви к Франции — более сильной, чем польско-российская любовь. Еще в XIX веке польских эмигрантов очень нервировало, что русские говорят по-французски лучше, чем они. Русские были больше офранцужены, чем поляки. И тут ничего не поделаешь, польская культура довольно провинциальна. Однако Польша должна доказать, что она что-то значит, а это вовсе не так очевидно. Как известно, Европа и мир прекрасно обходились без Польши, но трудно себе представить, чтобы мир существовал без Франции или России. Роль посредника, к которой поляки так привыкли — немного на свою ответственность и по своему желанию, — это полное недоразумение. Более того, она даже опасна. На мосту ничего не растет.

Что до стереотипов — они всегда на чем-то основаны. Но они же служат и полем для дискуссий, точкой зацепки. Минус большинства встреч — то, что все убеждают друг друга во взаимной правоте и благородстве. А между тем, чтобы разговор состоялся, нужна разница мнений. Более того, эту разницу следовало бы преувеличивать. И попросту привыкнуть, согласиться, что все люди разные. Поиск близости любой ценой — занятие по меньшей мере рискованное.

Образ России, распространенный в Польше, вызывает у меня досаду. Мы без конца слышим о гангстерах, серийных убийцах и т.д. Не знаю, сами ли поляки хотят видеть Россию такой, или же она сама так себя выставляет. К сожалению, той России, которая интеллектуально более требовательна, более интересна, той России в Польше сейчас нет. И в какой-то мере в этом виноваты поляки. Это большая ошибка, и мы сами на этом теряем.

Асар Эппель, прозаик, переводчик:

Я не понимаю, что такое диалог и чему он должен служить. Это какая-то виртуальная категория. Что должно быть предметом такого диалога? Если Бруно Шульц был замечательным писателем, это означает, что он замечательный и для русских. То же самое и с Окуджавой для поляков.

Расскажу одну историю. Был я на каком-то съезде. На банкете две стареющих дамы обратились ко мне: вы так прекрасно говорили, просим присесть к нам. Присел. Первый вопрос был: что думают в России о польском Папе Римском? Я спросил: кто думает? Мусульмане, буддисты, евреи? — Мы не о том спрашиваем, — возражают, — что вообще думают в России о польском Папе? — Ничего не думают, — объяснил я им, — потому что для России это не имеет никакого значения.

Возвращаясь к диалогу. Я бы хотел, чтобы его вообще не было, а были Шульц, Мицкевич, Шимборская и т.д. И то же самое с нашей стороны. Что, например, думают русские о французах? Ничего не думают. Знают, что во Франции есть красивые, довольно легкомысленные женщины, что был Бальзак, а сейчас есть хорошие танцоры. А что думают о Венесуэле? Тоже ничего. Некоторые даже не знают, где она находится. Это нормально. В Польше тоже мало кто знает, например, что в России открыли гениального писателя польского происхождения Сигизмунда Кржижановского. Он умер в 1950 г., и сейчас издают его трилогию. Вот оно, то настоящее, что может заменить диалог.

Ирина Барметова, главный редактор журнала «Октябрь»:

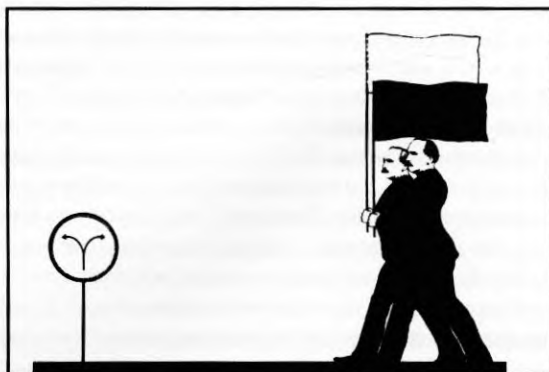
Собственно, в Польше я впервые. Готовила литературную программу для книжной ярмарки и думала, что предложить. Конечно, могла пригласить специалистов и предложить разные интересные темы. Но я пошла по другому пути. Хотелось представить полякам новую русскую литературу, которой они не знают, как не знают — за немногими исключениями — и ее создателей. Со мной приехали 30 писателей. В России каждый из них известен. А в Польше их имена — только пустой звук, набор букв. И в этом нет ничего оскорбительного. Я полностью согласна с выступившими до меня поляками и с Асаром Эппелем, что в России действительно нет никакого отношения к Польше. Она нам спокойно безразлична. И не потому, что мы вас не любим или, как уже говорилось, что мы вас не боимся. Просто мы, как и вы, живем своей жизнью.

Адам Поморский, переводчик, вице-председатель польского ПЕН-Клуба:

Если говорить о польско-русских и русско-польских этнических предубеждениях, то все, кто занимался этой темой, всегда подчеркивали асимметрию: что таких предубеждений больше у поляков в отношении русских, чем у русских в отношении поляков. Я панически боюсь обратной ситуации — российских антипольских стереотипов, ибо они в любой момент могут пробудиться и развиться. Мы сами это в какой-то мере провоцируем. Панически боюсь также замечательной общности и замечательного ощущения единства российских антипольских стереотипов и польских русофильских стереотипов. Если вы видели по телевидению эти поцелуи с медведем (сюжет о визите Анджея Леппера в Москве. — *Ред.*), то понимаете, о чем я говорю.

Я очень уважаю память Булата Окуджавы и Анджея Дравича, но есть простой ответ на вопрос, что стало с достоянием этих людей и всех, кто в течение десятилетий трудился над сближением российской и польской культур. Интеллигентская культура закончилась. Окуджава и Дравич были двумя ее представителями. И культурного обмена на таком уровне больше не будет, так как нет уже интеллигентской культуры.

Мы свидетели очень глубоких культурных перемен. И это не модель иерархической культуры, опирающейся на историческое мышление. Поэтому говорить об исторических стереотипах, которые накладываются, тоже неверно. Это стереотипы, которые возникают в данный момент, а модель культуры, взгляд на мир начинает напоминать не иерархию, не исторические умозаключения, а калейдоскоп.

На основе социологических исследований я могу сказать, что не верю в естественные стереотипы и естественные предубеждения — например, антирусские предубеждения в Польше. На социальном уровне этого нет. Зато рождается другой миф, олицетворяемый героем этих московских поцелуев. Миф определенной части общественных низов о том, что достаточно заменить западную модель цивилизации на восточную, и тогда мы, как пан Вокульский, наживем состояние на восточных рынках...

Думаю, что антироссийские и антирусские предубеждения, когда они в Польше появляются, действительно — и тут я бы согласился с профессором Валицким — имеют своим источником средства массовой информации. Но, во-первых, эти источники не повсеместны, а во-вторых, не все же СМИ этим занимаются. Кроме того, не вижу такого уж избытка недоброй воли. Эти действия обусловлены социально — как раз тем, с чего я начал: это уже не интеллигентская культура, а конец определенного этапа ее истории.

В свое время я говорил Виктору Ерофееву, как выглядит модель антирусского стереотипа в польском издании. Это идет с Запада на Восток. Слева у нас — цивилизация и Запад, а справа — варвары и Восток. Подобным образом украинцы говорят о русских, а русские — о чукчах. Это один и тот же стереотип, никакая не польско-российская случайность, — это универсальный механизм, который служит выработке самосознания того или иного общества. Это механизм социальный, а не этнический.

Александр Архангельский, публицист, литературный критик:

Академик Сергей Аверинцев, уже покойный, сказал когда-то, что православному легче договориться с кем угодно, но не с католиком, так как с другими ему нечего делить. С католиками же его связывает какое-то глубокое историческое прошлое, которое становится настоящим. И это самое важное. Если у нас есть что-то такое, что нас разделяет, то что-то нас и объединяет. Разделять нас может только история, потому что в нашей истории были страшные моменты, когда Россия очень провинилась перед Польшей. Но было и такое время, когда польские и русские интеллигенты помогали друг другу. Тут можно перечислить имена с XIX до XX столетия, до Анджея Дравича включительно. Тем не менее, как человек, написавший книгу об Александре I, не очень известном в Польше царе, могу сказать, что в истории таится некоторая опасность. Чем менее цивилизовано общество, тем острее и болезненнее обсуждаются проблемы минувших дней. Трудно себе вообразить, чтобы на территории Европы сейчас по историческим поводам разразилась война. Например, если мы признаем пакт Риббентропа — Молотова четвертым разделом Польши, то тем самым мы, очевидно, закроем данный исторический этап и окажемся уже в совсем другой ситуации.

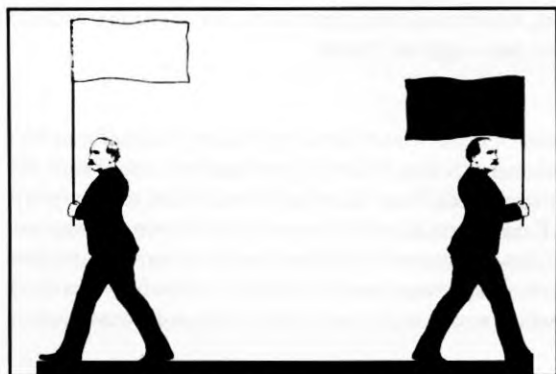
Самое важное, чтобы мы избавились от вредных привычек прошлого. Польские интеллигенты, говоря о России, очень часто испытывают комплекс жертвы, а русские — не интеллигенты, а политики, — говоря о Польше, часто испытывают комплекс палача. Мне 42 года, и я ничего плохого Польше не сделал. Не понимаю, почему я должен иметь комплекс палача. Думаю, что аналогично и с другой стороны — в отношении комплекса жертвы. Давайте строить будущее, свободное от событий прошлого, в которых мы лично не виновны.

Валерий Мастеров, корреспондент «Московских новостей»:

Наша встреча называется «Близкие — далекие», и ее цель — двустороннее сближение. Но нужно ли сближаться тем, кто присутствует тут, в этом зале, — людям, многих из которых я хорошо знаю и уважаю? Однако, когда мы вернемся домой, включим радио или телевизор, вопросы вернутся. Вот, например, радио «Зет» уже два

дня повторяет на русском языке, что Анджеем Леппером в Москве строит новый Советский Союз. И это единственная затрагиваемая польско-российская тема. Других нет.

Виктор Ерофеев в своей новой книге «Хороший Сталин» рассказал, почему 25 лет назад появился альманах «Метрополь». Появился он для того, чтобы устоявшийся образ России перестал быть темой табу. Спрашивается: а не устоялся ли в Польше образ России? Тут говорилось, что среди российских писателей, которые приехали в Варшаву, есть выдающиеся имена, только для поляков это пустые звуки. Конечно, Ерофеева издают, и профессор де Лазари объяснил, почему «Читальник» повторно издает «Энциклопедию русской души». Но жаль, что о прекрасном концерте

на открытии книжной ярмарки с участием звезд российской сцены я не нашел никакого объявления в польских газетах, а на следующий день не было ни одного упоминания, что такой концерт состоялся.

Нет нужды вести бесполезные разговоры о всех проблемах сразу, нужно просто обращать элементарное внимание на конкретные вещи. Когда мы приходим в дом, где хозяйка предлагает угостить чем-то хорошим, то благодарим, а потом хвалим вкусную еду. Неплохо было бы, чтобы и у нас кто-нибудь сказал: «Спасибо, поляки, что издали русскую книжку» и «Спасибо, русские, за издание польского произведения». К этому обязывает вежливость.

Кшиштоф Маслонь, публицист газеты «Жечпосполита»:

Мы недооцениваем всей подспудной работы, такого постепенного воздействия, как капля точит камень. Но помимо одобрения систематической деятельности я хотел бы отметить, что, возможно, у «Энциклопедии русской души» не было бы такого большого успеха, если бы не несколько скромных предложений Тадеуша Конвицкого, помещенных на обратной стороне обложки этой книги. Такая рекомендация от людей вроде Тадеуша Конвицкого или Кшиштофа Занусси оказывается неоценимой. Имена знаменитых русских, которые могли бы сыграть подобную роль, вы сами можете подсказать. В этих вопросах статистика ничего не говорит, речь идет не о том, чтобы издавать в Польше серию произведений русских писателей, а в России — серию польских, а потом считать очередные заглавия. Я очень рад, что какая-то книга Анджея Стасюка опубликована в России. Но что с нею будет дальше — не имею понятия. Зато, когда ее будут обсуждать так, как в Польше говорили об интересной, хотя и приводящей в смуту книге Виктора Ерофеева, я сочту это настоящим успехом польской литературы. На что и рассчитываю — как верный болельщик обеих наших литератур.

Збигнев Глюза, руководитель центра «Карта»:

У меня складывается ощущение, что между поляками и русскими проявляется все большее безразличие. У центра «Карта» есть российский партнер, с которым мы уже давно сообща осуществляем разные проекты. Это — общество «Мемориал», а конкретнее — его научно-исследовательский исторический центр в Москве. Однако теперь с каждым годом мы делаем все меньше, все труднее даже завязать какой-нибудь контакт.

В 1999 г., на шестидесятилетие советской агрессии на Польшу, было запланировано проведение российско-польского конгресса в польском парламенте. Это был повод, чтобы задуматься, что же вообще составляет общественную базу наших контактов. И оказалось (как мы с ужасом констатировали), что та деятельность, которую мы осуществляем вместе с «Мемориалом», — это чуть ли не единственный пример реального повседневного сотрудничества поляков и русских. До конгресса дело не дошло, политики сделали невозможным его проведение, хотя его инициатором в Польше была канцелярия премьер-министра. С той поры у меня ощущение, что становится все хуже и труднее. Парадокс, что сотрудничество было возможно, пока в Польше действовали большие американские фонды, на которые главным образом и опиралась совместная работа. Когда они ушли из Польши, стало не на что поехать в Москву и, наоборот, пригласить кого-нибудь в Варшаву.

Людмила Львова, корреспондент российских СМИ:

Эта дискуссия напоминает мне разговор глухого с немой. Мой коллега напомнил, как Валенса когда-то сказал в Литве, что мы должны жить будущим, а не прошлым. Однако в Польше, когда меня приглашают в какую-нибудь редакцию, сразу начинают спрашивать о Катыни. Я отвечаю, что родилась позже, а стало быть, почему вы все время хотите меня за это бить и бьете уже давно? Я не хочу нести ответственность за всех и вся, я хочу отвечать за свое поколение. Мы ничего плохого не сделали, мы любили Польшу. Но когда мы сюда приезжаем, нас постоянно в чем-то обвиняют. Перестаньте нас обвинять, мы — другое поколение, мы — другая Россия.

Виктор Ерофеев:

Я не согласен с такой постановкой вопроса. Мы в отличие от немцев не прошли через один важный этап. Мы просим, чтобы от нас отцепились, так как мы ни в чем не виноваты. А ведь Россия не призналась в своей вине. Не призналась не только в отношении Польши, но и в отношении самой себя. Если мы не хотим покаяться, то не можем и просить, чтобы к нам относились как к нормальным людям. К нам — как к стране, а не как к отдельным гражданам. Когда я приезжал в Польшу молодым и веселым человеком, то самым большим комплиментом было, когда мне говорили: «Ты не похож на русского». А в России — наоборот: каждая красивая девушка скажет, что ее бабушка была полькой. Мы застыли в этих позах, и это не стереотипы, а нормальное состояние двух наций, которые функционируют

в обычном режиме исторического времени. Либо Россия пройдет когда-нибудь эту точку признания вины, покаяния, либо распадется — и тогда мы будем говорить о России в прошедшем времени.

Кшиштоф Занусси, кинорежиссер:

Я очень рад, что тут прозвучало слово об исторической памяти и о покаянии, ибо это нас всех объединяет. Это некая проблема для всего развитого мира, который за несколько последних десятилетий осознал, что прошлое — не только поле славы. Где-то в очень далеком поколении я итальянец, и однажды кто-то в Италии упрекнул меня в плохих поступках Венецианской республики, из которой я родом. И хотя моя семья уже шесть поколений живет в Польше, я вынужден был задуматься, не является ли сам факт моего существования следствием того, что мы совершили какие-то дрянные дела в Леванте, сделали что-то нехорошее. Католическая Церковь, непогрешимость которой лежит в самой ее основе, вдруг признается в своих больших коллективных ошибках. Нам, полякам, с таким страшным трудом приходится признаться, что в отношениях с евреями мы не были столь невинными, как хотелось бы в то верить. Подобным образом мы узнаем, что и в наших отношениях с Украиной не все было так чисто, как этого хотел Сенкевич. Поэтому меня не удивляет, что от вас, русских, мы ожидаем того, о чем говорил Виктор. Ни у одной живой цивилизации и культуры нет будущего без понимания и критического анализа своего прошлого. Просто для того, чтобы обладать верой в завтрашний день, необходимо признаться во всем том зле, которое висит на нас балластом. И потому я так скривился, услышав слова, сказанные ранее. То, что сказала здесь госпожа Львова, показалось мне страшно несовременным, прямо архаичным. Как раз потому, что я никого не бил — клянусь вам, ни еврея, ни украинца, ни русского, ни кого бы то ни было в Леванте, — у меня временами возникает желание задуматься, какая часть моего благополучия происходит из дурных источников. И сказать, что я в состоянии что-то отработать, — так, как немцы, которые приезжали посадить деревья в Освенциме. Мы, поляки, и вы, русские, могли бы тоже что-нибудь подобное сделать. Думаю, что мы все стали бы немного лучше, если бы так смотрели на историю. То, что кто-то кого-то не бил, не значит, что он невинен, так как вся наша христианская культура вырастает из ощущения вины, вытекающей из первородного греха. Благодаря этому мы создаем, что оказываемся немного хуже, чем о себе думаем.

Славомир Поповский, публицист газеты «Жечпосполита»:

Еще не время подводить итоги дискуссии, которая, надеюсь, только начинается. Однако не могу согласиться с утверждением, которое в разной форме проскальзывало во время встречи. О том, что всему виной журналисты, ибо они односторонне представляют то, что происходит в России. Я не согласен и с тезисом, появившимся в упомянутой публикации профессора Валицкого, о том, что-де за охлаждение отношений между Польшей и Россией ответственны СМИ, ибо они несправедливо критикуют Путина. Думаю, что на происходящее в России нужно смотреть так, как это в действительности выглядит. Я одинаково нетерпим к русофилии и русофобии. Мне значительно больше подходит то, что в самом начале сказал Виктор: «Раз я люблю эту страну, то и отношусь к ней более требовательно».

Позволю себе сделать личное отступление, связанное с темой нашей встречи. В 1990 г. я участвовал в большой демонстрации, проходившей в Москве на Зубовском бульваре. Туда пришло почти полмиллиона человек. В конце манифестации организаторы попросили с трибуны: «Разойдемся спокойно, не дайте себя спровоцировать». И вот несколько сотен тысяч человек под аккомпанемент баллады Окуджавы «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...» в течение получаса разошлись, растеклись в молчании. Никогда больше Россия не была мне так близка, как в этот момент. И, быть может, если сегодня я говорю о необходимости диалога, о разговоре с Россией, то потому, что такой России мне не хватает.

*Материал подготовили
Кшиштоф Маслонь и Славомир Поповский.*

 RZECZPOSPOLITA

Наталья Иванова

ДОЛГОЕ ПОСЛЕВКУСИЕ

Долгое послевкусие осталось от Варшавской международной книжной ярмарки. Франкфуртская была для России (издателей плюс писателей) эффективной, в чем-то даже роскошной, если не экзотической: ну кружева там всякие вологодские вязали, Евтушенко в цветной кофте руками размахивал, Проханов на мягких лапах проходил мимо выступающих — полной тенью в светлом пиджаке. Известный скандал случился. На встрече со студентами и преподавателями в Ягеллонском университете (Краков), где русистику возглавляет энергичный Гжегож Пшебинда, меня спросили: а были ли в последние годы в русской литературе *красивые* скандалы? от которых литературе польза была? После паузы ответила, что *красивых* не припомню. И на польских встречах — Бог миловал. От любви.

На Варшавской ярмарке — с российской стороны — сливались два эстетических начала: советское и новое-русское. Накануне открытия (Россия — почетный гость) российская сторона дала концерт: с участием Любови Казарновской, Ульяны Лопаткиной, Игоря Бутмана и пр. звезд. Конференс вел на польском языке вездесущий, в данном случае задеиствовавший свою базовую специальность Станислав Бэлза.

Ярмарка проходила в единственном высотном архитектурном наследии Варшавы сталинского стиля — Дворце культуры и науки. Вроде московской высоты у трех вокзалов, только уменьшенный клон — с вмонтированными в башню под шпилем городскими часами. Которые бьют. Так вот: в огромном (того самого б. стиля) беломраморном зале, который способен наполнить только воинский полк, да и то если не один, публики хватало меньше чем на половину мест. А сам концерт, несмотря на безусловную прелесть Лопаткиной et cetera, до боли напоминал правительственную сборную солянку — ведь и тогда Рихтер непременно исполнял что-нибудь душевно-шлягерное и одновременно техническое. И надо же было *такой* жанр реанимиро-

вать и привезти — кому? — снобам-полякам, крайне чувствительным к советской стилистике (аллергия). Да еще и устроить его в суперсоветском зале.

В другом крыле здания был устроен банкет — и когда отсидевшая концерт публика туда вошла, то поняла, где скрывалась вторая польская половина приглашенных: за банкетными столами — и прекрасно себя чувствовала, пия водочку и закусывая икрой.

А на следующий день мне надо было в Варшавский университет. Напротив кованых ворот, по улице Краковское предместье, стоял пестро разукрашенный автобус с пугающей надписью «Ryssкий desant», на крыше которого лихо отплясывали под оглушительную музыку развеселые русские девушки. Польские студенты шли мимо с никакими лицами.

Не знаю, где все эти программы изобретались, но представляю себе, сколько денег угрохано на то, что, собственно, к *книжной ярмарке* отношение имело, мягко говоря, косвенное. Не мое это дело — хотя и мое тоже, поскольку сии лица русской культуры создают *имидж* новой России. Впечатывают его — в сознание новой/старой Польши. И в каком-то смысле Россия была адекватна, увы, себе — сегодняшней. Вылезло-таки коллективное бессознательное! Новая эстетика наша: старосоветский бренд + фабрика звезд (типа).

Тем не менее — поляки стойко привязаны к русской культуре. В Варшаве — полный зал на «Чайке» (А. Жолдака), Анджей Вайда ладони отбил, аплодируя Юлии Рутберг, Татьяне Друбич и другим; с моей стороны больше всего аплодисментов должно бы достаться режиссеру (каждую секунду на сцену должно что-то падать: замысел такой). В Кракове, во «внутреннем» городе Казимеже, где Спилберг снимал свой «Список Шиндлера», после посещения синагоги XVI века писатели спустились в подвал знаменитой среди краковских интеллектуалов «Алхимии» и при све-

чах и теле-юпитерах обсуждался новый перевод «Братьев Карамазовых», третий за XX век, выполненный неутомимым Адамом Поморским.

Аудитория реагировала на поэтов — Максима Амелина, Владимира Салимона, Дмитрия Быкова. Замечательно принимали Гришковца. Аплодисменты срывал Антон Уткин. Андрей Битов, как он умеет, думал на публике, и это было принято адекватно. Но...

Конечно, Польша без Анджея Дравича и Виктора Ворошильского, польских диссидентов, с их трезвой любовью и полноценным знанием России, — не совсем русская Польша, но был и остается русистом по душе Адам Михник, главный редактор полумиллионной по тиражу «Газеты wyborчей», куда и приехала часть писательской делегации. На встречу. Адам, краткими, но яркими словами обрисовав ситуацию в Польше, — задал всем присутствующим вопрос: куда идет Россия?

Куда идет?

А куда ведут.

В студенческие годы летом я ездила в фольклорные экспедиции — и навсегда запомнила одну частушку, ни на что не похожую.

Ты куда меня ведешь, такую молодую?

На ту сторону реки, иди не разговаривай.

Так и с Россией.

Шуточки-шуточками, но в Польше действительно этим вопросом озабочены — и, несмотря на вступление в НАТО и ЕС (огромная растяжка на все той же сталинской высоте: «Polska w UE»), количество людей, изучающих Россию, язык, культуру, литера-

туру увеличивается, а не уменьшается, как, скажем, в США. На отделение русистов Ягеллонского университета (это — внутриуниверситетский «конкурент» филфака) ежегодно (!) поступает 100 человек (60 — очников, 40 — заочников), при этом конкурс: 3 человека на место. На встречах с русскими писателями в университетах Варшавы и Кракова чуть ли не на лострах висели. И книги читают. И «Журнальный зал» смотрят. И выписывают периодику.

Что же до господ польских писателей и издателей, то у нас стереотип: мы приехали, пусть нами и интересуются. (А когда к нам приезжают — та же реакция: к нам приехали, пусть нами и интересуются.)

Пока на самом деле нам не будут любопытны другие — другие писатели, другие культуры, другой взгляд на мир, — мы сами будем оставаться на периферии интеллектуального внимания.

И когда русские писатели приглашены на вечеринку в польское отделение ПЕН-Клуба, им не о чем говорить с польскими писателями.

Русский писатель напыщенно самодостаточно, надут, знает (и любит — или не любит, что едино) только себя самого. Он не интересуется Польшей — он приехал, чтобы себя показать.

Пока это будет длиться — не так много интереса к современной русской словесности появится у польских издателей.

Сетевой «Русский журнал», 16 июня 2004

Ежи Помяновский

КОМУ СЕГОДНЯ НУЖЕН ДЖОЗЕФ КОНРАД

В предисловии к поваренной книге, написанной его женой Джесси, Джозеф Конрад* заметил, что только произведения, посвященные кулинарному искусству, не вызывают подозрений этического порядка: вне всякого сомнения, их целью является благо человечества.

По крайней мере с одной точки зрения к литературным произведениям можно подходить с неким моральным эталоном (эталонм ненадежным, старомодным, презираемым филологами и узурпированным политиками и церковниками) — когда оцениваешь соответствие между основной идеей романа или повести и собственными идеями автора. Подчеркнем — собственными. Этот эталон остается слишком примитивным для теоретиков литературы, но не для читателей: литература XX века кишит произведениями, как будто написанными сельским старостой, героем современного польского анекдота: мнение-то свое у него было, только он его не разделял.

В течение нескольких десятилетий мы грызлись с цензурой, доказывая, что взгляды, выраженные в художественных произведениях, вообще цензуре не подлежат, ибо там они перестают значить то, что значат сами по себе, в отрыве от литературы. Нужно признать, что эта аргументация не достигала цели и, хуже того, вводила в заблуждение. Согласимся, что взгляды автора — это не просто одна из составных частей, но важная пружина произведения. Другое дело, что из бездарной литературы эта пружина торчит

* Джозеф Конрад (настоящее имя и фамилия Теодор Юзеф Конрад Коженёвский) (1857-1924), сын польского повстанца 1863 г., эмигрант, в течение 20 лет прошел путь от простого матроса до капитана британского торгового флота, после чего начал заниматься литературным трудом и стал выдающимся английским писателем. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

наружу. Разумеется, литература — это не проповедь, и всяческие структуралисты имеют полное право подвергать как так называемую форму, так и содержание книг самому абстрактному анализу — никто не возражает. Однако нас здесь интересует не содержание, не форма, не пропагандистские или педагогические намерения автора, а реальное воздействие книги на ее читателей. Поэтому признаем, что политические взгляды и нравственные оценки художника иногда все-таки оказывают определенное влияние на читателя. В Польше нескольким поэтам и писателям удалось воздвигнуть целый собор национальных мифов и иллюзий, который по-прежнему посещают толпы приверженцев.

Творчество Конрада, по словам критика Михала Комара, «представляет собой создание разума, который упорно стремится коллекционировать примеры, подтверждающие справедливость заранее принятых мировоззренческих положений...» Попытаемся выяснить, что это были за положения и почему нас не должно особенно беспокоить, если кто-нибудь примет их всерьез. Бывает и такое.

Митроносный прелат Валериан Мейшто-вич, прежде земгусар, а затем вахмистр 13-го Виленского уланского полка польской армии, наблюдая в один прекрасный день из ватиканских окон за студенческими беспорядками, заметил: «Если так и дальше пойдет, то придется по кирпичику отстроить Бастилию...»

Я не думаю, чтобы Джозеф Конрад согласился вкладывать в это строение свои «кирпичики». И отнюдь не из уважения к революции. Его выворачивало наизнанку при одном звуке таких слов, как «революционный переворот» или даже «про-

Джозеф Конрад. 1914

гресс». Он с отвращением писал о «насилии, преступлениях и порывах Французской революции». Однако лучше всего обрисовал оригинальность его убеждений Бертран Рассел в изящном эссе из сборника «Портреты по памяти»:

«Мировоззрение Конрада никак нельзя назвать современным. В современном мире существуют две философии: одна, восходящая к Руссо, отмечает понятие порядка как нечто избыточное, другая нашла свое выра-

жение в тоталитаризме, где порядок насаждается сверху. Конрад, приверженец древней традиции, признавал лишь самодисциплину. Он презирал разболтанность, но ненавидел порядок, навязываемый извне».

Это уже нравственное суждение, и сразу видно, какие из него вытекают политические выводы.

Неприкрытые антипатии чаще определяют наши политические пристрастия, чем идеальные картины светлого будущего. Конрад вполне недвусмысленно сам определил свои политические воззрения, причем в предисловии к самому тенденциозному из своих романов — «Глазами Запада»:

«Жестокость и глупость авторитарных режимов, отвергающих любое правосудие и в сущности считающих относительными любые нравственные принципы, вызывают не менее глупую и дикую реакцию совершенно утопического революционного движения, которое без разбору предается делу уничтожения и разрушения — в странной уверенности, что вслед за падением существующего порядка непременно последует благотворное преобразование человеческих душ».

Тем самым мы приближаемся к сути дела: Джозеф Конрад сегодня представляется писателем все более актуальным не потому, что он опубликовал три политических романа и несколько публицистических статей (например, «Преступные разделы Польши»), но потому, что все свои сочинения он написал так, как будто вместе с нами

Теодор Кожёнёвский в детстве. 1865

пережил конец столетия идеологий. И прежде всего — идеологии коммунистической, идущей дальше других, ибо обращающейся не только к одной нации.

Здесь нам хотелось бы еще раз описать ее расцвет и агонию, течения, методы и репрессивную деятельность, а также за-

думаться о провозглашенной ею цели, на первый взгляд основополагающей. Этой целью было насильственное преобразование не только социальных отношений, но и самой человеческой природы. Ее суть неплохо передает русский термин «перековка», получивший широ-

кое распространение в 20-е годы. У нас, в Польше, говорили о *формировании* нового человека. Предполагалось, что это есть условие (и в то же время конечная цель) процесса подчинения дальнейшего хода истории законам разума, а не хищным интересам или слепым инстинктам. В реальности же эти доморощенные «инженеры человеческих душ» даже простой винтик не могли вернуть без помощи молотка. Однако эта цель привлекала многотысячные толпы и все еще находит приверженцев, хотя все попытки ее достижения закончились провалом. Что неудивительно, если вспомнить, что большую часть идеологов и вождей революции тоже толкнули к ней не нужда и лишения, а возмущение неспособностью людей ликвидировать кричащую несправедливость. Надежда Мандельштам пишет: «[В те годы слово] «революция» обладало такой огромной силой, что даже не очень понятно, зачем властям понадобились еще тюрьмы и казни». Известно зачем: они были признаны самым надежным способом *перековки* с помощью наглядных примеров террора в назидание упорствующим. Политические процессы в СССР с самого начала имели целью не выяснение истины, а воспитание общества. Вплоть до конца 1930-х лагеря назывались *исправительно-трудовыми*.

Вспомним, однако, что христианство тоже считает человеческую природу грешной и требующей основательной переработки. Убеждение в этой исходной порочности — примечательный

пункт, где религия встречается с марксизмом. Известный христианский философ о. Юзеф Тишнер считал, что «точка соприкосновения между коммунизмом и христианством — это идея сообщества», но ведь на этой идее основаны армия, спорт, театр, кооперативное движение, школа и т.п., на самом же деле такой точкой является идея первородного греха. Разве что сегодня Церковь в своем стремлении переделать человека уже не применяет такого широкого арсенала средств, как прежде, ограничиваясь проповедью — то есть просто-напросто она не прибегает к помощи светской власти (по крайней мере — в цивилизованных странах).

Так вот, Джозеф Конрад тоже считал, что человеческая природа по сути своей порочна, но в то же время яростно и непоколебимо выступал против любых попыток ее сломать, подогнать к общему аршину, перековать... «Бессмысленное отчаяние в ответ на бессмысленную тиранию» — так он определил следствие и причину этих попыток. Конрад не хотел ни выкорчевывать джунгли человеческой души, ни убеждать нас, что она — прекрасный сад. Он просто хотел пройти через эти джунгли, не блуждая по ним и не оставляя своих спутников на съедение диким зверям.

Чтение Конрада приводит к мысли, что раз уж мыльный пузырь с единственно правильными ответами лопнул, то можно наконец заняться несложными горькими вопросами, которые беспрерывно ставит перед нами жизнь, и при этом не обязательно мириться с тем, чтобы элементарные принципы общения отступали перед напором силы или каприза. Конрад полагал, что в первую очередь необходимо вникнуть в то, что можно назвать «глубинной значительностью бытия». В романе «Глазами Запада» он писал:

«Задача на самом деле состоит вовсе не в том, чтобы придать краткую форму рассказа удивительному свидетельству человеческой жизни, но в том — и теперь я это ясно сознаю, — чтобы показать нравственный порядок вещей, господствующий на значительной части поверхности земного шара. Этот порядок нелегко понять и тем более нелегко открыть в рамках одного рассказа, пока не будет найдено определенное ключевое слово, которое могло бы стоять за каждым из всех прочих слов, покрывающих эти страницы, — слово, содержащее в себе, не будучи само по себе истиной, достаточно истины, чтобы помочь читателю совершить нравственное открытие, которое должно быть целью всякого повествования».

Таким образом, любой, кто хочет извлечь из нравственных открытий какую бы то ни было пользу, тем самым вступает в прямую связь с живыми людьми. Именно поэтому я считаю, что сегодня нет более важных, более нужных книг, чем написанные много лет назад Джозефом Конрадом.

Я утверждаю это не потому, что Конрад написал «Тайного агента» и «Глазами Запада» — романы откровенно политические. Я по-прежнему предпочитаю их не только романам Ле Карре, дутой величины, но даже произведениям такого мастера этого жанра, как Владимир Волков, автор романа «Монтаж» (в русском переводе неизвестно почему названного «Операция «Твердый знак»»). Романы Конрада замечательны еще и потому, что они — первыми на Западе — приняли (с определенным успехом) вызов, брошенный Достоевским, автором не только «Бесов», но и рассуждений на тему «Почему Константинополь должен быть *наш*, завоеван *нами*, русскими, у турок и остаться нашим навеки» («Дневник писателя», ноябрь 1877). Однако в общем знаменателе у обоих этих романов Конрада стоит мнимая величина: убежденность, что в России ничего не меняется и измениться не может. Автор «Тайного агента» видит в русских черты, которые коренным образом отличаются их от представителей Запада. По мнению американского исследователя А. Флейшмана («Политика в произведениях Конрада»), самой неприятной из этих черт Конрад считал склонность к презрительным обобщениям, когда речь идет о других, о нерусских. Действительно, Конрад убежден в том, что это — проявление восточного иррационализма, триумф спеси и глупости. Согласимся, однако, что приписывать русским подобную черту — само по себе пример такого же обобщения.

Добавим (вопреки утверждениям Флейшмана), что бессмысленные террористические покушения на ни в чем не повинных людей — это отнюдь не типично русская специальность. «Судорогу пускают» кровожадные бесы всех мастей, а не только шигалевы, и объединяет их вера в коллективную ответственность ненавистных им рас и классов — эта вера и есть их отличительный знак.

Томас Манн в своем вступлении к «Тайному агенту» писал:

«Следует ясно сказать, что это антирусская книга, но антирусская в чисто английском духе: ее фоном служит большая политика и извечный англо-русский

антагонизм. Не исключено даже, что этот антагонизм был также постоянным фоном (я не утверждаю, что причиной) страстной любви Конрада к Англии. (...) Польская антипатия ко всему русскому выражается в этом романе совершенно на английский манер».

Независимо от того, была ли эта антирусская одержимость Конрада английской или польской по своей природе, она явно притупила политическое острие как «Тайного агента», так и «Глазами Запада».

Конрад назвал Достоевского «кривляющейся и навязчивой личностью, над которой тяготеет проклятие» («that grimacing and haunting creature who is under curse»); эти слова, пожалуй, больше говорят о самом Конраде, чем о великом русском писателе. Однако, что касается высказывания Достоевского (в связи с романом «Братья Карамазовы»): «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (письмо к Н.Ф. Фонвизиной, февраль 1854), — то Конрад имел полное право счесть его софизмом и восхвалением обычной лжи, а если бы он не был агностиком — то и хулой на Святого Духа**. Людям моего поколения эта фраза невольно приводит на ум другую чеканную формулу: «Лучше ошибаться вместе с партией, чем быть правым без нее».

Если Конрад и разоблачает что-либо в своих русских героях романа «Глазами Запада», то не банальное лицемерие, используемое для самозащиты, но программную ложь, основанную на убеждении, что общественная жизнь не входит в сферу действия нравственных принципов, а уж придерживаться истины и вовсе не обязательно, поскольку невыгодно. Статский советник Микулин без труда изображает светского человека либеральных убеждений, анархист Петр Иванович — героического беглеца, Никита, носящий латинскую кличку «Некатор» (что по-русски значит «Душегуб») — беззаветного революционера, а главный герой Кирилл Разумов — жертву собственного предательства.

У юристов для описания подобного состояния сознания есть расхожий термин «искреннее заблуждение». Оруэлл говорит проще: он называ-

ет это «двоемыслием», то есть усвоенной верой в нечто, что противоречит действительности, которую человек одновременно видит реально, как бы другим глазом, то есть диалектически. Этот синдром свойственен не только русским, в чем мы неоднократно имели возможность убедиться. В Польше, например, уже разрешается видеть все факты, но существующими признаются лишь те из них, что приятно щекочут национальную гордость (что делает особенно утомительным чтение некоторых польских газет).

Польский режиссер Петр Лазаркевич признался мне, что около двадцати раз посмотрел фильм Ридли Скотта «Дуэлянты», снятый по мотивам рассказа Конрада. И для него самого, и для его однокашников из Лодзинской киношколы причиной было не только его кинематографическое совершенство. Из всех известных мне фильмов он ближе всего к духу произведений Конрада, и, вероятно, эта-то его черта и оказалась для студентов наиболее приятной. Он блестяще иллюстрирует уверенность в неизменности человеческой природы, в ее скрытой жестокости, а также в необходимости (почти абсурдной) придерживаться «нескольких простых принципов» — таких, как честь, долг, ответственность за свои слова и поступки, которую иногда называют верностью самому себе.

В голове у моряка Марлоу, героя романа Конрада «Сердце тьмы», глубоко засела мысль, что нужно быть порядочным человеком. Это убеждение не требует ни оправданий, ни обоснований. Правда, оно могло еще более закрепиться в результате знакомства с Курцем, с его жизнью по принципу «все дозволено», завершившейся едва слышными словами: «Ужас! Ужас!» Зигмунд Фрейд писал, что культура — это просто сумма моральных запретов. Как это похоже на Конрада!

Таким образом, существует глубокая стилистическая связь между поэтикой Конрада и его этическим кодексом. Он умел высказать то, что хотел, без декларативности, просто располагая слова в определенном порядке. Для этого метода характерны сдержанность и простота, проистекающие, по-видимому, из склонности к английским understatements, а не из польского кодекса чести. За исключением нескольких возвышенных метафор (относящихся, как правило, к достоинствам парусных кораблей и бесчинствам морской стихии), Конрад избегает словесных украшательств, язык его прост: японцы называют подобную изысканную строгость специальным термином —

**К грехам против Святого Духа относится, в частности, по толкованию Седьмого Вселенского Собора (VIII, 75), сознательное, упорное противление истине, «ибо Дух есть истина» (I Ин. 5, 6).

«сибуи»***. Действительно, проза Конрада на-
чисто лишена даже следов слащавости. Чеслав
Милош пишет: «Когда Джозефу Конраду попал в
руки текст французского перевода его рассказа
«Прихоть Олмейера», сделанного Андре Жидом,
он прочитал несколько страниц, после чего швыр-
нул книгу на пол и начал в бешенстве топтать ее
ногами». Пикантности этой истории придает тот
факт, что Жид выучил английский язык именно
для того, чтобы иметь возможность читать Кон-
рада в оригинале.

Своими героями Конрад нередко выбирает
людей, просто-напросто неспособных к мудреным
рассуждениям, выбирающих прямые пути вроде
бы из-за отсутствия воображения. Синглтон из ро-
мана «Негр с «Нарцисса»» — по сути дела просто
неграмотный старый матрос. Туповатый капитан
МакУирр из повести «Тайфун» пишет письмо же-
не, которая не дочитывает его до конца, сочтя скуч-
ным. Но этому капитану даже в голову прийти не
может, что можно впасть в панику и оставить на
произвол судьбы двести китайских кули, кише-
вших в трюме в попытках собрать рассыпавшиеся
во время шторма заработанные ими доллары.

Нужно сказать, что Конрад выбирает их сво-
ими героями вовсе не потому, что верит в разум
или миссию простых людей. Он лишь стремится
найти наименьший общий знаменатель для различ-
ных ситуаций этического выбора. При этом он ис-
пользует минимальные средства с элегантно-
стью и экономностью математического доказательства.

Однажды он признался Бертранию Расселу, что
из всех русских романистов восхищается только
Тургеневым. Немногие задались вопросом о том,
что роднит Конрада с другим русским писателем,
автором «Степи» Чеховым: сдержанность и непри-
язнь к напыщенности, честность в отношении к сло-
вам и своим близким. И прежде всего — отвраще-
ние к той смеси приторного хамства и узколобой
ограниченности, которая по-русски зовется «по-
шлостью». В романе «Победа» Шомберг и Рикар-
до отмечены ее печатью — и лишь потом мы узна-
ем об их преступлениях. Чехов о крупных преступ-
лениях даже не упоминает. Он пытается — в этом-
то и заключалось его новаторство — выразить эк-

зистенциальные проблемы наименьшим количе-
ством слов, причем малозначащих, произнесенных
как бы мимоходом. Беккету, его последователю, уда-
лось свести все действие к односложным междо-
метиям, гримасам и бормотанию. Дальше них на
этом пути к сдержанности продвинулся только ве-
ликий режиссер Тадеуш Кантор.

Этический канон Конрада был настолько
сжат и лишен красот, что английский рома-
нист Э.М.Форстер пришел к выводу, что «у это-
го писателя не было никакой философии, ника-
кой веры». Впрочем, то же самое писали и о Че-
хове. Это правда: там, где моралисты распинают-
ся в проповедях, а идеологи сколачивают свои
Прокрустовы ложа, Конрад опирается лишь на
несколько элементарных принципов поведения.
Они похожи на короткий бекфордов шнур, встав-
ленный в мощный заряд. Сведя этические про-
блемы к простейшим, но категорическим импе-
ративам, Конрад сформулировал необходимое и
достаточное условие. Но условие чего? «Чтобы
честно жить и легко умереть». И ничего больше.
Ни слова о мистической каре за нарушение этих
принципов. Ни слова о требованиях закона. До-
казательство теоремы Конрада обходилось без
этих освященных традицией подпорок. Оно в до-
статочной степени опиралось на голос совести
— единственный авторитет, на который он ссы-
ляется. Не будем обсуждать здесь вопрос, откуда
исходит этот голос, ибо если моя совесть молчит
или ей затыкают рот, то повисают в воздухе запо-
веди и Десятислова, и светского катехизиса. Во-
обще-то она в основном молчит. «Люди — су-
щества низкие», — писал Конрад, и в этой цитате
не стоит искать какой-либо скрытый смысл. Он
отказывался говорить о Человеке как общем по-
нятии, которое так охотно вызывают из небытия
поэты и жрецы. В одном из своих писем он заме-
тил, что хотя человек сумел подняться в воздух,
он не парит, как орел, а летает, как жук — отвра-
тительно, смешно и беспомощно. Браун, Курц,
Никита, Владимир, Донкин могут послужить глав-
ными свидетелями обвинения и вещественными
доказательствами в процессе против человече-
ства. Но Конрад находит здесь архимедову «точ-
ку опоры» для своих нескольких простых прин-
ципов. Парадоксально, но он обнаружил ее в скот-
ской половине нашей души. Трудно не согласиться
с утверждением, что в любом человеке таится
зверь, который не оставляет нам иного выбора,

*** В своем прямом значении слово «сибуи» означа-
ет «терпкость» (буквально — «вкус незрелого пло-
да хурмы»). Любопытно, что по-английски слово «au-
stere» также значит не только «строгий, суровый»,
но и «терпкий».

как идти по трупам — или самому стать трупом, потому что всегда найдется кто-то сильнее тебя. «Именно это, — пишет Рассел, — и убедило его в важности нравственной дисциплины». Действительно, если уж ты вынужден жить среди людей, если ты знаешь, на какие крайности и безумства они способны, и при этом не веришь в то, что добродетель можно привить насильно, — у тебя не остается ничего, кроме примера нравственной самодисциплины. А иногда — еще и силы убеждения.

Михал Комар сформулировал это так: «Пусть люди отвратительны — но существует несколько простых истин, благодаря которым они не станут еще хуже».

Несмотря на кажущуюся простоту этого подхода, исследователи творчества Конрада единодушно признавали, что хоть эти принципы можно назвать героическими, но они в общем-то бесполезны, поскольку малопривлекательны. Это правда: никакой немедленной выгоды извлечь из них нельзя.

Ясно, что Джозеф Конрад никому не обещал награду за порядочность. Однако он предостерегал от одного вполне ощутимого наказания, от утраты, которую он считал невозполнимой, потому что не верил ни в искупление грехов, ни в спасение душ. Это наказание неминуемо постигает всех героев Конрада, которые пошли по ложному пути, изменили своим принципам или заглушили голос совести: лорда Джима, Курца, Разумова. Оно заключается в самой худшей из потерь — потере веры в самого себя.

Конрад не только прославлял отвагу: он с наслаждением показывал, что трусость не спасает. Следуя за ним, можно доказать, что капитуляция вовсе не самый надежный способ сохранить голову ценой потери лица. Это удастся лишь тогда, когда мы имеем дело с джентльменами (а эта порода уже во времена Конрада была музейной редкостью). В противном случае теряется не только лицо, но и все остальное вместе с головой. Своих злодеев, Браунов и Джонсов, писатель ввел в повествование, пожалуй, только для того, чтобы наглядно продемонстрировать эту закономерность.

Осторожность и реализм наверняка нужны в политике. Но как раз реализм и заставляет нас относиться к прагматикам с осторожностью, а к надоедливим моралистам — с надеждой, что некоторые из них окажутся трезвыми и дальновидными реалистами.

Польский писатель Владислав Бартошевский назвал свою книгу воспоминаний «Стоит быть порядочным». Бартошевский спасал евреев во время оккупации, в «народной» Польше познакомился с тюрьмами, а в них — с камерами смертников; впоследствии он преподавал в подпольном университете и помогал в создании «Солидарности». (Добавим в скобках — чтобы не сплзнить, — что в несколько более свободной Польше Бартошевский стал ее послом в Вене.)

Причина поражения моралистов — не их принципы, а их иллюзии. У Конрада иллюзий не было. Политические программы он считал примитивными выжимками, а теории идеологов — плоскостными проекциями огромных, черных глыб человеческих судеб. При этом он не делил мир на райские сферы этики и адские бездны политики. Ему в голову не приходило, что можно быть порядочным только в своем домике. Нравственный закон был для этого моряка чем-то вроде магнитного полюса. Конрад прекрасно знал, что он обычно не служит конечной целью людских путешествий. Но знал также (и показал нам), что без этого ориентира далеко не уплывешь.

Я не осмеливаюсь считать себя знатоком источников и дат, деталей содержания и английской формы произведений Джозефа Конрада. Что же касается их роли в польском обществе, смею утверждать, что она становится исключительной.

Упомянутый факт лишь в незначительной степени обусловлен происхождением писателя. Тема эта уже изрядно поднадоела, но заслуживает еще нескольких слов. Нет иного критерия принадлежности к литературе, нежели язык. Все остальное — лишь болтология, туманные разглагольствования о национальном духе, оскорбляющие не только подлинную реальность, но и respectable веру в решающую для духовной жизни роль слова, логоса.

Русские национал-патриоты проповедуют идеи, согласно которым, например, Мандельштам был не русским поэтом, а «русскоязычным еврейским писателем». То же относится и к Пастернаку, не говоря уже о Бабеле. Если следовать этой логике, то Пушкин был «русскоязычным эфиопским поэтом».

Конрад — английский писатель не в меньшей степени, чем Уайлд, Шоу, Джойс — все трое ирландцы, кельты. Он, правда, не родился в Англии, а

говорить и писать по-английски начал уже взрослым человеком, тогда как «иностранцы» Оппман, Польша или Тувим говорили по-польски с колыбели. Но все равно прав был Адольф Новачинский, в 1938 г. (т.е. когда он, пожалуй, ярче других выражал националистическую и консервативную позицию «национал-демократов») решительно воспротивившись попыткам «вернуть [Джозефа Конрада] на лоно польской литературы». Более того, он даже добавил: «А почему бы, собственно, не поблагодарить все эти различные «эмиграции» за то, что они, одна за одной, сбрасывали с плеч, выкорчевывали, выбрасывали в далекие страны тяжеловесный, приземленный, укоренившийся славянский расовый материал и тем самым расширяли перспективы и горизонты шляхетским потомкам?»

И при всем этом Конрад должен стать для польских читателей автором «первой необходимости».

С другой стороны, осенью 1935 года в 333-м номере варшавского «Курьера поранного» Витольд Гомбрович констатировал: «...непредубежденный наблюдатель легко обнаружит, что наш английский соплеменник представляет собой одного из самых чуждых нам переводных авторов (...) только национальная гордость чувствует себя удовлетворенной, а остальная часть души молчит».

Ниже мы еще поговорим о причинах этой «чуждости», а пока что сразу подчеркнем, что это было подмечено верно и хотя впоследствии кое-что переменилось (скорее поверхностно), но влияние Конрада на польскую прозу по-прежнему остается ничтожным. Неподверженность чужому влиянию обычно приветствуется, но здесь она скорее тревожит: в польской прозе уже давно ощущается отсутствие тех элементов, которые обеспечили Конраду всемирное признание.

Никто из польских писателей, так убедительно и искренно рассуждающих о Конраде (кроме, пожалуй, Яна Юзефа Щепанского и Густава Херлинга-Грудзинского), не принял близко к сердцу поэтику Конрада, то есть комплекс исходных предпосылок и средств, сделавший достоверными его взгляды, с которыми иные столь горячо соглашались.

Есть немало польских писателей, в творчестве которых можно обнаружить следы Фолкнера и Хемингуэя, но отголосков Конрада не сыскать днем с огнем. В Польше у него нет последователей, как не было, говоря всерьез, и предшественников.

На тему связи Конрада с польской исторической и культурной традицией были написаны десятки книг. В свое время мои итальянские студенты из Бари и Пизы не переставали приносить мне рефераты о реминисценциях польской романтической поэзии у Конрада или о его статьях в защиту Польши во время I Мировой войны. Пора вспомнить и о расхождении — не со всей польской традицией, но с одним из ее мощных течений. От этого течения Конрад отстранился совершенно сознательно. Нужно знать не только то, что Конрад из Польши взял, но и чего забирать не намеревался.

Всем известно, что польская проза ведет свое начало от барочных торжественных речей, проповедей, эпических шуточных повествований (фаций). Польско-латинский поэт и теоретик литературы XVII в. Мацей Казимеж Сарбевский утверждал (несколько на вырост), что «как испанец по натуре своей богослов, итальянец — философ, француз — поэт, немец — историк, так поляк — оратор». Эта традиция уходит корнями в эпоху Контрреформации, деятели которой стремились вернуть католичеству влияние на массы и потому делали ставку на силу воображения, а не на мудрствования; на роскошь — в противовес протестантской суровости, одним словом — на богатые выразительные средства, воздействовавшие на необразованные умы эффективнее, чем ученые писания или еретические хоралы. Не следует забывать, что столбовая дорога польской прозы ведет от выдающихся фигур эпохи барокко — проповедника и писателя Петра Скарги и автора замечательных дневников Яна Хризостома Пасека. Без первого переводчика Библии ксендза Вуека и Скарги не было бы ни «Книг польского пилигримства» Адама Мицкевича, ни поэмы «Ангелли» классика романтизма Юлиуша Словацкого. Борхес написал: «Барокко заслуживает осуждения ввиду нарушений им нравственных принципов: его главный грех — это гордыня».

Любые проявления гордыни, высокомерия Джозеф Конрад чрезвычайно не любил (а писатель и драматург Виткаций вообще считал напыщенность главным польским пороком). Многие рассказы Конрада написаны от первого лица — моряка Марлоу, alter ego автора. Выразительные рассказы Марлоу всегда остаются повествованиями джентльмена, следящего за тем, чтобы не впасть в неумеренный пафос, соблюдать сдержанность и не выглядеть кичливым фанфароном.

Я не хочу этим сказать, что польские цветистые застольные байки уступают британским stories, или что я променял бы «Трилогию» Сенкевича даже на самого «Винни-Пуха». Я напому лишь вещь вполне банальную: стилистическим шаблонам польской литературы соответствовали типы, стереотипы поляков. Последние претерпевали изменения, а самым изменчивым оказался стереотип поляка-католика.

«Исконно-посконный» стереотип появился в эпоху сражений с Реформацией, ибо в то время нужно было отмежеваться от пришлой лютеранской «немчуры». Во времена романтизма он означал человека, верящего в спасительную миссию народа, готового на жертвы ради ближних, всегда выступающего на стороне преследуемых, презирающего расчетливость и рассудочность предыдущей, неблагочестивой и несерьезной эпохи Просвещения. После разгрома последнего восстания романтический образец оказался скомпрометирован. И как раз во времена Конрада благодаря талантливым основателям «национал-демократического» движения наступила подлинная гальванизация «исконно-посконного» стереотипа. Это был настоящий скачок вспять, по-над могилами нескольких предшествующих поколений. Романтизм был оставлен «сицилистам», Просвещение — интеллигентам. Чтобы завоевать массы, политики-«эндеки» извлекли из-под спуда наследие Контрреформации. Более того, они хотели видеть Польшу нормальной европейской страной — а вернулись к аномалии, которая на столетия отрезала Польшу от Запада. Запад тем временем черпал выгоды из распространявшейся несмотря ни на что свободы предпринимательства, исследований и воззрений — а от господства Востока, то есть России, эта духовная изоляция Польшу все равно не спасла. Упомянутый стереотип состоял из племенной мании величия, опиравшейся на новую теорию национального эгоизма. Вылепленный по этому образцу поляк-католик имел столько же общего с христианством, как пинг-понг — с китайской культурой. Быть может, из уважения к религии лучше называть этот конгломерат воззрений и предубеждений «сарматством», как это было принято раньше. Как бы его не называть, связывала все это воедино «национальная идея». Насколько узко она понималась, объясняет Александр Бохенский, познавший и восхвалявший польские мифы и стереотипы: ««Национальное» (или «антинациональное») — это значит направленное (или не направленное) против чужаков».

И пускай бы «национальная идея» принесла хоть какую-то пользу самим ее adeptам — так нет же!

Конрад всем своим существом и всеми своими известными убеждениями олицетворял противоположность этому стереотипу. Да, он не выносил «визионерского и преступного словоблудия» революционеров, был противником «разгула демократии» (как мог бы выразиться Петр Вежбицкий), но питал подлинное отвращение ко всему, что пахло сарматством.

Живущий в Лондоне Ежи Петркевич, второй после Конрада известный английский писатель польского происхождения, называет «патриотической жилкой» то, что отталкивало Конрада в соплеменниках — и что он с огорчением обнаруживал в самом себе. Петркевич весьма к месту вспоминает другого великого поэта-эмигранта, Циприана Камилля Норвида: «Сохранилось его обширное письмо, написанное в феврале 1864 г., где рассматривается ряд аспектов этой проблемы. Норвид формулирует в нем мысль, которая, как мне представляется, могла бы помочь нам понять «смешанную лояльность» Конрада: «Тот, кто превратит патриотизм в исключительность (...), будет вынужден сделать из отечества секту и скатиться в фанатизм»».

Неотвязная проблема национального сектантства была для Конрада органической частью общей проблемы зла, стоящей в центре его творчества. Сюда уходит корнями как его одержимость идеей *личной ответственности* каждого за свои поступки, так и его кодекс нормативной этики — эти несколько простых с виду принципов. Чеслав Милош считает, что польские авторы обходят проблему зла стороной, не замечая ее философского аспекта.

Уже одни только подобные совпадения могли бы заставить нас немедленно обратиться к книгам Конрада, даже если бы он с польской традицией и «национальной сущностью» ничего общего не имел. Однако после всего вышесказанного следует сказать прямо: имел, и довольно много. Разве что он был при этом гражданином той обратной стороны польской Луны, которая хотя и менее изучена, но от этого не становится менее реальной. Конрад был любимым автором Стефана Жеромского и Антония Слонимского, Марии Домбровской и Павла Ясеницы, «просвещенного католика» Рафаэля Блюта и Яна Стшелецкого, если упомянуть только уже ушедших. По всей вероятности, они видели в нем союзника той польской традиции, которую,

несмотря на крики и кризисы, нельзя позволить заглушить. В польском контексте она представляет собой течение более глубокое, но вытесненное с дневной поверхности гораздо более мощной волной популярных образцов поведения. Разумеется, я имею здесь в виду представителей двух польских стихий, два обобщенных типа: интеллигента и обывателя. Прошли десятилетия, а они по-прежнему тут как тут — разве что в новом обличье: сереньким обывателем стал «трудящийся интеллигент», а те, кто восхвалял «простого человека», сегодня воспевают «волю народа».

Конрад вобрал в себя (а не только в свою биографию) все лучшие черты польского интеллигента. И в этом я вижу залог его будущей популярности — если, конечно, всё не пойдет наперекосяк.

А тем временем в Польше Конрада по-прежнему не понимают или даже извращают. Критик Анна Татаркевич в еженедельнике «Политика» обнаружила в лице Конрада сторонника умеренности и интеллектуального покровителя всех тех, кто в годы, проведенные нами за Берлинской стеной, пытался делать в Польше полезные вещи в рамках дозволенных возможностей. Быть может, она перепутала его с Ярославом Гашеком, который как-то вечером в пражской пивной «У Звержины» основал «Партию умеренного прогресса в рамках закона» (кстати, принесшую ему двадцать голосов на выборах в парламент Австро-Венгрии). Госпожа Татаркевич утверждает все это в пылу полемики с Адамом Михником, потому что тот несколько раз почтительно отозвался о Конраде и его нескольких простых принципах в своей книге «Из истории чести и достоинства в Польше» (1985). Но вот в 1991 г. сам Михник в «Тыжднике повшехном» назвал приверженность этим же принципам «этической патологией». Вот примеры езды верхом на дорожном указателе! Разумеется, ездить на указателе нельзя, но своего значения он от этого не теряет. Впрочем, у переменчивых толкователей Конрада есть и более достойные предшественники. В 1935 г. Витольд Гомбрович в цитировавшейся выше статье восклицал:

«У Конрада все превращается в нечто величественное, в пафос, в космос [пишет будущий автор «Космоса» — Е.П.] (...) мы задаемся вопросом: что все это имеет общего с нами, с масштабом человеческого существования? — и видим, что вообще ничего. Тогда, восхищенные, но от-

нюдь не убежденные, как бы овеванные взмахом крыла огромной птицы (прошу прощения за неизбежную метафору) мы в упоении закрываем книгу. Король-Дух! **** Еще один!»

И верно, с польской действительностью того года у Конрада было не очень-то много общего... Однако прошло несколько лет. Кое-что в стране изменилось, и даже весьма основательно. Гомбрович оказался в эмиграции. И вот что мы теперь читаем в его «Беседах с Домиником де Ру»:

«В наших отношениях с внешним миром было что-то неправильное, что-то испорченное... Поляки, будучи народом, более других вовлеченным в мечтания, иллюзию, фразу, легенду, декламацию (...) Здесь нужна была действительность, и не какая-нибудь вторичная, «польская», но самая глубокая, фундаментальная, попросту — человеческая. Нужно извлечь поляка из Польши, чтобы он стал просто человеком. (...) Осторожность в отношении формы: в данном случае — формы национальной».

В своем «Дневнике» 1965 г. Гомбрович пишет (с необычайным для него пафосом):

«И как бы тогда выглядело наше развитие, если бы в то время на нашем горизонте появилось рядом с Мицкевичем иное светило: столь же выдающийся и возвышенный бард, который, однако, не посвятил бы себя служению народу, но, гордо презрев все наши беды, все принуждения неволи, попытался достичь Красоты, как человек вольный и свободный духом».

Если такой человек и существовал, он писал по-английски. И не презрел он все наши беды, и не попытался вознестись к престолу Красоты. За столетия до Гомбровича он вззошел на борт своего парусника «Трансатлантик», оставив на берегу тот самый багаж (или, если угодно, балласт), который вытряхнул из своей скитальческой сумы и выставил напоказ его земляк, малопоместный шляхтич Витольд Гомбрович. Он вззошел на борт своего парусника — и не вернулся обратно. Кто знает, быть может, из тех же самых побуждений.

Биографы в один голос утверждают, что Конрад покинул родину, чтобы избежать призыва в русскую армию. Он уехал в октябре 1874 г., когда ему было 17 лет. Так вот, в Российской Империи 1 (13) января того же года была утверждена и всту-

**** «Король-Дух» (1845-1849) — незаконченная мистико-философская поэтическая эпопея Юлиуша Словацкого.

пила в силу либеральная реформа армии, подготовленная военным министром Д.А.Милютиним. В армию стали забирать лишь с 21 года, причем в сухопутных войсках нужно было прослужить шесть лет, а на флоте — семь, но это относилось только к неграмотным. Призывники с высшим образованием служили всего лишь 6 месяцев, выпускники гимназий — полтора года, а прочих средних школ — три. Таким образом, у Конрада в любом случае оставалось четыре года, и особенно торопиться бежать от призыва было необязательно. Кроме того, с 1867 г. он вообще жил в Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии, а не России. И в большой мир он отправился из Кракова. Там он ходил в гимназию, там зачитывался книгами и газетами. До этого он жил в львовском сиротском приюте для детей повстанцев 1863 года. Там он мог вновь погружаться в стихи романтических поэтов, которые отец читал ему вслух в Вологде, Чернигове, Киеве, но мог и ходить на лекции историков Шуйского и Калинки, смело указывавших на ошибки своих соотечественников, приведшие к стольким трагедиям в истории страны. Впрочем, тогда в Кракове и Львове «позитивистская» интеллигенция искала способы «делать в Польше полезные вещи в рамках дозволенных [австрийским оккупантом] возможностей». Об отъезде, о море Конрад говорил уже в 1872 году.

Таким образом, молодому человеку уже изрядно приелись мифология и мартирология, но вряд ли его могла привлекать и проторенная дорога, которую как раз тогда указывали полякам их благоразумные духовные предводители. Вероятно, после безрассудных повстанческих порывов и пролитой крови эта дорога могла оказаться спасительной, но она вела только к одному, проклятому польскому выбору — выбору меньшего из двух зол. Быть порядочным человеком? Это значит не признавать такой выбор единственным и окончательным, даже если в какой-то момент приходится принимать решение на этих условиях. В Польше, чтобы соблюдать этот принцип, нужно обладать го-

раздо большим мужеством, чем где бы то ни было. Быть может, поэтому Конрад и эмигрировал.

Когда Элиза Ожешко обвинила Конрада в том, что он продал свой талант чужакам и тем самым способствовал оскудению своей страны, народа, культуры, философ и писатель Винценты Лютославский в своем «Ответе Элизе Ожешко» ничего не говорил об «извлечении поляка из Польши, чтобы он стал просто человеком». Он вполне трезво заметил:

«Моя противница в дискуссии ошибочно приводит причины эмиграции из Польши ее лучших и самых талантливых сынов. В XIX столетии эмигрировали Мицкевич, Словацкий, Шопен и Красинский. И не экономические мотивы были здесь решающими, а невозможность жить под чужеземным гнетом без возможности компромисса».

Единственная разница состоит в том, что вышеперечисленные эмигранты остались в кругу польского языка, а Конрад — не сумел. И не только потому, что не переносил компромиссов, но и потому, что вещи, которые он мог высказать, которыми мог поделиться с читателями, оказалось невозможно преложить на господствующий диалект эпохи, на своего рода патриотический, барочный *новояз*. Однако талант подобного масштаба мог дать шанс другому диалекту польской мысли. Ясное дело, если бы его не заклевали. Боже, как бы тогда Конрад пригодился Польше! Я знаю, вздох этот не имеет смысла — тем более что сегодня его захватывающее творчество и его идеи становятся актуальнее день ото дня. Действительно, поляризация жизненных позиций, душевных порывов, моделей поведения происходит в Польше отчетливее, чем где бы то ни было, и все более животрепещущим становится напоминание о магнитном полюсе, которого Конрад никогда не упускал из виду. Но пусть нас не удивляют и упрёки Элизы Ожешко.

«Культура» (Париж), 1994, №3

Ярослав Марек
Рымкевич

Свободный перевод
Натальи Горбаневской

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ ИДЕТ С ЛАНДЫШАМИ

*Тогда он был худощавым мальчиком,
с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой,
с пылающими глазами с ресницами в полщеки.*

Анна Ахматова

Там Осип Мандельштам идет с цветком в петлице
Букетик мокрых ландышей больное сердце-птица

Идет по Невскому и вдоль Фонтанки в камне рубленной
И пахнет мокрым ландышей букетик для возлюбленной

Где из Кронштадта водолет сворачивает к пристани
Там новые влюбленные вздыхают под транзисторы

С разгону мутная Нева летит в ворота смерти
Поэзия! ты помнишь ли как эту песню пети

Проходит Осип Мандельштам сквозь мокрые букеты
Сквозь брошенные лагеря сквозь женщин эстафеты

Сквозь площадь Ленина и сквозь просторы площадей ничьи
Его ресницы длинные совсем-совсем как девичьи

Сквозь толпы на платформах сквозь песни Саломеи
И все года и вся судьба виднее и виднее

У Черной Речки где бетон по́верх рвов расстрельных
Сквозь штукатурку и асфальт и кровь на серых стенах

И с мясом вырванную дверь на лестнице где не дыши
Тебе умершей девушке несет в ладони ландыши

И погребальный колокол грохочет над Фонтанкой
Поэзия! я помню хлад пустых твоих останков

МАНДЕЛЬШТАМ — ПОБЕДИТЕЛЬ ИСТОРИИ

Беседа с Ярославом Мареком Рымкевичем

Имя Ярослава Марека Рымкевича внимательному читателю «Русской мысли» знакомо: в прошлом году («РМ» №3529) мы печатали отрывки из его повести «Польские разговоры летом 1983 года». Отрывки эти были напечатаны под взятым из текста названием «Задумайся об Осипе Мандельштаме...». Ни имя Мандельштама, ни «польские разговоры» о русском поэте не появились в повести Ярослава Марека Рымкевича по чистой случайности: мол, можно бы поговорить о Мандельштаме, а можно — о Рильке, тоже замечательный поэт. Я.М.Рымкевич много переводил Мандельштама, а вышедшая в прошлом году в подполье его книга стихов называется «Улица Мандельштама» (по одному из стихотворений, перевод которого мы публикуем вместе с интервью [стихотворение «Улица Мандельштама» в моем переводе неоднократно перепечатывалось, поэтому здесь не воспроизводится, тем более что вся нынешняя публикация сложилась вокруг нового перевода нового стихотворения Ярослава Марека Рымкевича о Мандельштаме. — Прим. 2004 г.]). В другом издательстве сборник стихов Ярослава Марека Рымкевича получил иное название — зато был дополнен циклом «Tristia», который прямо связан с поэзией и судьбой Мандельштама.

Еще добро бы, если бы Ярослав Марек Рымкевич был уникальным исключением среди польских поэтов (все, мол, поэты как поэты, поляки как поляки, а он один — русофил). Нет, Осип Мандельштам, его поэзия и его судьба заняли какое-то совершенно особенное место в Польше и современной польской поэзии. С Мандельштамом встречаешься в стихах поэтов разных поколений — не столько даже с влиянием, сколько с ним самим: именем, поэтом, судьбой. На стихах Мандельштама построил свой знаменитый спектакль военного времени познанский Театр Восьмого Дня, ныне закрытый властями.

И вот, когда счастливым случаем в Париже оказался Ярослав Марек Рымкевич, я решила, встретившись с ним, поговорить именно о Мандельштаме. В конце концов, и я имею право изредка вспомнить, что я не только автор политических обзоров, и — поговорить о поэзии.

— Пан Ярослав, меня всегда поражало столь интенсивное «присутствие» Мандельштама в современной польской поэзии. Чем вы можете это объяснить? Если можно, расскажите и о ваших собственных отношениях с поэзией Мандельштама, и о том, как возникло, росло, изменялось это «присутствие» Мандельштама у поэтов вашего и других поколений.

— Я расскажу, как я пришел к Мандельштаму. Вообще в Польше Мандельштам стал известен еще в межвоенное двадцатилетие — благодаря поэтам группы «Скамандр» и великолепным переводам Павла Герца, которые до сих пор остаются образцовыми. Но то, что я хочу рассказать, прямо относится к моей жизни и к моему поэтическому пути, т.е. будет точка зрения весьма индивидуальная, ибо каждый польский поэт воспринимает в Мандельштаме что-то свое, что-

то иное выбирает из этого богатства, и, вероятно даже, каждый из нас видит историю восприятия и усвоения Мандельштама в Польше несколько иначе, чем другие. На мой взгляд, в течение моей сознательной жизни, моей жизни поэта можно выделить по крайней мере два этапа, два периода восприятия Мандельштама — очень разные. На своем собственном восприятии я это вижу особенно остро и отчетливо.

Я открыл для себя Мандельштама где-то в первой половине 60-х годов, двадцать с лишним лет тому назад. Открыл я его благодаря Рышарду Шибыльскому, с которым я тогда познакомился и подружился, он просто велел мне читать Мандельштама.

— Вы читали по-русски?

— Разумеется. Я, как каждый поляк, учил русский язык в школе. Я, может быть, знал его не очень хорошо, но читать мог без особых трудностей. Моя

поэтическая молодость прошла в основном за чтением английских поэтов: я воспитывался на Элиоте, Паунде, Одене, зато не слишком охотно обращался к славянской поэзии. Не было особого интереса и к французской поэзии, но это было нечто другое: мое поколение нуждалось в том, чтобы отмежеваться от наших предшественников. И, в частности, Милош ввел в круг нашего чтения англо-американскую поэзию, совершенно новую тогда для нас. Зато Мандельштам я открыл позже, не в самой ранней молодости, и, как я сказал, благодаря Рышарду Пшибыльскому, который затем, в 1971 году, в поэтической («целлофановой») серии польского Госиздата выпустил томик стихов Мандельштама. Я думаю, что это лучший сборник переводов Мандельштама из всех, вышедших в Польше: профессионально

подготовленный, с прекрасной вступительной статьей и с лучшим выбором переводов. С тех пор избранное Мандельштама выходило в Польше еще дважды или трижды.

Итак, я различаю два весьма различных рода восприятия Мандельштама. В тот первый период, когда я начал читать Мандельштама, его в Польше почти еще не читали. И я открыл Мандельштама прежде всего как великого поэта, вне его человеческой судьбы, абстрагируясь от нее. Я видел прежде всего великого, небывалого поэта — великого тем, что он сумел победить историческое время, сумел в то страшное историческое время, которое как раз и определило его судьбу, словно вознестись над этим временем, избежать всех ловушек, которые расставляет история, не попасть в сети поэзии, очерчиваемой только исторически, только политически. Это было для меня доказательством необычайного мужества, необычайной интеллектуальной и духовной отваги: он вел себя как великий поэт, попросту как поэт. Перед ним стояли огромные поэтические задачи, и он не дал себя низвести до той страшной действительности, в которой ему пришлось жить, — он победил историю. И так уже на всю жизнь он остался для меня чудесным образцом человека, ко-

торый сильнее истории, который доказывает, что поэзия есть нечто большее, чем история: история прейдет, а поэзия останется.

Расскажу, как я начал его переводить. Первое стихотворение, которое я перевел, было «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гамме...». Это было году в 63-64-м, я его перевел в Москве, в гостинице, и — прочитал перевод Надежде Яковлевне, с которой я тогда познакомился. Она не слишком хорошо понимала по-польски, но у

нее был, конечно, обостренный слух на мандельштамовскую фонетику, на звучание, и я от нее получил как бы разрешение продолжать переводы. Это было для меня большим счастьем и до сих пор остается предметом моей гордости. И я продолжал переводить — в частности, много моих перево-

Осип Мандельштам в Выборге 1912

дов вошло в издание Мандельштама 1971 года, подготовленное Рышардом Пшибыльским. Американское издание Мандельштама в Варшаве почти нельзя было найти — если и было, то, может, всего один-два экземпляра, и помню, что Рышард давал мне стихи, которые сам переписывал от руки. Одновременно он объяснял мне многое в этих стихах. Мое понимание Мандельштама, мои переводы многим обязаны тому усилию, которое в это вложил Пшибыльский.

Нас, конечно, остро интересовала человеческая, историческая судьба Мандельштама, но это словно не было для нас самым главным — важнее всего была его поэзия. Однако после появления книги Надежды Яковлевны и после выхода ее польского перевода (а я читал ее еще до того, в английском переводе) восприятие Мандельштама в Польше сильно изменилось — начался как раз этот второй период. Благодаря тому, что сделала Надежда Яковлевна, он вошел в сознание польского читателя, и его самого стали читать в очень широких кругах, и начали появляться всё новые переводы.

И тут причиной интереса к нему стала его судьба. В 70-е годы Мандельштам стал символической фигурой — символом убитого, замученного по-

эта, символизируя для нас и наши собственные судьбы. Символ поэта, который заплатил собственной жизнью за право писать так, как он хотел, заплатил собственным телом за силу духа. Восприятие Мандельштама стало определяться его судьбой — его, так сказать, приключениями с историей. Особенно волнующим стал вопрос о его смерти: в Польше ходят разные версии о ней — не знаю, как это в России, выяснено ли это?

— Нет, это и в России не выяснено, и боюсь, что окончательно уже никогда не будет выяснено...

— Значит, так и останется миф, соединяющий разные версии, и в Польше постоянно ходят рассказы о том, как погиб Мандельштам. Так получилось, что человеческая судьба Мандельштама благодаря замечательной книге Надежды Мандельштам вышла на первый план. Против такого восприятия не поспоришь, однако, по-моему, все-таки самое главное — это как читаются и воспринимаются сами стихи, и мне кажется, что восприятие их исключительно под углом судьбы Мандельштама что-то нарушает в отношениях с самой поэзией. Забывается суверенная сила поэзии, независимая от событий, выпавших на долю поэта. Думаешь уже только о человеке, который где-то там в Воронеже, на убогой окраине, слушает поцарапанные пластинки Моцарта, — на меня этот образ произвел очень сильное впечатление.

Думаю, что так в основном и будут теперь читать Мандельштама в Польше — как творчество, символическое по отношению к эпохе. Но для меня Мандельштам навсегда останется поэтом моей поэтической молодости, который нес в себе нечто такое важное, что сильно повлияло на меня, на мои собственные стихи. Он показал мне, что такое Греция, что такое Рим, где лежат и каковы корни европейской культуры, как следует воспринимать античное наследие. Мандельштам был важен для меня также по причинам чисто «техническим», своей поэтикой — композицией стихотворения, композицией поэтического образа, соотношением между образом и звуковой стороной стихотворения.

Следует вспомнить, что в Польше межвоенного двадцатилетия и даже позже, в течение по крайней мере всей первой половины XX века, а то и до конца 60-х, до начала 70-х годов, в роли «главного» русского поэта выступал Б. Пастернак. Всем было ясно, что вот это и есть основная фигура русской поэзии. Несколько в тени его стояли две великие поэтессы: Ахматова и Цветаева, — но Пастернака переводили больше всего, его переводили еще скамандриты, и все это было связано еще с линией

восприятия и влияния русских символистов. А моя молодость была связана с бунтом моего поколения против традиций символизма — это было тогда одной из важнейших проблем польской поэзии. Надо было воспротивиться тому символистскому дурману, который еще в течение всей первой половины века господствовал в европейской поэзии.

Потому-то для меня были так важны англо-американские поэты: Элиот, Паунд, Оден, — которые как раз пре-

одолевали западноевропейский символизм, и потому же так важен стал Мандельштам — как противоядие на русский символизм.

— Но акмеизм в России и был реакцией на символизм...

— Да, но в Польше эта реакция была запоздалой: здесь как ведущая сила функционировал русский символизм и Пастернак, который был производным от этого символизма. Для людей на одно-два поколения старше меня было очевидно, что величие русской поэзии начала и всей первой половины XX века состоит именно в традициях символизма. Мандельштам был чем-то совершенно иным, он давал выход из этой трясины символизма. Но, когда в середине 60-х годов мы с Рышардом Пшибыльским говорили, что Мандельштам — величайший русский поэт XX века, над нами просто смеялись. Всем было ясно, что великий поэт — один, и это Пастернак. Я понимал, что Пастернак — большой поэт, но относился к нему с некоторой отчужденностью, настороженностью. Мандельштам своей точностью, чистотой, какой-то, скажем, холодностью своих образов был для меня открытием. Я и сейчас, хотя очень люблю

Осип Мандельштам
Рис. Петра Митурича

его поздние стихи, больше всего восхищен «Камнем». Я думаю, что это великолепная книга, действительно краеугольный камень европейской поэзии. Для меня нет сомнения, что Мандельштам — один из величайших поэтов XX века не только в рамках славянского мира, но во всемирном масштабе, что он и дальше будет влиять на европейскую поэзию — и «технически», своей поэтикой, и тем, что он показывает, каковы ценности европейской культуры, показывает, что эти ценности можно пронести сквозь самые страшные времена и в самые страшные времена сохранить их.

Думаю, что и внутри польской поэзии мы увидим новые этапы восприятия Мандельштама, что это восприятие будет изменяться — и уже на наших глазах изменяется. О нем будут писать, будут выходить книги — как вышла книга Рышарда Пшибыльского «Вечный гость Бога». У нас еще будет много обликов Мандельштама. Есть нечто символическое в том, что он родился в Варшаве — факт, по существу, случайный, но нам, полякам, приятно, что его жизнь началась у нас.

— *Я хотела бы еще спросить вас о прямом влиянии Мандельштама на ваши стихи. Читая их, я временами как бы слышу развитие мандельштамовских «тем», но тем в музыкальном смысле.*

— Да, это, пожалуй, для меня самое важное. Оглядываясь назад, на тридцать лет своего стихотворчества, я пытаюсь понять, чему я научился у Мандельштама кроме того, о чем я уже сказал: что он научил меня, как следует «читать» европейское прошлое, общие корни европейских традиций. Чему же еще я научился? Я уже сказал, что воспитывался на английской поэзии, а если говорить о польской — то на Милоше: он представлял для меня живую традицию, противостоящую той польской поэзии, от ко-

торой я хотел оттолкнуться. Я воспитывался на, условно говоря, холодных, охлажденных, «каменных» поэтах. Мандельштам научил меня двум вещам. Первую из них, может быть, нелегко определить. Это, скажем, нежность к миру людей, которой совсем нет у Элиота или Одена, а вместо нее есть холодная и даже, пожалуй, злорадная ирония. Уже в «Камне» есть великая любовь даже к материальной стороне мира, к тому, до чего можно дотронуться. А еще чему он меня научил — это пению, мелодике.

— *То есть тому, чего почти нет в польской поэзии нескольких последних десятилетий...*

— Он научил меня, что поэзия должна быть как музыка, должна быть музыкой, что нет поэзии вне мелодии, пения. И это не просто теория — его стихи и есть пение.

— *И в то же время это не тот тип пения, как, скажем, у Тувима...*

— Не тот. Очень трудно объяснить, в чем состоит это различие. Тут, конечно, вопрос использования фонетики стиха. В конце концов, русские символисты тоже «поют», а после них польские скамандриты тоже «пели». Как бы это определить? Их пение было, назовем это так, неразумным. А Мандельштам — это умная птица. Он все продумал, он даже понял, что мир так страшен, что петь нельзя, — и все-таки пел. Надо еще сказать, что русский и польский язык обладают совершенно разными фонетическими возможностями и петь в стихах легче, будучи русским поэтом. Польский язык — более шипящий, скрежещущий, стреляющий, и некоторые стороны мандельштамовского звучания недоступны по-польски, но, может быть, именно поэтому так важно, преодолевая этот шип и скрежет, извлечь из себя пение — то пение дрозда или щегла, которое слышно у Мандельштама.

Беседу вела
Наталья Горбаневская

(«Русская мысль» №3577, 12 июля 1985)

Яцек Качмарский

Перевод Натальи Горбаневской

ВОСКРЕСЕНИЕ МАНДЕЛЬШТАМА

По Архипелагу слух, как телеграмма,
Что, мол, выпускают Оську Мандельштама.

Страшно удивился опер краснорожий:
«Как так выпускают? Мы ж его того же...»

Но генсек новейший отвечает: — Лапоть!
«Выпустить» сегодня значит «напечатать»!

Тяжкая охране досталась работа.
Мандельштам? Который? Их у нас без счета.

Кто деревья валит, кто дороги торит,
Все они поэты, каждый — стихотворец.

Ужасом у вохры налилися взоры.
По швам затрещали от поэтов зоны.

Ищет вохра дело, приговор, решение,
Открывают папку — там стихотворенье.

И людей в нем столько, как на соснах шишек,
Одного-единственного никак не разыщешь.

Утверждают зэки, что давно он помер;
Видно, слишком стары, ничего не помнят.

Мандельштам схоронен? Возможно ли этак?
Про него живого пишется в газетах!

Не понять в тайге им, на амурских сопках,
Что «живой» всего лишь метафора в скобках.

Смотрит сверху Осип на земные шрамы,
Впитывая горечь запоздалой славы.

Мюнхен, 1987

Впервые опубликовано: «Русская мысль» №4057, 15 дек. 1994

Аркадиуш
Пахольский

ЧТЕНИЕ В МЕТРО «БУАСЬЕР» — «АНВЕР»

Из всех доказательств цивилизационного превосходства Запада над Востоком самым убедительным для меня всегда будет парижское метро. Это такое средство передвижения, значение которого действительно невозможно переоценить, что может подтвердить, вероятно, каждый парижанин, а тем более — приехавший в столицу Франции турист. Снабженное отличными указателями, позволяющее за четверть часа попасть на другой конец многомиллионного горда, метро — транспортная аорта Парижа, устойчивая против заторов в противоположность асфальтовым артериям на поверхности, в которых то и дело возникают пробки, создаваемые тысячами автомобилей. Метро дает также отличный случай понаблюдать разнообразные человеческие типы, одетые по самой разнообразной моде и происходящие со всех континентов.

К обычаям, наблюдаемым в парижском метро, принадлежит, в частности, чтение книг. Этому занятию предается прежде всего молодежь, хотя с книгой в руке можно увидеть и почтенного пожилого господина или засушенную бабушку. Качество этого чтения весьма разнородно, от детективов и бульварных романов до научных трудов, классики и современной художественной литературы.

Когда-то и я погружался в чтение, особенно когда ехал по линиям, которые все время идут под землей, так что во время поездки на город, естественно, не посмотришь. Сомневаюсь, чтобы о писателях, над книгами которых я размышлял, слышали там больше одного человека на пять вагонов, да и то не наверняка. Жители старой культурной столицы часто несправедливо пренебрегают сочинениями провинциалов, причем не столько из чистого презрения и гордыни (хотя и это случается), сколько из уверенности, что они не найдут там ничего, чего не знали бы раньше и что могло бы им для чего-нибудь пригодиться. Отсюда — величайшее удивление, когда разражается большой террор или коллаборационизм.

Читая в метро стихи Осипа Мандельштама, я знал, что это чтение, хоть и обжигающее, словно сибирский сорокаградусный мороз, — чтение нужное, полезное, просто необходимое. Оно предостерегает от того, что характерно вовсе не только для Центральной и Восточной Европы и что может случаться на всякой географической широте, в том числе и на солнечном Западе.

Среди прочитанных тогда стихотворений Мандельштама в память особенно запало это:

*Как подарок запоздалый
Ощутима мной зима:
Я люблю ее сначала
Неуверенный размах.*

*Хороша она испугом,
Как начало грозных дел —
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.*

*Но сильнее всего непрочно-
Выпуклых голубизна —
Полукруглый лед височный
Речек, баюющих без сна...*

Стихотворение прекрасное и в то же время безмерно трагическое. В нем заключена жажда восхищаться миром, его ощутимой красотой, которая служит великолепнейшей пищей душе и телу. И в то же время эти строфы прямо-таки распирает тревога, страх, который охватывает поэта все сильнее — так сильно, что не позволяет ему даже спокойно нарадоваться живописному виду. Мандельштам написал это стихотворение в декабре 1936 г. в Воронеже, куда был сослан по приказу Сталина. Ссылка эта на самом деле была равнозначна смертному приговору и всего лишь — на неопределенное время — его отсрочке. Поэт прекрасно это понимал.

У самого унижаемого эзика есть свои краткие минуты освобождения: тогда, когда он поддается очарованию — будь то восходящего солнца, или многоцветных искр на снегу, или же облака, плывущего по сапфиру небу. Такие мгновения описывали Солженицын, Герлинг-Грудзинский, Шаламов. Эта минута зачарованности сотворенным миром — одновременно поклонение Творцу, миг причастия, во время которого роль недоступного хлеба и вина исполняет деталь природы. И одновременно она, что важнее всего, — своего рода бунт против палачей, доказательство того, что человека, может, и нетрудно заковать в кандалы, нетрудно унижить его душу, но до конца уничтожить нельзя.

Приведенное стихотворение подавляет меня тем, что его автор уже перестал радоваться красоте мира, не может найти в себе сил на минуту метафизического освобождения. В этом стихотворении Сталин победил Мандельштама.

Когда-то Мандельштам умел радоваться жизни. После первых стихотворений, в согласии с модой эпохи слегка декадентских, он открыл красоту мира и наслаждался ею — переносно и буквально. Вместе с другими акмеистами он высмеивал символизм, где «половой, отраженный двойными зеркалами ресторана «Прага», воспринимался как мистическое явление», а сам обращался к ощутимой, конкретной детали. С характерной для него мягкой насмешливостью Мандельштам пел хвалу кинематографу, игре в теннис и футбол. Он посетил немалую часть Западной Европы, а потом, когда большевики заперли в тюрьме всю Россию, много раз возвращался воспоминаниями в Италию и Францию. В тюрьме, как известно, от года к году было все страшней, и первоначально солнечная поэзия Мандельштама начала затягиваться тучами. В конце концов она превратилась в вой:

*Помоги, Господь, эту ночь прожить,
Я за жизнь боюсь: за твою рабу..
В Петербурге жить — словно спать в гробу.*

Это стихотворение написано в 1931 г., и можно было бы спросить, почему Мандельштам, если он уже тогда боялся за свою жизнь, несколькими годами позже написал и пустил распространяться знаменитые стихи, где изобразил Сталина чудовищем. Потому что хоть и боялся, а был поэтом, то есть тем, кто обязан свидетельствовать истину. Страх — то чувство, которое больше всего способствует превращению человека в животное и убиению его нравственной чувствительности. Может показаться парадоксальным, но этот принцип в равной степени касается как жертв, так и палачей. Разве кровавый кремлевский сатрап не из страха за свою власть, а значит и жизнь, разжег величайший в истории геноцид? Следовательно, тот, кто преодолевает страх, спасает свою человечность, даже тогда, когда платит за нее высшую цену — цену физического уничтожения.

Мандельштам ее заплатил, но его стихи, напечатанные на ухо жене, которая учила их наизусть, выжили как свидетельство, что даже в глазах узника, запертого на самом дне темницы, если только он добровольно поднимет голову, отразится луч света.

*Он только тем и луч,
Он только тем и свет,
Что шепотом могуч
И лепетом согрет.*

Ужасающе, что иногда лишь такой шепот становится последним манифестом культуры. И какое счастье, что он способен быть и ее зачатком!

Михал Ягелло

Перевод
Андрея Базилевского

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Воспоминание: Кавказ

Ледяной склон, солнце, притушенное летучим сухим туманом,
стальные зубья «кошек» на подошвах,
в правой руке ледоруб, в левой крюк —
обычный обряд альпинистской мессы,
на Кавказе, в Северной Ушбе,
летом, набрякшим снежными бурями,
в жестокое время, когда безвременно
гибнут друзья,
срываясь с горной стены под названием Джан Туган,
что в переводе значит Прекрасный Господин,
а в долине — Баксан, *пенящийся, как вино*,
и на горных лугах взрываются цветами рододендроны,
и шныряют сурки, здешние аборигены, которые не любят пришельцев,
а мы где-то высоко, в палаточке
на Ушбийской Подушке, со звёздами в спальнике,
с ноющей болью в отмороженных ступнях,
мы уже в ледяном зеркале —
бессмертные,
неуязвимые,
с потёками сукровицы на распухших пальцах ног,
в боли и восторге,
в ореоле снежной пыли,
которую сносит с гребня в котловину,
туда, где призрак ледника, на две тысячи метров ниже,
а ты здесь, зависнув на «кошках», смотришься в зеркало
своей молодой жизни,
тебе всего двадцать шесть лет,
может, это начало, а может, почти
конец, тебя окутывает ореол сияющей пыли,
стена всё круче, икры дрожат под напором
этой бесконечной крутизны,
а где-то там, на том конце верёвки,
твой товарищ прильнул к крюку,
вбитому в трещину промёрзшей скалы,
у него ещё есть запас жизни, кровь ещё не отравлена,

Dymitr Kismielow

по крайней мере, пока ещё нет
симптомов зловещей болезни,
он весь ушёл в настороженное наблюдение
за веревкой, которая соединяет его с тобой,
а ты, подобно Нарциссу, смотришься
в *Зеркало* и дрожишь от страха, что тебя затянет
эта бескрайняя белая постель, что ноги
начнут вибрировать и зубья «кошек» на подошвах выскочат
из «следов жизни», уходящих
на целых полсантиметра в лёд,
звениящий, как замороженная дубовая колода:
вся надежда на него, на этого дрожащего
и унимающего дрожь,
на тебя, на меня, на него,
поднять левую руку,
крепко сжать металлический колышек,
правой бить: медленно, точно, удар за ударом,
вогнуть крюк в ледяную твердь
и нежно выбрать верёвку, текущую вниз, к напарнику,
ты громко дышишь, захлабываясь
снежной пылью, ты распластался на льду,
стоящем вертикально у самого
лица, и только теперь, на миг прикрыв
глаза, видишь тревожным
крупным планом, как твоя рукавица
падает, кувыркаясь, туда, где сквозь мглу просвечивает ледник;
столько лет, столько горных могил,
столько полян, вершин, перевалов,
а рукавица из серого брезента
всё падает и падает,
и этот снежный ореол, и этот восторг,
и восхищение, и страх,
и примирение, и неустанный бунт.

А рукавица вращается — вот она, вот.

Воспоминание: Памир

На такой высоте то, что более чем
реально: мороз, ветер, лёд, скалы,
распылённый снег, — всё кажется ненастоящим,
словно выдумка педанта-сценографа,
всё слишком буквально и потому
производит впечатление искусственности;
даже разреженный воздух, который превращает
сильного мужчину в ребёнка — это же
театральный приём; не может здоровый человек
так волочить ноги, это просто
утончённая пантомима.

Этот человек, чьи движения гротескно замедлены,
дышит преувеличенно жадно,
его сотрясает сухой кашель,
он и актёр, и режиссёр, и зритель,
субъект и объект,
смесь невозможности и упорства,
боли и ощущения собственной силы,
помрачения и озарения,
он измучен и в то же время почти невесом.
Словно слились воедино: сцена, операционная
и храм, биология и литургия; любой жест
здесь физически значим,
и в то же время это танцевальная фигура,
а стало быть — знак.
Здесь играют спектакль на фоне смерти.
Всё, что ты делаешь там, на высоте, — обретает
дополнительный смысл, становится фактором
драмы, ибо в любой момент ты рискуешь
оступиться
а для танцора оступиться — это...

Восемь альпинисток ушли в горы,
им была поставлена ответственная задача —
продемонстрировать танец в ритме:
перевал, вершина, перевал, вершина, перевал, вершина;
с поляны, где, вооружившись биноклями, дежурили
пропагандисты, функционеры и тренеры,
было видно, как альпинистки
ползут по отвесной стене,
на середине трассы их затянуло туманом,
через несколько часов они доложили
по трескучему радио, что там у них сильный ветер,
что он усиливается,
это ничего — ответили им,
потом пришло сообщение об урагане,
переждать — скомандовали им — не прерывать
спектакль, на вас смотрят
Ленин и Дзержинский, это высокая честь — напомнили им.
Ближе к вечеру они запросили разрешение
на спуск в долину, в палаточный городок:
главный хореограф отчитал их
за недостаток боевого духа.

Восемь девушек разбили лагерь на самом гребне,
когда ветер утих, оттуда были умело эвакуированы
их замороженные тела.

Следы видны до сих пор: перчатка, платок, ледоруб,
зеркальце, клочок спального мешка, жестянка рыбных консервов,
ремень от «кошек», расчёска, ложка —
вмёрзшие в лёд;
как авангардистская инсталляция,
как декорации к балету «Памирские Лебеди».

Перед нами вершина,
она залита солнцем, хотя
с севера уже наползает туман,
пора встать с коленей
и идти: ещё мгновенье, ещё только
выковырнуть изо льда мороженое яблоко гранаты —
так надо.

Я держу её на ладони,
она истекает кровью.

Мариан Гжещак

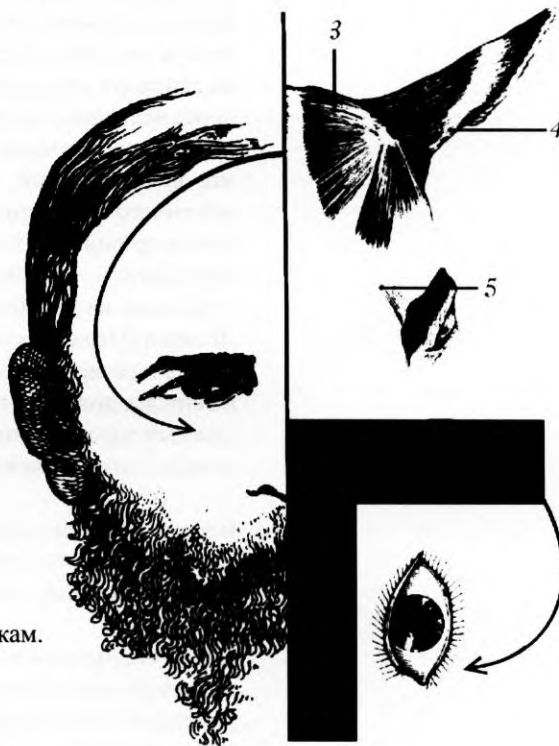
Перевод **Андрея Базилевского**

СТИХИ

Я, ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ

Я бунтую не против родины,
А против ее дураков.
Когда солнце заходит, пробираюсь по темным закоулкам.
Спина ожидает ножа.
Но лицо мое допросов не боится,
А сердце осталось бесстрастным.
Все то же непостоянство: пламя вспыхивает — и гаснет.
Встречусь с матерью, она скажет:
Ты разменял жизнь на дни, а ведь рожден был великой болью.
Кто меня, в позоре моем, удержит от ярости?
Каждое утро смываю с лица очередные горькие сутки.
Кровь подследственных запеклась на обтрепанных рукавах.
Не знаю, откуда на ладонях моих столько чужого плача.
О пробуждение, надежда на прекрасную песню, о утешитель-утро.
Солнце-палач стучится в окно.
На газете, которой прикрыто лицо, оно читает приговор: голод.
Не убивай меня, бормочу, я сдал кровь и хочу еще пожить.
Но палач входит, и я ему уступаю.
Бесправие во мне все больше побеждает право.
Плоти моей уже не дано вожделений.
Я не предчувствую, знаю:
Мой конец предначертан мочой и кровью.
Слышу голос девушки: почему он не защищался?
Это обо мне, вошедшем в нее и не искавшем пути назад.
Тело мое омыли в придорожном рву.
Там кони утоляли жажду и целовались ноздрями.
Их ржание переживает меня.

СНОВИДКА ИЗ НОРВИДА

Косой народ уже ничего не знает не знает не знает

Время скрученное в косу
Бьет Европу и Мир по лицу
В гневе они всё мелют и мелют одно и то же:
Господи Иисусе Дева Мария Господи Боже
Но приходит Ничто и ни единой капли прохлады
Не долетает до сада

У косяка приоткрытой двери
Заря балагурит с бандитами
А речь Циприан — увы — это только речь
Посполитая туповатая избитая кое-как сбита

СНОВИДКА О ТРАВИЛУГЕ

если моя любовь — вдохновение маргариток, пусть
вдохновение маргариток усилит мою любовь,
если моя любовь — стыд осота, пусть млечный сок
осота насытит мою любовь,
если моя любовь — вздох солнца, пусть солнце
сильней согреет небо мое,
если моя любовь больше смерти, пусть смерть
осадет и потеснится,
если любовь моя — грех, пусть расступится кара
и грешникам просияет спасенье,
если любви моей нет, пусть небытие назовется «люблЮ»,
если любовь умерла, пусть родится вновь,
если березка увяла, пусть поднимется,
пусть оживет березка,
пусть колени преклонит маргаритка, —

сказал Господь закрывая Луг

СНОВИДКА ДЛЯ АЙГИ, ЧУВАШСКАЯ

Уплакалась любовь моя
Бедаду бедаду
Жизнь дурацкая
Слезливая песенка кабацкая
Бедаду бедаду
Сколько детушек столько голода
Бедаду
Мокотинка моя
Натолинка моя
Геннадийка твоя
Бедаду бедаду
Да

fig. 1

fig. 2

ИЗ ДЕКАБРЬСКИХ ЗАМЕТОК

Ты жил надеждой и был одинок
Среди многих обманутых и голодных
Словно добро не могло говорить
Ясной для всех и желанной речью
А ведь ты хотел сказать так немного
Слезы вдов жалоба запуганной женщины
Ненавистная покорность свободе
Простые хрупкие привилегии обманутых
Но слово склонялось к сочувствию
Не хотело подчиняться взывало о защите
Плач самый страшный плач без слёз
Немой гордый и такой тихий
Что слышен был только глухой стук земли
Падающей на гробы погибших
Словно всем нам суждено было восстать
В выцветшем пламени памяти всем
Вместе в жестоком пространстве где кружат
Снег смерть и военные патрули

МУЗЫКА ДЛЯ АННЫ БОХМАН

давно очей ее не видели глаза мои
темными глазами снов улыбается полночь
анютины глазки очей крыло ее темноты
из дальней дали хлещет меня по лицу
глухое ухо неба с сережкой месяца
без месяца было бы ох как худо
давно очей ее не видели глаза мои
к сандалиям ласкался листок кизила
дикие ромашки тянулись к столу
и пили густые соки из рук его
а он молчал и кормил
беспредельную землю своей любви
в величии смирения своего
от которого осталась одна только беззащитность
и смерть в его теле громкий
неслышный стон на рассвете
восторг от великой зари над лесами а потом
молчанье молчанье молчанье
в изменчивом ритме уходящего времени
давно очей ее не видели глаза мои
когда-то видели давно не видели
эти ресницы ромашки вербинки сочувствия
что склоняются первыми прежде чем дунет ветер
давно не плакали о любви глаза мои

fig. 2 —

fig. 3

АПТЕКА

Где аптека на какой она улице
Сутулясь идет по городу молоденькая покойница
Стоит у меня за спиной и платочком гонит ветер из глаз
Как они жалеют себя когда из порожних ртов
Высыпают теплый пух сострадания
Кто-то выпархивает с бременем надежды на плечах
Чужие болезни объединяются
И говорят незнакомыми голосами
Я прохожу мимо пустого сердца оно понемногу
Спрессовывает вместе две усталых жизни
Они проходят незримые тихонькие хрупкие
Где аптека на какой она улице
Если ты не бывал там ты должен войти
Постоять ощутить теплое дыхание юной покойницы
А если бывал — не задавай вопросов
Как эти два старичка что стоят
Опираясь на одну трость

Здесь нет никакой аптеки
Здесь нет даже улицы
Это место где можно только стоять
Минута в которую можно лишь умереть
Земля — чтоб ею засыпали
Память — чтобы помнить

Лешек Шаруга

ТРЕТЬИ СТИХИ

«Третьи стихи» — так называется книга Мариана Гжещака, посвященная вопросам поэтического театра. Согласно концепции автора, «первое стихотворение» — это сам замысел, проявление поэтической интуиции, «второе стихотворение» — осуществление замысла, а «третье стихотворение» — его прочтение, то есть конкретизация в сиюминутном, всякий раз ином понимании. Третье стихотворение создает тот, кто воспринимает произведение. Он «истинный» творец поэзии. Это касается в особенности театрального восприятия поэзии, при котором написанное должно быть переведено на специфический язык спектакля: «В вещество стиха вводится элемент игры, в процессе раскрытия все новых элементов текста эта игра развивается, дополняется, чтобы в конечном счете все замкнуть, суммировать в третьем стихотворении. (...) Готовый текст оказывается лишь побуждением к творческому действию, а иногда играет роль указателя в том лабиринте, каким является поэзия в своих автономных проявлениях».

Гжещак — один из тех поэтов, которые вновь и вновь пытаются вывести поэзию из замкнутого круга «литературности». С одной стороны, мы имеем дело со своего рода «снижением» литературы за счет общественной проблематики, с другой — со стремлением использовать язык, или даже только алфавит, как изобразительный и звуковой материал. Не случайно первую книгу Гжещака «Люмпенэзия» (1960) открывало стихотворение, идея которого стала тогда предметом бурных споров:

*меняю четырех откормленных коней воображения
на любое из сочинений Маркса
и правильно написанную польскую букву ó*

Демонстративный отказ от воображения во имя того, чтобы напомнить о житейских реалиях, был в атмосфере литературной жизни конца 1950-х явлением нередким. Требование социальной ангажированности литературы понималось всерьез — Гжещаку в его радикальной формуле удалось выразить литературную программу, в которой игра фантазии трактуется как своего рода «прекраснодушие», как отход от вопросов о человеке и мире, наконец — как демонстрация безразличия к мировому злу. Кстати, уже само название книги — неологизм, объединяющий поэзию и название деклассированных людей, люмпенов; и это само по себе есть художественная программа. Нет ничего удивительного в том, что в стихах, которые публиковал тогда Гжещак, описаны городские трушобы, безнадежность будничной жи-

зни. Тут, несомненно, был элемент провокации — как в стихотворении «Реквием для проститутки»: провокация имела целью обратить внимание на территорию нищеты, падения и унижения. В программе межвоенного авангарда, опыт которой использован в поэзии Гжещака, город — территория надежды и прогресса; здесь же — пространство деградации человека. То же и в прозе Гжещака, пример чего — его роман «Одиссея, Одиссея...»: действие происходит в 1956 г., накануне бунта рабочих в Познани, с которого началась польская политическая «оттепель» (книгу много лет не пропускала цензура).

Второй полюс творчества Мариана Гжещака обозначен художественным экспериментом цикла «Надсловесные стихи». Этот поэтический опыт вписывается в течение конкретной поэзии, именуемой также «визуальной» (это течение было в 60-е годы популярно на Западе, а также в Чехословакии, на что стоит обратить внимание, так как Гжещак с давних пор связан с чешской и словацкой литературой, в частности как переводчик). «В надсловесных стихах, — пишет Гжещак, — важно не само значение слова, но графическая компоновка его внешней формы. (...) Исток надсловесной поэзии, как представляется, — это недоверие к языку и, как следствие, желание преодолеть языковые барьеры, затрудняющие взаимопонимание между людьми. Приближение к изобразительному искусству и музыке, то есть искусствам, понятным вне словесного языка, должно вернуть поэзии силу и значение».

В финале опубликованной в 1980 г. поэмы «Квартал стихов» Гжещак определяет поэзию как «траву в союзе с розой». В его понимании поэзия — пространство встречи земного с возвышенным, место, где разговорная речь сливается в единое созвучие с высоким языком. Из таких программных установок выросли стихи книги «Человек поднимает тяжести» (1972): спортивные соревнования вырастают здесь в аллегорию человеческой жизни:

*Одни мчатся вслепую,
другие бегут осторожно.*

Земля — на всех одна.

Напоминание о необходимости осознать общность человеческой судьбы кажется самым важным в этом творчестве, исходящем из предположения (конечно же, утопического) о том, что именно поэзия властна создать «общую речь», язык взаимопонимания между народами.

Агата Тушинская

Перевод Ксении Старосельской

ВОЛЬДЕНБЕРГ

Przedborski Samuel. 49178/IV A, Leutnant, Hohnstein, Saksonia¹. Фамилия, регистрационный номер, воинское звание и название лагеря, куда его отправили после падения Варшавы. И дальше: Oflag² IV B — Königstein, Oflag II B — Arnswalde, Stalag II B — Hammerstein, откуда 12 сентября 1940 г. он был переведен в Oflag II C — Woldenberg. Больше ничего. Никаких других следов пребывания подпоручика Пшедборского в лагере для военнопленных офицеров (офлаг II C) в Поморье. Если не считать нескольких писем в серо-голубых конвертах с печатной надписью Kriegsgefangenenpost³, стального жетона, который называли «собачьей биркой», алюминиевой кружки и ложки — основного достояния пленного. Больше ничего. Никаких воспоминаний. Они устранены.

На первой из дошедших открыток, первом со времени ухода из Варшавы знаке, что он жив, был штемпель «Hohnstein (Saechs. Schweiz)»⁴ с датой 27 января 1940 и круглая печать «Oflag IV A». Почтовая открытка, бежевая карточка, исписанная сверху донизу, на плохом немецком языке, была адресована жене — Frau D. Przedborska, ул. Красинского, 18. Отправитель — инженер-подпоручик запаса Пшедборский Самуэль. Он отвечал на ее сумбурные письма от 27, 29 и 30 декабря.

Самые важные сведения касались неприкосновенности жилья офицеров, гарантированной законом о защите военнопленных от 1929 г. (подчеркнуто). Видимо, это Делю больше всего тревожило, он хотел ее успокоить. Они с дочкой тогда еще жили в варшавском жилищном кооперативе в районе Жolibож.

Он писал, что ни в чем не нуждается, все покупает на свое жалованье, даже сладости. «Не хочу никоим образом вас ущемлять».

«Спокойной ночи, любимая», — заканчивал он (на плохом немецком: «Gute Nacht meine Liebsten»). Никогда потом он не был так нежен. Возможно, на чужом языке у него лучше получалось. Они не виделись уже четвертый месяц.

Все еще только начиналось. Пока что, несмотря на плен, «дом» по-прежнему означал «дом», и казалось, что действуют какие-то законы. Есть на что рассчитывать.

Офлаг II C Вольденберг был построен руками польских военнопленных за зиму 1939/1940 и весну 1940 года. Как лагерь начал функционировать с мая. Согласно первым статистическим данным, в нем находилось немногим больше шести тысяч пленных, в основном офицеры, участвовавшие в сентябрьской кампании 39-го года.

В детстве и юности я вряд ли часто слышала слово Вольденберг. Мне кажется, вообще не слышала. Даже когда незадолго до смерти дедушка начал вспоминать плен, он не произносил этого названия. Будто над ним тяготело какое-то заклятье, будто оно лежало на плечах непосильным грузом. Дед говорил о немецком офлаге, и я была уверена, что войну он провел в Германии. Я даже не старалась представить себе ни это место, ни состояние духа молодого мужчины, брошенного за колючую проволоку. Ничего я не сделала для того, чтобы приблизиться к дедушке. На нем был панцирь, сквозь который я не пыталась проникнуть. А он вызывающе молчал.

Он очень переживал, что здесь, в Варшаве, куда он вернулся из лагеря, никто не считал его мучеником. Более того, кто-то из родственников сказал: «Тебе повезло, ты все пять лет просидел в комфортабельной неволе».

— Ну как они могли мне такое сказать, а, мамочка? — жаловался он своей второй, послевоенной жене. — Как они могли?

На верхней полке орехового серванта, куда никто не заглядывает, она случайно нашла деревянный грибок для штопки. Взяла бережно и про-

¹ Пшедборский Самуэль. ... Подпоручик. Хонштейн, Саксония (нем.). — *Здесь и далее прим. пер.*

² Офлаг [лагерь военнопленных-офицеров] (нем.).

³ Почта военнопленных (нем.).

⁴ Хонштейн, Саксонская Швейцария (нем.).

тянула мне с сухим комментарием: «Орудие труда Шимона в Вольденберге. Смотри не потеряй. И не забудь».

И всё.

Глядя на грибок, не скажешь, что он отслужил свое. У него светлая блестящая шляпка, он так и сверкает, будто распираемый какой-то таинственной энергией. Твердый — должно быть, из ясеня или ольхи. У липы другая фактура, и у груши тоже, они точно тают от прикосновения. Ножка откручивается, там можно прятать иголки.

Ни иголок, ни ниток я внутри не нашла. Как и других следов прошлого.

Я довольно долго держу грибок в сложенных ковшиком ладонях. Упрямый — не поддается заклиниванию. Я стараюсь вызвать место и время, когда он сопровождал моему дедушке, в ту пору молодому офицеру запаса в немецком плену.

Не хватало носков. Особенно теплых. И уж тем паче больших размеров. Носки были в цене. В одних деревяшках было не выдерживать. От бетонного пола дуло. Одеять не хватало, так что и спали в носках. Нельзя было позволить себе выбросить изношенные или рваные. Носки следовало отдать в починку. Приносили чистые и грязные, выстиранные и пропотевшие, заношенные, вонючие. Приходилось брать чужую грязь в руки, подносить к лицу — в очках для дали он плохо видел.

Он был голоден.

Ему платили за штопку. Платили деньгами и едой. Он брал и сигареты, хотя не курил, но не было ничего лучше для обмена.

Все это нужно было организовать: и грибок, и нитки — добыть, заказать; потом в посылке на имя товарища прислали специальные крепкие нитки нескольких цветов, быстрее всего расходились черные и коричневые, да иголки с большим ушком. Нелегко вдвигать нитку в иголку по 10-15 раз на дню. Глаза надо беречь. Пригодился и великодуш-

но кем-то подаренный металлический наперсток. Со временем он научился аккуратно пристраивать дырку на шляпке грибка, делал узелок, двойной, потому что у шерсти широкие петли, и начинал с правой стороны. С правого края к левому, зацепить и обратно, справа налево, чем не Тора? «Барух ата адонай», он не молился, он штопал, налево-направо, налево-направо, а потом сверху вниз, между волокон уже сотканной канвы. Бормотал что-то себе под нос. Начинал со злостью, потом сникал.

Он сидел на своих нарах — не могу решить, на верхних или на нижних, — тусклый свет, пронзительный холод, неотвязный запах гнили. Он уже не знал откуда: от немых, пропотевших, потрескавшихся, стертых ног или от сырых стен, полусгнивших матрацев, набитых соломой или обрезками бумаги. Помыться удавалось не чаще одного раза в месяц, белье не меняли никогда, блох всё прибывало.

Он штопал носки в лагере для пленных офицеров. С голодухи. Пять граммов мяса в день. Голод он переносил хуже, чем унижение.

От Вольденберга он хотел оттородиться.

Я была уверена, что для осмотра места происхождения понадобится ехать в Германию. Вот уж не думала, что грозно звучащий Вольденберг — это Добегнев, старый рыбацкий поселок на краю Дравской пущи в Поморье. Лагерь построили в километре от окраинных городских строений. Но город не похож на прежний, он много раз горел, во время войны был почти полностью разрушен. Восстановлен как жалкий образец воплощенной социалистической мечты.

Славянское название Добегнев стало для пленных конспиративным псевдонимом Вольденберга. Его употребляли как шифр, видя в этом слове обещание, скрытый смысл: добегни, добегу, мы добежим, думали они, мы дождемся конца войны.

Самуэль Пшеборский

Я остановилась перед остатками лагерных ворот спустя полвека после того, как мой дед впервые и надолго переступил эту черту, и почувствовала, что делаю что-то, чего делать не должна. Я приехала сюда, чтобы повернуть вспять ход забвения. Проникнуть в пространство, не существующее уже нигде, кроме прошлого, а в моей семье вход туда запрещен. Возможно, с прошлым еще не закончены расчеты — или было решено, что это пустое дело. Я входила в заклятый мир колючей проволоки в надежде расшифровать ее заржавелую речь.

Я никогда не сидела за проволокой, не довелось. Лагерь, раскинувшийся на площади примерно в 20 гектаров, был обнесен оградой высотой два с половиной метра из двух рядов колючей проволоки. Мотки колючки разбросали и в промежутке между рядами. Поставили восемь сторожевых вышек с пулеметами. Сделали предостерегающую надпись по-польски с ошибками: «Военнопленные — стой!» Дальше — стреляли.

Проволока обозначала границу доступного им мира, деля его на тесную неизбежность повседневности и тоскливую нереальность мечты. Подвергавшиеся цензуре письма на военной бумаге — единственная связь с домом и семьями или с тем, что от тех осталось. Их не пытали. Не заставляли работать. Их только заперли. Кормили из расчета 1400 калорий в день черным хлебом, супом из брюквы или капусты, ячменным кофе и страхом.

Они жили «за ширмой женеvских законов», как писал лагерный поэт. Под защитой статей международного права, хотя и сознавая, что в любой момент это право может перестать их защищать. Пленными из офлага II С интересовался Генрих Гиммлер. Он планировал лишить их статуса военнопленных и отправить в концлагерь. Чувство постоянной опасности не покидало их.

Они не знали, как у них закончится очередной день, очередной месяц, год, война.

Многие погибали, бросаясь на проволоку. Другие перерезали ее саперными ножницами или месяцами рыли подкопы. Все способы были хороши — лишь бы вырваться за пределы круга, внутри которого они беспомощны. Побег или смерть. Иногда разницы не было.

«В Вольденберге, — написал Мариан Брандс, — люди не погибали под сапогами эсэсовцев, как в Освенциме. Вольденбергская терапия сводила человека с ума».

Двадцать пять барakov из красного неоштукатуренного кирпича, разбросанных по обеим сторонам внутренней дороги: лагерь «Восток» и лагерь «Запад». Посередине несколько хозяйственных построек: столовая, баня, клуб. Низкие крыши из досок или цементных плит когда-то были покрыты толем. Двери в торцовых стенах распахнуты настежь, словно свидетельствуя о совершенном насилии; маленькие окошки, прежде закрывавшиеся на ночь ставнями, теперь зияют как пустые глазницы. Свинячьи глазки в руинах мифа. Деревянные сторожевые вышки — картинка из сна о немецкой мощи; обрывок готической надписи над воротами — попытка что-то рассказать о прошлом, но то побоище стерлось из памяти как побежденных, так и победителей.

После войны на территории самого большого немецкого лагеря для польских офицеров устроили образцовую откормочную свиноферму. Первым ее директором стал бывший военнопленный, майор. Сейчас наполовину разрушенные, наполовину разграбленные баракы с корытами для свиней в цементном полу кажутся издевательством над историей.

Зелень меняет облик той действительности — в первые годы на пустом песчаном клочке бесплодной земли не было ни травинки, как будто пленные и на это не имели права. За колючей проволокой раскинулся лес; туда были устремлены мечты о свободе. Дубы — они склоняли это слово: дуб красный, дуба красного, дубу красному, буки, букам, о буках, ели и пихты, пихтам и елям. Лес, леса, леший...

Они наслаждались, произнося названия из книги редких растений: розмарин, водяника черная, меч-трава обыкновенная, рябина-глоговина, ятрышник... Названия звучали как сон.

Иногда они играли в рыб: щука, лещ, плотва — кто больше помнит, — угорь, окунь, лосось-таймень, сиг, ряпушка.

Это место рассыпается в руках времени. Жизнь с ее неумолимыми законами восторжествовала над прошлым, подавила его, утопила в бурьяне. Затоптала, стерла с поверхности отвоёвывающей свои права повседневности. В Добегневе царит безработица: «И не спрашивайте, хуже всего с работой, хоть какой», «Даже красть уже нечего». Из большинства барakov, в которых

когда-то жили польские военнопленные — «цвет польской интеллигенции, уж вы поверьте», — по-выламывали оконные и дверные рамы. Когда принялись за потолочные балки, стали валиться крыши; главные въездные ворота выворотили, а кирпичи без зазрения совести растащили, словно свои, и сейчас еще тащат. Кирпич, несмотря на свиней и химикалии, еще здоров. Ферму местные вспоминают с умилением: работа была, четырнадцать тысяч свиней выращивали, чистая работа, убоем не занимались, только откорм, каждая пятая банка ветчины, экспортируемой на Запад, была из их свинины.

Нынешний бургомистр Добегнева предлагает оставить один барак — тот, в котором сейчас небольшой музей вольденбергцев, — а все остальное снести и участок использовать для хозяйственных нужд. Надо добывать деньги, надо жить; можно также срубить и продать деревья.

Кому и зачем нужна эта ничейная земля, полуразрушенный островок памяти? Это место ничему не служит, а стало быть, и толку от него никакого. О чем бы оно ни свидетельствовало: о силе человеческого духа или о мощи унижения. Я осторожно обхожу бараки, снаружи и внутри, хожу по корытам для свиней и по заросшим дорожкам для людей. Заглядываю в бывшую арестантскую и столовую. Кое-где аккуратно сложены в кучи кирпичи, готовые к вывозу.

Я хожу, чтобы запомнить. Первые деревья, березы и ясени, посадили на этой территории весной 1941 года. Тополя, вероятно, гораздо позже, хотя они сильно вытянулись и разрослись. Отыскиваю барак под номером 12-а. Это его барак. Ничем особенным не отличающийся от других. Пустой, он даже кажется просторным. У входа был сортир, которым разрешалось пользоваться только ночью. Дальше — жилое помещение, то есть нары. Трехэтажные нары, подмости, уставленные тесными рядами. От ста до ста пятидесяти человек с одной стороны, рота. Полбарака — рота. И отделенная умывальниками другая рота с другой стороны. Восемь рот составляли батальон.

Я стараюсь измерить барак, я знаю, что уж он-то со своей упрямой педантичностью наверняка это сделал. 60 метров на 10. То есть около трехсот человек размещалось на площади в 600 квадратных метров. Плюс их пожитки: чемоданы

и узлы, рюкзаки и коробки, — плюс какие-то лавки и столы у стены напротив нар. И одна кафельная печь. По два квадратных метра на человека, не считая имущества. Тут, собственно, измеряя не измеряй — невозможно было пройти, не задев соседа. А еще густое облако табачного дыма. Постоянный гомон. Постоянное присутствие других. Они ни на минуту не оставались наедине с собой. Даже ночью. Даже во сне.

Выхожу с облегчением.

До Вольденберга он побывал поочередно в трех лагерях: в Хонштейне, Кенигштейне и Арнсвальде. В результате регистрации были выявлены польские пленные, на которых распространялось действие нюрнбергских расовых законов, и его вместе с другими офицерами еврейского происхождения перевели в пересыльный лагерь — шталаг II в Хаммерштейне (Чарне), откуда — по словам немцев — их всех должны были отпустить. На самом деле уже готовили эшелоны для их отправки в гетто на территории Польши или в концлагерь. По неизвестной причине в последний момент гитлеровцы отказались от этого намерения. Через несколько месяцев пленных отослали в «родные» лагеря или, как его, в Вольденберг. В сентябре 1940 г. в офлаг II С прибыла группа из 86 военнопленных — польских офицеров еврейского происхождения. Их всех поместили в барак 12-а, с тех пор в лагерном обиходе получивший название «еврейского барака». Переходить в другие бараки евреям запретили.

У него в роду евреи были до третьего поколения вспять и дальше. Кажется, его сразу отправили в барак 12-а.

Настроение после падения Франции подавленное. Утрачена надежда на скорое окончание войны. Вести из родных мест с каждым днем все печальнее. Отчаяние. Первые случаи самоубийств и потери рассудка. И тогда возникла идея создать театр. У них не могло быть иллюзий, что война быстро закончится. Не могло быть иллюзий и у него. Он должен был понимать — как понимали другие, — что это надолго, что надо пытаться как-то здесь устроиться. Соорудить какую-то структуру, внутри которой удастся выжить. Сделать что-нибудь, что поможет выжить. Импровизировать, не позволить самим себе смириться с безвыходностью положения. Они были относительно молоды и всё еще сильны.

Из шести-семи тысяч пленных 90% составляли младшие офицеры, в том числе больше половины — подпоручики. По преимуществу офицеры запаса — учителя, научные работники, инженеры, литераторы, политики, актеры. Был в офлаге II С один генерал и триста старших офицеров. Были университетские профессора, бывший премьер-министр Речи Посполитой, крупные землевладельцы и малоземельные крестьяне. Средний возраст — 37 лет, это, в частности, означало, что 70% пленных не достигли и сорока. Они по-прежнему были здоровы и энергичны. Сознание того, что неволя затягивается на годы, подталкивало к действию.

Самым безопасным было лежать на своих нарах. Тут ели и писали, читали книги, разговаривали, шили. Времени было много. Слишком много. Неизмеримые океаны времени.

Не сменявшиеся месяцами матрасы, набитые соломой или стружками, гнили. Размножались клопы и блохи. Со временем каждый обзавелся двумя одеялами. Чем-нибудь под голову. Постельного белья не было. Некоторым присылали из дома подушки и ватные одеяла. Тумбочки, вешалки, табуретки делали своими руками из украденных у немцев материалов. Всем постоянно не хватало места. Плохо было со светом. Вечный полумрак, хотя чуть ли не полдня в бараке горели шесть лампочек по 25 ватт. Все чаще устраивались спиритические сеансы.

Было холодно. Ему было холодно. Донимали паразиты. Не только блохи, бурые блохи, но и клопы. Дезинфекция не помогала. От креозола в качестве убойного средства толку было мало. Дезинфекцию называли блошиным праздником. Он не мог смириться с тем, что они побеждены. Сознание этого было столь же невыносимо, как голод, как неуверенность в завтрашнем дне: что будет дальше — с ними здесь и с семьей там.

Он все это загнал внутрь. Насекомых и голод, отсутствие воды в кранах, затхлые матрасы, плесень. Запах гнили. Голод. Мучительный голод первых двух лет.

Он ждал посылок и боялся их получать. Боялся, что не дойдут, что макароны раскрошатся, что не будет ничего сладкого, да и откуда ему взяться, после начала войны жена с дочкой скорее всего сами в глаза не видели шоколада. Посылки получали другие — другие получали по-

сылки с сахаром и колбасой, с мясными консервами и сухофруктами. Он долго ждал, а потом стал просить. Просил тоже долго, лишь позже, много позже начали приходить дары из Америки. Главными в этих посылках были маргарин и растворимый кофе, вскоре сделавшийся самой ценной лагерной валютой.

Пленные объединялись в группы. Одно время он входил в такую группу, но там ему было еще хуже, еду делили несправедливо. И он ушел.

Норма составляла две посылки в месяц, на них надо было получить разрешение, так называемую наклейку. Только посылка с наклейкой доходила до адресата. Остальные распределяли между всеми.

Иногда доставку посылок приостанавливали, продукты портились, протухали. Этого он тоже боялся. Зря пропадало то, что они там, в далекой Варшаве, отрывали от себя. Фасоль приходила вперемешку с сахарным песком, табак — с крупой, спутанные нитки с катушек — с поломанными макаронами.

Посреди каждого барака стояла печка. На ней готовили еду из того, что получали в посылках. Еще пользовались так называемыми вертушками — особыми плитками, изобретенными лагерными умельцами. Вольденбергская вертушка состояла из работающей на коксе горелки и хитроумного воздуходувного механизма из фанеры, жести и старых шнурков. На ней варили кофе, разогревали суп, готовили шпинат из лебеды и варили ячневую кашу. Поистине спасительное изобретение: благодаря ему пленные в том, что касалось пропитания, перестали зависеть от немцев. Нельзя было себе представить лагерное существование без плитки.

Его раздражал запах чужой еды.

Лагерный склад пополнял свои запасы форменной одежды по мере захвата Гитлером новых стран. Это стало наглядным доказательством мощи вермахта. Не знаю, во что переделали подпоручика Пшедборского. На нем могла быть темно-зеленая куртка лыжника из специальных подразделений норвежской армии или синий мундир датского полицейского, но на тех мундирах были красные воротники. Самыми безопасными выглядели серовато-желтые куртки голландских таможенников. Роскошные тренчи бельгийской королевской гвардии годились для парада. Немного позже при-

везли мундиры французской армии. Целая гамма расцветок: серо-голубая форма из-под Вердена и оливковая, в которой капитулировал Париж.

Одежду подбирали по размеру, найти подходящий было нелегко, особенно крупным и высоким. Переодевшись, пестрая толпа разбрелась по лагерю. Цирк, да и только. Сперва офицеры, глядя друг на друга, хохотали, потом просто перестали обращать внимание. Главное, что им стало теплее. И лишь иногда, когда кто-нибудь возвращался в барак, например после долгого пребывания в лазарете, он в изумлении застыл на пороге при виде призраков, будто сошедших с фантастических «Капричос» Гойи (по определению Мариана Брандыса). Первое впечатление сохранялось не дольше минуты — быстро смазывалось и гасло. В толпе, в тусклом свете лампочек мощностью 25 ватт и клубах дыма.

Первое посещение офлага Вольденберг II С делегацией Международного Красного Креста из Женевы состоялось 23 октября 1941 года. Согласно последовавшему отчету, лагерь являл собой зрелище «очень приятное»; «особенно чистыми и содержащимися в порядке» показались бараки. Одежды хватало, срочно требовались одеяла. Душем пользуются около 200 человек в день.

Лагерь разделен на два сектора: восточный и западный. В каждом из этих секторов собственная библиотека, состоящая из пяти тысяч томов, — отдельно беллетристика, отдельно научные книги. Большая часть книг на польском языке, немного на английском, французском, русском. Прекрасно организованный университет, специальные лекционные помещения. Многие пленные занимаются театром.

Было записано, что нужны мячи для игры в футбол и волейбол. Итоговый вывод: вольденбергский лагерь «не представляет собой ничего особенного». Его называли «средним»; моральный уровень польских военнопленных получил высокую оценку.

Он лежал. Много лежал. Так ему было легче. Так он старался отгородиться от остальных. Так демонстрировал свое неприятие той действительности. Несогласие с тем, что он военнопленный, но не такой, как другие, — худшего сорта. Он это ощущал с самого начала и ощущал болезненно. Он заново выучил слово «дискриминация», смаковал его звучание и смысл. Еще и еще; горечь во рту.

Разве он присягал не так, как другие? В чем его особенность?

Текст присяги для разных вероисповеданий был соответственно изменен.

Все, кроме атеистов, начинали одинаково: «Клянусь Господом Богом...» И только потом начинались различия. Христиане говорили: «Господом Богом в Троице Единосущным...» Иудеи ограничивались «Всемогущим Богом», мусульмане называли своего Бога «Единственным». Но дальше — дальше все хотели одного и того же: «верно служить отчизне моей, Речи Посполитой Польской» — повторял он тогда и теперь повторял опять: отчизне... польской... «беречь как зеницу ока воинское знамя, не уронить чести польского солдата, подчиняться закону и Начальнику Государства, неукоснительно выполнять приказы командиров, хранить военные тайны, до последнего вздоха бороться за дело моего отечества и вообще поступать так, чтобы я мог жить и умереть как достойный польский воин».

Иногда до войны он ради бабушки по праздникам ходил в синагогу — у самого такой потребности никогда не возникало. Отец ходил тоже исключительно ради тещи, а мать — мать жила в согласии с Богом. Ее Бог не страдал на кресте, так уж получилось, они — ветви другого дерева, но другого ли? Его бабушка Саломея, в девичестве Герман, утверждала, что они из рода когенов, священнослужителей. Иногда он боялся Бога. Иногда молился за мать, беспокоился о ее здоровье, просыпался ночью от страха, что она может умереть, может его покинуть.

Где сейчас мать? Сейчас, когда он лежит тут и гниет, лежит и думает, где она? Последний адрес, который она сообщила: улица Лешно, в еврейском районе. Евреи в Варшаве все в одном месте, она приехала к родным, живут в одной квартире. Рядом другие евреи, соседи. Когда они вместе, ничего плохого с ними не может случиться. Немцы дали миру Моцарта и Генделя. Деля учит детей, как в Ленчице, они вместе ужинают. Мать расчесывает свои длинные волосы. На ночь заплетает в косу, а утром, как всегда, укладывает валиком или собирает в пучок. Но они там живут взаперти, каково это: жить взаперти вместе с куском города, с улицами, магазинами, дворами, с кондитерскими и сапожными мастерскими? Где проходит стена — посреди улицы, вдоль домов, из чего она, из кирпича? Стена для евреев, от евреев. Стена.

Будучи призван на третьем этапе мобилизации в сентябре 1939 г. в звании подпоручика, писал Самуэль Пшедборский в послевоенных армейских бумагах, я участвовал в военной кампании в качестве заместителя командира отряда противовоздушной обороны в Праге [правобережное предместье Варшавы] в составе 36-го пехотного полка Академического легиона. После падения Варшавы был взят немцами в плен.

Среди 500 тысяч польских военнослужащих, взятых в плен в сентябре 39-го, 10% составляли солдаты и офицеры с еврейскими корнями.

Выделение национальных групп среди солдат одной армии с целью особого с ними обращения противоречило 4-й статье Женевской конвенции. Тем не менее немцы всю войну это делали. Происхождение лагерных еврейских гетто не установлено.

Я вижу, как он лежит. Тяжелый, неподвижный, огромный. Черные волосы коротко острижены, можно разглядеть бугры на черепе; иногда, переворачиваясь на другой бок, он показывает темное, заросшее трехдневной щетиной лицо. Бриться каждый день было необязательно. Как и мыться. Такой, как он, мог внушать страх. Я помню его похожим на тогдашнего почти полвека спустя, в полосатой пижаме, — он тоже так лежал, тоже так молчал.

Грязные деревянные башмаки стояли на кирпичном полу. Ботинок у них не было, только эти голландские сабо, не слишком удобные, зато незаменимые в борьбе с холодом и грязью. Пол кирпичный, пол бетонный. Он путается, где был какой. По акустическому кирпичу дерево стучало не так, как по глухому бетону. Утром все звуки он слышал отчетливее.

Летом их будили в 5.30, зимой на час позже. Удавалось приходиться на поверку не совсем проснувшись и потом возвращаться на нары к недоконченным мечтам. Обычная поверка продолжалась недолго, проверяли только численный состав пленных. Во время так называемой номерной поверки производилась также проверка личности по стальному опознавательному жетону. Ежедневно зачитывались приказы и распоряжения немецких властей. Иногда, изредка, они вызывали смех. Та-

кие запоминались. Например, запрет «загорать нагишом» или «охотиться на дикого зверя». В легенду вошла цветистая речь одного из первых комендантов лагеря, майора фон Путткамера. С высоты лошади он долго и витиевато ораторствовал, демонстрируя свое классическое образование. В изложении немецкого переводчика начало речи звучало так: «Если польские пленные будут хорошо себя вести, господин генерала будет делала им на руку».

Недостатка во времени они не испытывали. Надо было убить четыре часа до обеда и примерно столько же после. А вот витаминов и лезвий, бумаги и сапожной мази не хватало.

Он лежал на нарах. Или штопал. Первые годы штопал. Другие пленные ходили на лекции, читали книги, играли в карты или шахматы, готовили артистические программы, занимались в спортклубе, писали письма, вырезали что-то из бараньих рогов, играли на аккордеоне, пололи грядки, активно общались, что бы это ни означало.

Он восхищался теми, кто читал. В его распоряжении было уже больше двадцати тысяч библиотечных книг, и их все прибывало. И время было. Он не мог заставить себя читать.

Дым. Только в одном бараке не курили. По общему мнению, воздух там был отвратительный, а пребывание в этом бараке недостойно настоящего мужчины. Он научился жить с дымом.

Зимой бараки закрывали в 17.30, летом чуть позже. Только два раза в год, на Рождество и в Новый Год, можно было оставаться снаружи до вечера. После того как запирали дверь, барачная жизнь продолжалась. Тогда-то и можно было узнать, что происходит на свете. Читали выпускаемую пленными лагерную многотиражку и подпольную газету. Старались читать — при тусклом свете это было почти невозможно. Разговаривали, рассказывали. Слова, слова, без конца и края.

Поручик Б. из кавалерийского барака украл с полки товарища порцию маргарина в двадцать граммов. И съел. Офицерский суд чести исключил его из офицерского корпуса. После третьей апелляции и третьего приговора он бритвой перерезал себе горло. Его похоронили с почестями.

В бараке 15-а, где жили офицеры аристократического происхождения, готовились к рождественскому приему: приглашения на французском

языке, обязательное условие вести беседу по-французски. Тщательно соблюдались ритуалы, принятые в ланцутских резиденциях магнатов⁵.

В другом батальоне организовали пункт продажи кипятка для кофе и чая.

В очередной раз был конфискован нелегальный самогонный аппарат на территории лагеря. Цена за литр скверной водки подскочила до ста марок. Сивуху гнали из сахара, но пробовали и из пайкового немецкого мармелада.

В их бараке был подпоручик Стефан Асканас, обладатель неистощимой фантазии. Одной из его осуществленных идей стала частная купальня. За две лагермарки можно было помыться в любой час пополудни, в любой день за исключением праздников. От охотников за плату таскать воду из колодца не было отбоя. С дровами или брикетами дело обстояло сложнее. Но ведь умудрялись добывать и более редкостные вещи.

Он не умел ничего добывать, да и не хотел. Ему вообще мало чего хотелось, и он со всем смирился. За одним исключением: он не мог смириться с тем, что ему указали на его расовую принадлежность и поместили в барак, помеченный — пусть и метафорически — звездой Давида. Он чувствовал себя заклеянным.

Он отгородился от всех, хотя до войны, вероятно, охотно бы поддерживал дружеские отношения со многими соседями по нарам в бараке 12-а.

Большинство там составляли ассимилированные интеллигенты, выходцы из семей неофитов, которым Гитлер напомнил об их происхождении. На протяжении нескольких поколений они считали себя поляками, глубоко вращались в польскую культуру. И демонстрировали как свои либеральные общественные взгляды, так и свою связь с Польшей и даже католической Церковью.

Подпоручик Людвик Натансон был физиком. Натансоны продолжали считать еврейской аристократией, хотя они уже не в одном поколении были крещеными. Лютек Кон был членом II Интернационала; Штейн, психиатр, изучал Спинозу

и Канта; философ Вальфиш — эстетику. С несколькими инженерами он был знаком по Политехническому институту. С несколькими юристами и экономистами сталкивался при различных обстоятельствах в Варшаве.

А рядом с ними... Туда же, под ту же самую вывеску, на соседние нары загнали местечковых евреев, прочно связанных с религиозными традициями и языком предков, до сих пор считающих себя изгнанниками, а свое пребывание в Польше — рассеянием. Одним из этапов пути. До войны они жили в кошерном мире заповедей Моисея. Это их синагоги горели в Европе. От них несло чесноком — даже он так их воспринимал.

Общими у них были только прапрапрабабушки.

Что объединяло его с лавочником из родной Ленчицы или водовозом? Что у них было общего? Кое-что было — прошлое. Он не хотел там его касаться, не с ним ему хотелось себя отождествлять. На это он никак не мог согласиться. В чем, по-видимому, был не одинок — многие, вероятно, без конца анализировали этот внутренний конфликт.

Каждую пятницу умывальня в их бараке превращалась в еврейский молитвенный дом. Откуда такое упорство и сила у его соплеменников? Зная ситуацию в оккупированной Европе, следовало бы оценивать это в категориях чуда, однако у него это вызывало скорее удивление. И протест. Окна тщательно занавешивали одеялами, к одному прикрепляли звезду Сиона, зажигали свечи. Раскачивались, утапывая бетонный пол. Подпоручик Натан Циранк выступал в роли кантора. К Богу взывали, читая древнееврейские молитвы. По случаю религиозных праздников, кажется, раздобывали что-то подобное талесам — молитвенным покрывалам. Товарищи караулили, не приближается ли охрана.

В этой же самой умывальне по будням молились члены католического братства Розария, обитатели того же барака.

Их выделили из числа тех, кто служил в польской армии, на основании нюрнбергских законов, но между собой у них было мало общего. Они отличались друг от друга мировоззрением и социальным положением. Отличались религией и на-

⁵ Имеется в виду знаменитый памятник старины — замок в Ланцуте (ныне музей), принадлежавший многим поколениям высшей польской аристократии.

циональностью. Адвокатскую контору и салон объединили со штетлом⁶. Ни одно из сообществ военнопленных не было столь разнородным.

Он редко вступал в разговоры. Часто прислушивался, что говорят вокруг. Сами о себе, для себя, иногда не только для себя. Приходили поболтать товарищи из других барачков. Многие по заказу рассказывали о путешествиях, о звездах, о философии. Ему запомнился радиокомментатор, который постоянно импровизировал репортажи со спортивных состязаний и олимпиад. К числу его любимых принадлежал репортаж о соревнованиях по бегу на 10 000 метров в Лос-Анджелесе в 1932 г., где победу одержал Януш Кусоцинский.

Он слушал разговоры о характерном для евреев, для нас — евреев, стремлении уподобиться окружающим, слиться с обществом, в котором довелось жить. В серьезной дискуссии он бы назвал это способностью к ассимиляции. Он считал, что нужно стирать, а не подчеркивать различия, невыносимо шумно их афишируя. Истории на эту тему его забавляли. Например, рассказ о международной встрече, на которой польский еврей поспорил о чем-то с венгерским евреем, и спор завершился дуэлью. О прощальном банкете на том же съезде, когда российский еврей из Одессы в неутешной скорби своей швырнул бутылку шампанского в зеркало в шикарной золотой раме. Как гусар.

О польских евреях говорили, что они «ополячились», подобно зайцам-белякам, некогда привезенным из Сибири в леса под Ловичем, чтобы на них мог охотиться российский губернатор. Спустя какое-то время зайцы посерели, навсегда утратили белизну. Должен ли он в своем желании быть поляком перечеркнуть семейную генеалогию? Хочет ли любой ценой стать таким, как другие?

Он был категорически против еврейского национализма. Против товарищей, которые смели утверждать, будто коммунизм — больший враг евреев, чем фашизм, ибо «фашизм объединяет евреев, а коммунизм заставляет их утратить национальный облик». Таких он терпеть не мог. Он не чувствовал себя ни сионистом, ни еврейским патриотом.

Он ни к какой категории не принадлежал. От религии отцов отказался сам, в принадлежности к полякам ему отказывали. Вероятно, он ошибался, полагая, что имеет полное право считать себя поляком. Он закончил Училище подхорунжих резерва пехоты в Замброве. Проходил службу в Станиславе и Кутно. Готов был защищать отечество и выступил на его защиту. Если он чем-то и хвастался, то своей польскостью, а не Книгой Есфири и не постом в Йом-Кипур.

Большинство обитателей барака 12-а демонстрировали свою польскость — демонстрировали активно, наглядно, что в свою очередь вызывало протест лагерных правых.

Он обходил стороной барак под номером 15-а — барак для избранных. Ему казалось, что в глазах этих кавалеристов и ротмистров, Сапег и Потворских, Четвертинских и Мыцельских он навсегда останется голодранцем-евреем. Они давали ему это почувствовать. Размахивая руками, передразнивали манеру говорить и акцент его товарищей. Повторяли, что евреи умеют устраиваться. И почему-то всегда они левые. В обществе флотских офицеров было не лучше. Эти смотрели на них сверху вниз, с высоты недостижимых сокровищ из своих посылок: заботливые коллеги из Англии присылали им мундиры и табак. За месяц они получали столько, сколько иные за год. От чего становились еще надменнее. Делались попытки распределить содержимое их посылок по другим барачкам, но они обращались с жалобами к высшим польским лагерным властям.

Нет, он не чувствовал, что они ровня. С самого начала не чувствовал. Хотя их точно так же кусали блохи, хотя они могли точно так же бегать, заниматься, писать письма и времени им было отведено столько же. Они смотрели одни и те же представления и спортивные игры, стояли рядом на перекличках и выслушивали одни и те же приказы.

В какой-то момент поползли слухи о том, что барак 12-а собираются обнести проволочным ограждением. Староста лагеря решительно этому воспротивился: идея так никогда и не осуществилась. И очередные слухи о намерении вывезти из лагеря офицеров еврейского происхождения он всякий раз пресекал.

⁶ Штетл — местечко (*идиш*).

Польское руководство лагеря твердо стояло на том, что все военнопленные без исключения — офицеры Польской армии. Уравнять барак 12-а с остальными пытались путем подселения туда поляков. Функции старосты исполняли попеременно офицер еврейского происхождения, кавалер ордена «Виртути Милитари», и чистокровный поляк, известный фехтовальщик.

Барак тот вызывал особый интерес у немецких должностных лиц, которые ходили туда «как в зоопарк».

Он слышал лозунги правых, призывающих к бойкоту их барака. Старался не смотреть им в глаза. Иногда неприязнь других он ощущал физически. От нее оставались саднящие раны. Одного подпоручика, члена лагерной Национал-радикальной партии, поймали на том, что он собирался бросить в почтовый ящик донос в *Abwehrabteilung*⁷ на товарища, скрывавшего от немцев свое еврейское происхождение. Суд чести не счел этого достаточным основанием для исключения виновного из офицерского корпуса.

Он не мог с пониманием отнестись к тому, что несколько евреев скрываются в польских бараках. Как не мог брать еду из посылок, которой с ним делились. Да, поляки поддерживали их, выступая против несправедливого распределения общественных посылок. Да, в большинстве своем они были на их стороне и относились к ним по-товарищески, не делая никаких различий. Но ведь что-то его мучило, что-то не давало покоя. Он чувствовал, что немцы позволяют дискриминировать еврейских пленных, и ни в ком не находил поддержки.

Дома он играл на скрипке. Кажется, у него был талант, только терпения не хватало. Скрипку он привез с собой в Варшаву, когда приехал учиться в Политехнический. И оставил, отправившись на войну, в своей комнате на втором этаже. Мне так хотелось найти хоть какое-нибудь упоминание о том, что в лагере он играл. О музыке, которую он обожал, и о скрипке. Не нашла. А ведь у него там было столько возможностей: два симфонических оркестра, один камерный.

Быть может, он пытался, но не мог сосредоточиться, не мог себя заставить. А возможно, уже тогда на всем поставил крест. Не хотел ни читать, ни учиться, не хотел заучивать слова, чертить проекты жилищного кооператива. Возможно, пытался. Может быть, не получалось? Может быть, у него потели ладони и дрожали веки? Или сильно колотилось сердце, и он вынужден был прилечь на минуту? Может, так началось это его лежание. Типичные симптомы болезни колючей проволоки.

Но на что-то еще он ведь был способен? Можно ведь было участвовать в чем-то, что делают сообща, и благодаря этому сблизиться с другими, почувствовать себя в большей безопасности?

Он мог, например, играть в карты. Он любил бридж. Были такие, что целых пять лет только и делали, что объявляли четыре пики без козырей. Он мог играть в шахматы. Мог читать лекции о строительстве дорог и мостов: конструирование, статистика; у него был практический опыт прораба. Он мог, наконец, учиться. Чего он ждал?

А он повернулся лицом к стене. И так жил. Спинной к миру. Тем самым объявив недействительным все вокруг. Отрицая существование. Такая у него была цель.

Стены покрылись плесенью.

На второй год пленным разрешили разбить огороды. Вот они, рядом. Не думаю, чтобы он возился на грядке, но, возможно, ходил туда — отдохнуть и посмотреть, как растут эти необычные растения, помидоры или редиска, которые не только казались попавшими сюда из иного мира, но еще и годились в пищу. В такие минуты с его лица исчезало выражение напряженной настороженности. Он по-другому дышал, глядя на молодые листочки. Ожидание утрачивало остроту.

Им разрешалось отправлять две открытки и одно письмо в месяц. Он выполнял норму, но о большем не просил. Наверно, не сумел бы написать больше. В письмах он уделяет много внимания финансовым вопросам. Согласно Женевской конвенции, офицеры в офлаге II С получали жалованье. Подобно большинству пленных, он предназначал его для отправки родным. Как подпоручику, ему полагалось 72 лагермарки в месяц, поручики получали на 12 марок больше.

⁷ Отдел контрразведки (нем.).

В Генерал-губернаторство⁸ пересылали злотые: одна марка была эквивалентна двум злотых. Он просил подтверждать получение денег.

Корреспонденция подвергалась цензуре. Пленных предупреждали, чтобы в письмах не было никаких намеков и неясностей. Возможно, отсюда их однообразие, информативный и утешительный характер. Разумеется, все старались передавать зашифрованные новости. Мариан Брандыс, едва попав в плен, получил от брата письмо с известием о том, что в Варшаву в самом скором времени придут тетя Аня и тетя Франия — читай: «Польша будет освобождена Англией и Францией». Цензор на полях письма прокомментировал: «тетя Аня и тетя Франия получают по ж... — так же, как тетя Поля».

Писем он получал не много. Еще меньше по внутренней почте, которую довольно быстро организовали в лагере. Об этом он немного жалел. Лагерные художники, давая волю воображению, с недюжинной изобретательностью проектировали марки. Из барака в барак курсировали специально нарисованные открытки с изготовленными методом ксилографии яркими марками; их были целые серии: листья возрождающегося дуба и Николай Коперник, гетманы и Конституция 3 мая, праздник моря и разнообразные виды спорта.

Со временем барак 12-а установил широкие контакты с внешним миром. Из этого барака, в частности, в швейцарский Красный Крест пришло известие об убийстве двух и ранении полтора десятков офицеров — так немцы ответили на разгром под Сталинградом. Для шифровки информации использовали символику Ветхого завета и еврейских притч.

В конце войны жене захотелось сообщить мужу, что в небе над Варшавой появились советские самолеты. Она написала: «Над Варшавой летают ласточки и... рычат. Думаю, тебе понятно, о чем речь». После слова «рычат» цензор приписал: «И мне тоже».

Чтобы учиться, нужна была ясная голова.

Вначале ему было трудно, но потом... потом он, вероятно, уже стал читать, учиться, зазубри-

вать слова, делать проекты и обсуждать их с коллегами по профессии. Разве мог такой практичный человек, как он, попусту тратить время, позволять ему течь беспорядочно, без толку. Бессмысленно. В лагере была большая библиотека, которую немцы забрали у Рыдз-Смиглого⁹, немецкие издательства поставляли книги и языковые самоучители. Пленные офицеры изучали арабский язык и астрономию, историю философии и экономику. Некоторые взялись за учебу с пылом, со страстью. Они не хотели сдаваться, хотели противостоять бесплодному течению времени. Из толпы статистов они превращались в ведущих актеров — сценой служили разнообразные курсы и научные кружки. Анархия самообразования расцвела пышным цветом. Но вскоре был наведен строгий порядок и создан настоящий, превосходный университет.

Они убегали в диковинные миры. Один переводил стихами древнеиндийскую «Рамаяну» и сам ее иллюстрировал. Говорили, что ничего более красивого в лагере не видели.

Они убегали в мир чужих слов и иностранных словарей. Изучали язык Шекспира и Виктора Гюго — а также Софокла и Овидия.

Убегали, куда ближе или легче было убежать.

Я отправляюсь на прогулку вдоль колючей проволоки. Отведенная пленным, то есть без построек для немцев, часть лагеря — почти правильный квадрат с периметром около 1700 м. Примерно столько составлял дневной прогулочный маршрут; самые выносливые и нуждающиеся в движении на воздухе проходили его по несколько раз. Вдоль проволоки, которой обнесена вся территория, — один круг. Непременный ритуал перед вечерней поверкой, перед самым закрытием бараков. Тысяча семьсот метров. Называлось это: «сделать кружок». Двигались всегда против часовой стрелки. Километр семьсот метров, неполных два километра. Сколько они прошагали так за пять лет без трех месяцев? Тысяча восемьсот дней, каждый день в среднем километр с лишним, иногда меньше, иногда больше. В сумме около двух ты-

⁸ В период гитлеровской оккупации Польша была разделена на «исконно немецкие земли», включенные в состав Третьего Рейха, и так называемое Генерал-губернаторство, куда входили остальные оккупированные территории.

⁹ Эдвард Рыдз-Смиглый (1886-1941) — политик, соратник Ю.Пилсудского, с 1936 г. маршал, в период оборонительной войны 1939 г. верховный главнокомандующий.

сяч километров. Две тысячи километров — это как семнадцать раз пройти от Варшавы до Лодзи или шесть раз — до Кракова.

Занявшись подсчетами, я сразу начинаю волноваться. Перед глазами встают все те сцены, когда дедушка пытался растолковать мне задание по математике. Эта задача еще сравнительно простая, хуже, если несколько человек выходят из пункта А и с разной скоростью направляются в пункт Б. Например, он вышел из барака 12-а в четыре часа пополудни и отправился в театральный зал на представление «Мести» Фредро... ага, шел он со скоростью «икс». Спешить не было нужды, он всегда выходил заранее. Да и двигался быстро, размашистым шагом, будто отмеряемым каким-то прибором внутри. Его товарищ Данек еще играл в карты, хотел отыгаться и потому вышел из барака на пятнадцать минут позже. С какой скоростью Данеку следовало бежать, чтобы успеть на спектакль к пяти часам? Уф-ф.

Примеры можно множить. «Месть» в лагере сыграли 34 раза, за один раз представление могли посмотреть столько-то зрителей. Некоторые приходили не раз и не два. Сколько... и т.д.

Я брожу среди остатков проволоки, остатков хлебов, остатков кирпичных стен. По следам, оставшимся в ненадежной памяти. Ищу калитки и проходы, заборы и внутренние ограждения, преграды, которые им приходилось преодолевать и которые я стараюсь преодолеть теперь, чтобы добраться до них, тогдашних.

Мир стер старые следы. Мне холодно. Я иду дальше, потому что знаю: нужно, чтобы здесь мне было холодно.

Я все думаю, почему он не писал. А почему он должен был писать? Спустя годы я пытаюсь заразить его своей манией все записывать. Только записанное существует. Но не в этом он искал утешения, не отсюда ждал спасения. Он боялся писать, запечатленные на бумаге слова могли его выдать. Он замкнулся в себе. Стер следы. Он первый. Моя мать, его дочь, унаследовала это от него — возможно, это глубже всего в ней укоренилось. Захлопнуть дверь в прошлое. Забить наглухо.

Я дошла до караульной. Он не часто пересекал линию ворот. Музей располагается на территории,

примыкающей к лагерю, в одном из жилых строений, предназначенных для немцев. Рядом до сих пор стоит бывшее казино. Дубовый пол сохранился.

Однажды кто-то из пленных собрал все фотографии детей, какие у кого были. Любительские, часто истрепанные снимки сыновей и дочек. Много — может быть, двести, а может, триста. Только дети. Развесил фото на стенах в каком-то из помещений, тесно, одно за другим. Головки и лица; маленькие фигурки на коленях у взрослых или стоящие прямо рядом; на велосипедах и в колясках; в чепчиках, беретах, шапочках. Он потом долго ночью не спал. Из темноты выступали эти мордашки, смеющиеся и задумчивые, глаза, сотни пар глаз... сколько из них живы, скольким удалось уцелеть. Эти фотографии они захватили с собой, выходя из дома, получали в посылках и письмах, держали в сундучках и тумбочках, прикалывали булавками к нарам. Семь тысяч мужчин, небольшой город, тысячи детей, играющих в мяч, в прятки, обучающихся читать и писать, внимательно слушающих письма из Вольденберга, которые матери или старшие братья и сестры перечитывали им по несколько раз, чтобы лучше поняли. Они убежали с этой выставки. Кто-то плакал, кто-то молчал. Есть ли у них еще дети? Что осталось от любви сына или дочки к папе, который отсутствует год, два, три года? Папа в плену, папа вернется. Папа? Мой папуля?

Моя мама не видела его пять лет. Когда он вышел из квартиры на улице Красинского, ей было восемь, когда приехал за ней в школьный лагерь в Вильге — четырнадцать, и она уже носила лифчик. Ей не хотелось идти с этим черным великаном, который называл себя ее отцом. К нему не подходило знакомое слово «папа». И так уж и осталось.

В лагерях были радиоприемники. Выпускались листовки, подпольная газета. Что было известно о положении евреев? Доходила ли информация о гетто, акциях по уничтожению, эшелонах в Треблинку и Бельжец, Хелмно и Освенцим? Сами пленные-евреи постоянно ощущали опасность, их могли в любой момент увести из лагеря и уничтожить. Я должна знать, должна узнать, что они знали, много ли знали, как воспринимали известия, приходившие извне. Бессилие — вот что, наверно, было хуже всего остального. Это все рав-

но, что стоять за стеной и смотреть на горящее гетто — гетто, где остались наши. Этот апрель, эта весна, этот 1943 год — что они о нем знали? Страстная неделя варшавского гетто¹⁰. Евреев Варшавы.

В начале апреля они получили от Красного Креста немного сахара, чая, по 70 сигарет и по одной посылке на барак. 10 апреля было пасмурно, моросил дождь. Вода в кранах была. Кто-то приготовил на плитке лакомство — блинчики с творогом. Удались на славу. На дневные переключки стали собирать сигналом рожка. 11 апреля. Облачно, но тепло и сухо. 15 апреля немецкая пресса продолжает кричать о зверствах большевиков, уничтоживших польских офицеров в Катыни, обнародовано количество убитых — четыре тысячи. По лагерю поползли слухи, будто это преступление совершено евреями. Немецкие подводные лодки потопили 21 корабль союзников. 18 апреля, в Вербное воскресенье, в 9.30 месса. Весна установилась, хлеба и травы красиво зазеленели, на деревьях распустились листочки. Огородники вскопали грядки и теперь ждали семян редиски, моркови и прочего. Собирали конский навоз. Два тяжеловоза мекленбургской породы, запряженные в фургон, каждое утро приезжали за мусором. 22 апреля пленным раздали по немножку халвы, какао и молока из даров Красного Креста. Дежурные с ног сбились, пока все не разделили. 23 апреля зацвели сады. 24-го посещали Гроб Господень¹¹, пополудни носили святить сухари и соль.

На четвертый год плена они стали получать посылки из Канады, английские сигареты, превосходный чай из Тель-Авива, из Каира — рис, незаменимый при желудочных заболеваниях, из Турции — изюм, шоколад, из Венесуэлы — какао. И блокноты, с которыми до тех пор дело обстояло плохо. В то лето много времени проводили на солнце. Загорали, участвовали в легкоатлетических соревнованиях. Рекорд лагеря по прыжкам в высоту составил 165 см. Сильные ветры выбили стекла в окнах барakov. Во время проливных дождей вода затекала внутрь. Скрипачи

¹⁰19 апреля 1943 г. в варшавском гетто началось восстание, продолжавшееся до середины июля.

¹¹ Посещение Гроба Господня в Страстную субботу у католиков аналогично выносу Плащаницы в Страстную пятницу у православных.

играли каприсы Паганини, камерные квинтеты Моцарта и Шуберта. Все были сыты.

На четвертый год плена немцы оснастили провололочные заграждения электропроводкой.

Кем был он в этом стаде, разделенном на роты и батальоны? Инженером? Мужем? Отцом? Сыном? Никем. Он не мог ничего никому дать, ни о ком не заботился и никого не охранял, ничем ни для ком не рисковал. Толпа уподобила его винтику в огромной машине — каким же ненужным, каким незначительным он себя ощущал. Он смирился с таким приговором, не пытался бунтовать — просто лежал. Его раздражала лихорадочная деятельность других, все эти курсы, лекции, соревнования, лишь бы что-то делать, лишь бы не признать очевидности катастрофы. К чему эти игры, зачем имитировать жизнь, сопротивляться, прикидываться, будто мы что-то собой представляем, будто от нас еще что-то осталось: наши знания, наши чувства, наша гордость. Нас нет, друзья, и нечего притворяться. Писать пьесы, переводить Шекспира, изучать древнеиндийский язык. Плетите коврики, вышивайте сердаски, режьте по дереву и устраивайте философские диспуты, играйте в цирк и олимпиаду, если вам это помогает, если это и вправду отгоняет страх. Только оставьте меня в покое, не трогайте меня, уходите. Я хочу быть один.

Продолжайте играть. Шах и мат. Мат. Вчера опять кто-то бросился на проволоку.

Один-единственный раз ему чего-то захотелось. Елки из колючей проволоки — ее не сравнить с елкой из хлеба. Может, оно и к лучшему, что владелец отказался ее отдать и продать не согласился. Она была бы не слишком уместна в их барак с шестиконечной звездой. После войны он каждый год сам покупал и наряжал большую, под потолок, елку. Когда ему исполнилось восемьдесят, он лег в кровать. И тогда вернулась лагерная мечта. Только оставьте меня в покое. Уходите.

В отчетах о посещении лагеря комиссией Международного Красного Креста из Женевы есть лишь одно упоминание об офицерах еврейского происхождения. Запись сделана 25 февраля 1944 года. Узнав, что 86 офицеров не имеют возможно-

сти связаться со своими семьями и ничего не знают об их судьбах, комиссия потребовала прислать в Женеву списки с фамилиями и адресами родных для проверки.

Американские мундиры, белье и обувь добрались до лагеря в середине 44-го. На мундирах были блестящие пуговицы, похожие на золотые монеты достоинством в 20 долларов. Они пробудили в пленных мужское тщеславие, годами успешно подавлявшееся шутовскими нарядами со склада. Офицеры принялись нашивать на мундиры польские знаки отличия.

В конце августа союзные войска освободили Париж. В сентябре бои переместились в район Антверпена и Брюсселя. 20 октября в лагерь прибыли сто офицеров — участников Варшавского восстания. Их приветствовали с почестями. Они рассказывали о восстании, о положении в оккупированной стране. Варшава в развалинах. 30 ноября Самуэлю Пшедборскому, моему дедушке, исполнилось сорок лет. Это прошло незамеченным. Были освобождены Лотарингия и большая часть Эльзаса. Немецкая армия начала наступление в Арденнах.

В январе 45-го воздушные налеты на Рейх продолжались. Сильно пострадал Нюрнберг. В середине января заговорили об эвакуации. Пленные собирают пожитки. Из чего ни попадя шьют рюкзаки.

Барак, в котором музей, холоден и мрачен, что и требуется. Лагерное имущество — нары и табуретки, шкафчики и миски кажутся маленькими. Как и висящие на вешалке мундиры. Не верится, что они принадлежали мужчинам в расцвете лет. У меня появляется такое же ощущение, как тогда, когда я после долгого перерыва зашла в свою школу и увидела коридоры, в которых терялась, лестницу, по которой было трудно взбираться.

В музейном бараке собраны документальные доказательства того, что все, происходившее за проволокой, происходило на самом деле. Надгробные плиты с лагерного кладбища и колючая проволока. Надписи, выцарапанные на кирпичках. Печка, на которой кипятили воду, и воздуходувка, так называемая вертушка. Зеркальце made in Woldenberg. Жетоны с личными номерами. Кусок потолочной балки с тайником, куда прятали запас-

ной радиоприемник. Есть там искусно украшенный резьбой портсигар с тайничком, чтобы можно было передавать ксивы. А также рукописи пьес, театральные афиши, памятный альбом с рисунками, на которых изображены все персонажи фредровской «Мести». Марионетки и маски. Нож для вскрытия писем из кости какого-то животного. Серебряные перстни с печатью. Деревянная модель суденышка с двумя парусами. Зажигалки. Коробочка с инкрустированным зеленым клевером. Шкатулки с интарсованным виноградом. Крест с фигурой Христа, висевший над входом в один из барakov. Сотни гравюр на дереве, в том числе иллюстрации к «Дон Кихоту».

А еще там тысячи фотографий. С выставок рождественских вертепов, с концертов Брамса и Оффенбаха, с представлений «Севильского цирюльника» и «Марии Стюарт» (всегда в женских ролях мужчины), с выступлений цирка Ноймана, с различных спортивных соревнований.

Самуэля Пшедборского нет нигде. Нет его фотографии. Нет его фамилии. Ни среди огородников, ни среди певших в мужском хоре «Эхо». Ни в литературном кружке, ни в одном из нескольких оркестров, скажем, в том, где играли на мандолинах.

Нет его ни среди тех, кто занимался конспиративной деятельностью, ни среди участников конкурса на застройку сельских кооперативов. Нет в обществе строителей дорог и водных сооружений, нет среди участников соревнований по волейболу. Не сохранились ни его библиотечный абонемент, ни свидетельство об окончании хоть каких-нибудь курсов. А были курсы механиков и пчеловодов (жизнь пчел, селекция маток, пчелиные болезни, продукты пчеловодства), курсы для любителей парусного спорта и коммерции. По статистике на них занимались 90 % пленных. Сохранились списки и ведомости: лекции, практикумы, коллоквиумы, экзамены. Чьи-то записи лекций профессора Михаловского по египтологии. Не его.

Нет его ни среди спортсменов, ни среди ботельщиков. Он не гнался за значком отличника физподготовки. Для возрастной группы до 40 лет был установлен комплекс норм: ходьба (один круг) — 19 минут; лечебный мяч (бросок) — 17 метров;

толкание ядра — 13 метров; прыжок в длину — 3,5 метра; бег.

В музее много карикатур; его среди них нет. Как будто его вообще не было.

Существовали немецкие распоряжения, запрещающие офицерам еврейского происхождения участвовать в культурно-просветительской жизни лагеря. Но ведь эти распоряжения игнорировались. Случалось, что немцы вычеркивали из программы докладов и лекций еврейские фамилии. Но ведь их вставляли вновь. Любимыми актерами лагерного театра, пианистами, скрипачами были люди, в чьих жилах текла неарийская кровь.

Я не хочу все объяснять страхом.

Видимо, это произошло в конце января 45-го: им приказали собираться в дорогу. Зима была морозная. Эвакуация, пешком, в глубь Германии. Не этого они ждали. Если вообще чего-то ждали. У освобождения должен был быть другой вкус. Никто не спал. Укладывались долго. Рюкзаки не могли вместить все имущество. А его у пленных было немало. Можно сказать, за лагерные годы они разжились добром. Как в сказке: жили-поживали, добро наживали. Только пожитки у них были не сказочные. Миски, ложки да ножи, книги да письма, одежда и еда.

Они мастерили санки. Не задумываясь уничтожали столики, полки и табуретки, которые так нелегко им достались. Санки теперь казались важнее всего. Они позволят увезти с собой как можно больше. И вдруг — неожиданность: те, у кого ничего нет, оказываются в самом лучшем положении. Они могут захватить все свои сокровища. А те, что собирали запасы на черный день, с болью в сердце вынуждены с ними расстаться — столько добра пропадет зря: мешочки крупы и гороха, консервы еще с начала войны, чуть отсыревшие сига-

реты. Сахар и сухое молоко запихивали в рюкзаки, тюбик со своей любимой сгущенкой он положил сверху; упаковывали книги и теплую одежду; лагерные рукописи, кажется, зарывали в землю в консервных банках.

Собирались весь вечер, печи топили как никогда прежде. Сожгли чуть ли не половину нар. В бараках было непривычно жарко. За окнами сухой морозный воздух, звезды. Они не знали, куда пойдут, но перспектива движения, перемены места радовала. Куда угодно, лишь бы вырваться за проволоку.

Они не привыкли к долгой ходьбе — столько ведь лет теснились в ограниченном пространстве, — и путь казался им бесконечным. Дыхание перехватывало. Дул ветер. Через четыре дня лагерь «Восток» разместили на ночь в имении Дзедзице неподалеку от Барлинека. Они свалились, где стояли, в овинах и хлевах. Назавтра около полудня увидели на подступах к имению советские танки.

Немцы пытались сопротивляться. Один из советских артиллерийских снарядов разорвался в овине, набитом пленными. Несколько десятков были ранены, десятка полтора — убиты. Эти остались на местном кладбище.

Он был одним из трех с лишним тысяч военнопленных, которые обрели свободу 30 января 1945 года.

Пусть остаются контуры фундаментов. Ничего больше память не сохранила. В городе — готический костел со статуей Лагерной Божьей Матери, делом рук одного из узников офлага, и школа их имени. Вольденбергцы — цвет польской интеллигенции, говорят дети. Корыта и загоны для свиней. И от них тоже следов не осталось.

Александр Яцковский

ВЫСОКАЯ БЛИЗ ИОРДАНУВА

Было время усадеб и дворцов, а сегодня настали времена бу-
тафории. Богатые бизнесмены отмечают свои праздники в усадь-
бах, увешанных картинами и устланных коврами, в окружении во-
оруженной охраны, гораздо более многочисленной, чем прислу-
га. Да и уровень их страха теперь гораздо выше. В отреставриро-
ванных залах проходят их рауты, приемы, свадьбы. Но прежние ли
это усадьбы, с их атмосферой, ароматами, культурой? Да и вооб-
ще возможно ли возродить дух былых времен, найдем ли мы сей-
час усадьбу, где за стол садятся с молитвой и пением, где до сих
пор звучит ренессансная музыка? Есть одна такая усадьба, единственная, — в деревне Высокая, на
холме, недалеко от местечка Иорданув. Этот каменный дом, построенный в XVI веке, словно по-
прежнему готов отразить нападение. Его нынешние хозяева на собственные средства отстроили
разрушенное здание, чтобы жить в нем, музицировать, давать концерты для лютни и голоса, обучать
молодежь из Кракова, принимать гостей со всего света. В течение только одного года здесь их побы-
вало около двух тысяч человек. Конечно, великолепие усадьбы, богатая программа деятельности —
заслуга хозяев, людей незаурядных, влюбленных в старопольскую культуру, музыку эпохи Возрожде-
ния, духовную музыку.

Антоний Пильх, музыкант и театровед из Кракова, долго искал такое место, где он смог бы осуще-
ствить свои мечты — концерттировать и преподавать, знакомить людей с забытым миром старинной
музыки. В том числе светской, звучавшей в усадьбах. Он лютнист, пожалуй, первый в послевоенное
время, кто вернулся к игре на этом забытом инструменте. Он закончил Королевский музыкальный
колледж в Англии. Лютню считает чудесным инструментом и редко с ней расстается. Впрочем, они
очень подходят друг другу — я люблю смотреть на него во время игры, когда он и инструмент состав-
ляют единое целое. Вместе с женой, Анной Мадейской-Пильх, правнучкой Сенкевича, одаренной пре-
красным голосом, тонкой, эмоциональной, погруженной в поэзию, они музицировали в костелах.
Восхищенный их исполнением, я познакомился с ними еще до того, как они нашли Высокую и реши-
лись вести «усадебную» жизнь. А тогда, как они сами о себе пишут: «Мы поселились в развалинах,
среди туч известковой пыли, без всяких бытовых удобств, с двумя маленькими детьми. Но и с двумя
лютнями и музыкой XVI века».

Шляхетская усадьба принадлежала в разные времена Зебжидовским, Стадницким, Ларишам, Бо-
ровским, Желенским. У нее своя история. В 1993 г. Пильхи превратили ее в свой частный дом культуры,
сельский клуб, двери которого открыты и для детей из местной школы, и для групп семинаристов,
приехавших из Киева или Здунской-Воли. Семейная жизнь включает в себя научные конференции,
семинары, обогащается репетициями Высоковского детского театрального ансамбля, деятельностью
Академии традиций — Братства лютни. Деревенским жителям открыты двери усадебной библиотеки,
а вечерами тут собираются гости, чтобы послушать музыку эпохи Возрождения.

«Мы стремимся, — говорят Пильхи, — перенести в современность идею старопольской усадьбы.
Мы ищем, как объединить под одной крышей культурный центр международного масштаба, такое
место, где всегда рады сельским ребятишкам, и в то же время родной дом. Мы ищем, как разбудить
местную общину, застывшую в летаргии перед телевизорами. На протяжении столетий польская усадьба
была и семейным очагом, и культурно-общественным учреждением. Сегодня каждый закрывает две-
ри своей квартиры перед чужими людьми, а от учреждений веет безличным холодом».

**Анна Мадейская-Пильх
во время занятий с детьми**

вонж — первый польский доминиканец (XIII в.), миссионер, называемый «апостолом Севера»].

Дети принимают участие в радиопередачах о культуре Возрождения, члены Академии лютни участвуют в еженедельных встречах, семинарах, концертах. Пильх старается использовать специальную древесину, из которой делают лютни, — он, к счастью, смог выкупить ее у ликвидированного деревообрабатывающего комбината в Иорданове, чтобы изготавливать фидели (фидель — вид небольшой скрипки, известной в XVI веке) и маленькие ренессансные гитары. Концерты, мастер-классы, выставки — все это служит делу сближения местной общины с краковской.

Антоний Пильх

В усадьбу приезжают гости — на музыкальные собрания, на совместное музицирование, на занятия под названием «Сарматская поместная широта». Во время одного из моих приездов я пришел в восхищение от встречи со Школой культуры и улыбки из Санкт-Петербурга. Они танцевали, замечательно играли, а здесь учились исполнять ренессансную музыку.

Однако для гостей, для молодежи надо иметь помещение. Пильхи купили и перевезли на территорию усадьбы старые сельские постройки, спасая их от разрушения. Таким же образом они спасли кузницу. Старую школу, постройки 1881 г., они превратили в «Гостинный дом», оснащенный ванными с душем и горячей водой. В этом году здание уничтожил пожар, но благодаря деятельной помощи соседей его удалось быстро восстановить. Теперь Пильхи ставят второй дом, тоже представляющий собой достопримечательность — старинную оравскую избу.

Пильхи получили первую премию на одном из ежегодных конкурсов «Малая родина». Наблюдая за их деятельностью уже многие годы, я не перестаю удивляться той выдержке, с какой они переносят постоянные финансовые трудности, их заботам о том, какой фонд окажет им поддержку и в каком размере, сколько гостей к ним привезет турбюро. А для гостей надо устроить и угощение, и свечи, и концерт старинной музыки. Для Пильхов это главный источник существования, но не очень надежный. Бывают недели, когда никто не приезжает. А жить и работать надо.

Семья Пильхов — очень близкие и дорогие мне люди, поэтому всегда, когда удастся, я еду к ним. Они не меняются с годами, только детей у них прибавляется, добродушная собака все так же бродит по комнатам, возле телефона лежит пачка неоплаченных счетов, уведомления об отключении телефона и электричества. Но усадьба существует уже 10 лет. Очень важная. Единственная.

Во времена бунта Шели [крестьянское восстание 1846 г. в Галиции под предводительством Якуба Шели] антагонизм между усадьбой и деревней был совершенно явным. На экономической почве. Сегодня столь явного антагонизма нет, но ощущение разницы существует. Одни занимаются «высокой» культурой, другие — «низкой». Вернее всеобщей. Усадьба и деревня.

Михал Болтрык

ИНСТИТУТКИ ИЗ ЯКОВЛЕВКИ

Лидия Яковлева встретила своего будущего мужа Георгия (Ежи) Рощицкого в Санкт-Петербурге. Ее семья уже больше двухсот лет владела имением Яковлевка в Екатеринославской губернии. Ежи Рощицкий, в 30-е годы XX века секретарь Синода Польской Православной Церкви, исключительно одаренный выпускник Дерптского университета, получил тогда свою первую должность в Санкт-Петербургском институте правоведения. Лидия Яковлева училась в Академии художеств. «Откуда вы родом?» — спросил Рощицкий. — «Я родилась в маленьком городке бескрайней России, о существовании которого вы наверное и не слышали», — ответила Лидия и сказала, как он называется: Скерневицы. — «Я знаю этот городок», — ответил Ежи. — «Я тоже родился в Скерневицах». Лидия Яковлева родилась там в 1896 г., Георгий Рощицкий — в 1889-м. Нина Нечаева, урожденная Рощицкая, ныне жительница Щецина, рассказывает об истории своей семьи на протяжении веков.

— Рощицкие, — начинает свой рассказ Нина Георгиевна, — несколько веков назад жили на Лемковщине, в Краковском воеводстве. У них было поместье, которое они продали, а деньги пожертвовали на церковь св. Андрея Первозванного в Киеве. Это случилось во второй половине XVIII века.

Прадед, Александр Рощицкий, был настоятелем православного храма в Ольгопольском уезде Подольской губернии. Его сын Герман, мой дед, родившийся в 1855 г., закончил Лесной институт в Пулавах, которые тогда назывались Новая Александрия. Окончив институт, он начал работать в Спале. Спальские леса были тогда местом царской охоты — там охотился Александр III, а потом Николай II.

Старшим лесничим Спальских лесов был тогда Кароль Мицкевич. В начале 80-х гг. XIX в. дед женился на его дочери Винцентине, 1863 г. рождения, католичке.

По семейным преданиям Кароль Мицкевич был родственником Адама Мицкевича. Это не вымысел. Два события более поздних времен подтвердили правдивость предания.

После I Мировой войны в Варшаве открывали памятник Адаму Мицкевичу. В почетную ложу пригласили сестру моей бабушки Марию Мицкевич. После второй войны, на повторное открытие восстановленного памятника и балюстрады, снова пригласили почетным гостем сестру Винцентины Марию, тогда уже по мужу Толвинскую.

Но вернемся к концу XIX века.

У старшего лесничего Кароля Мицкевича было четыре дочери. Три вышли замуж за поляков, одна за русского, моего деда Германа. Венчались они в 1883 г. в православной церкви в Томашуве-Мазовецком. После свадьбы переехали в Зверинец возле Скерневиц. Здесь дед стал старшим лесничим.

В Скерневицкие леса любил приезжать на большую охоту великий князь Николай Николаевич. Под Скерневицами был создан большой императорский зверинец с охотничьим двором и фазаньей фермой. Нынешний Скерневицкий институт садоводства помещается в бывшем дворце великих князей. Здесь осенью 1884 г. встретились императоры России, Германии и Австро-Венгрии — Александр III, Вильгельм и Франц-Иосиф.

В задачи деда входила организация царской охоты. Александр III, довольный охотой, подарил Герману Рощицкому золотые часы с надписью и комплект серебряных *подстаканников**, один из которых по сей день сохранился в семье.

У Германа и Винцентины было четверо детей — три сына и дочь. Все были крещены в скерневицкой православной церкви.

Георгий, мой отец, был старшим сыном Германа и Винцентины.

* Курсивом здесь и далее — по-русски в тексте. — *Пер.*

А как случилось, что в тех же Скерневицах, «маленьком городке бескрайней России», родилась моя мать, Лидия Яковлева, хотя род Яковлевых происходил из Екатеринославской губернии?

Ее отец, а мой дед Николай Яковлев служил в русской армии. Он был полковником интендантской службы, стоял в Скерневицах и Варшаве (в казармах возле Лазенковского парка). В Варшаве он познакомился с моей бабушкой Софьей Берсеновой и женился на ней.

Детство мама провела с родителями, младшей сестрой Валентиной и братом Николаем в Варшаве.

Дед после смерти своего отца вышел в отставку, вернулся в Яковлевку и взялся управлять своим имением. Из рассказов я знаю, что он был общественным деятелем: основал сельскую больницу и школу. В имении был прекрасный сад и большой малинник. Туда посылали деревенских девушек собирать малину на полдник господам. Надзидала за ними тетя моей мамы. Девушки, собирая малину, должны были петь. Украинские песни, как известно, очень красивы, и голоса у украинок прекрасные. Тетя знала голос каждой девушки и время от времени выговаривала: «*Маша, ты как-то не поешь?*»

Мама вспоминала, что у родителей в яковлевском доме было много прислуги. Жилось в этих условиях чудесно. Дед был одним из первых, кто купил автомобиль, как только они появились в России.

В Яковлевке был теннисный корт, где играли молодые Яковлевы и их соседи. Сохранились фотографии тех времен: «институтки на каникулах». Моя мама и сестра окончили институт благородных девиц. Мамин брат Николай — кадетский корпус.

Разумеется, жизнь господ отличалась от жизни крестьян. Но в час испытания эти мужики выступили в защиту своего барина. Сразу после 1917 г., когда грабили имения, наши мужики прогнали грабителей, прибывших из другой деревни. Потом ЧК арестовала деда. И тогда наши мужики собрали сход, выбрали ходоков и послали их за сорок километров от Яковлевки, туда, где держали деда. Там они потребовали: «Выпустите нашего барина!» — и вернулись со своим барином, моим дедом, в Яковлевку.

Но еще ненадолго вернемся в более светлые времена.

Мать моя обладала художественными способностями. Окончив институт, она поехала в Петербург. Там сняла комнату в семье и ходила на занятия в Академию художеств. Дополнительно она записалась на географические курсы. Географией интересовался и Георгий Рошицкий. Так это началось.

В 1914 г. в Санкт-Петербурге Георгий Рошицкий и Лидия Яковлева поженились.

Мой отец был человек исключительно одаренный. Он прекрасно знал французский и немецкий языки, немного — английский. Он получил должность ассистента на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, и все говорили, что он сделает профессорскую карьеру.

Увы, началась мировая война. Отца призвали в армию, на офицерские курсы, которые находились в Москве. Здесь в 1915 г. родился мой брат Андрей. После большевистского переворота отец вступил в ряды Белой армии, а после ее поражения эвакуировался с армией генерала Врангеля в Константинополь. Потом французы и англичане, союзники белой России, разместили врангелевскую армию (несколько десятков тысяч солдат и офицеров) на полуострове Галлиполи в Мраморном море.

Между тем в 1919 г. в Екатеринославе, куда перебрались дед с бабушкой, мамой и ее младшей сестрой, родилась я. Но в Екатеринославе было уже небезопасно. Вокруг горели поместья. Постоянно сменялась власть, каждая вводила свои порядки и репрессии — правительства гетмана Скоропадского, Петлюры. На короткое время город занял батька Махно и ограбил его до ниточки, потом приходили деникинцы, большевики, врангелевцы и снова большевики.

Дед и бабушка с мамой и тетей Валентиной пробрались на юг, в Мариуполь, где у власти были белые и где было сравнительно безопасно. Там Валентина вступила в армию генерала Врангеля сестрой милосердия.

В 1920 г. Красная армия под командованием Льва Троцкого и Белы Куна сломала сопротивление белых в Крыму. Началась великая эвакуация. На одном из кораблей, выходящих из Севастополя, отплыла Валентина. Ее история совсем отдельная: Константинополь, Воеводина в Сербии, Белград и в конце концов Бухарест, где уже был ее брат Николай.

Николай Яковлев, окончивший военное училище в Санкт-Петербурге в чине поручика, отправился из Яковлевки на войну со своей верховой лошастью и теннисной ракеткой. Но война была не такой, как он воображал. Сначала он был в армии Ренненкампа в Восточной Пруссии, потом на Галицийском фронте, затем в Румынии, где как опытный офицер обучал румынских артиллеристов. После больше-

вистского переворота Николай вернулся в Екатеринослав. Оттуда поехал на Дон в армию генерала Корнилова и атамана Каледина. А там положение было такое: почти одни офицеры и мало рядовых, вдобавок нехватка вооружения. Николая, свободно владевшего французским и английским языками, откомандировали в Бухарест. Там до 1925 г. действовала русская военная миссия, а румынское правительство на протяжении многих лет не признавало советскую власть. Два года в Бухаресте мой дядя помогал снабжать Белую армию. К нему-то в конце концов и добрались тетя Валентина и мой отец.

А мы — дед, бабка, мама со мной, двухлетней, и братом Андреем, добрались до Житомира. Здесь при помощи подкупленных евреев-контрабандистов мы ночью перешли границу и оказались в Польше. Вскоре мы добрались до Скерневиц, где жил дедушка Герман, уже на пенсии.

В Польше, особенно в Варшаве, была большая русская эмиграция. Действовали издательства, книжные магазины, выходили газеты. Самым крупным издательством было «Добро», основанное Сергеем Михайловичем Кельничем. Мой отец начал работать секретарем издательства «Рус-Пресс». Там работали и мои тетки: Марыля Мицкевич и Елена Рошицкая. Папина работа позволяла нам жить прилично. Отец еще подрабатывал: писал статьи под псевдонимом Игнис в газету «Польска збройна» [«Вооруженная Польша»].

Он очень хотел работать юристом, но польские власти не дали ему разрешения.

Вскоре отцу предложили должность секретаря в Синоде нашей Церкви. Нужен был хороший юрист, а отец и был хорошим юристом. Дополнительное достоинство его, думаю, — это знание языков: французский, немецкий и русский он знал в совершенстве — как устную речь, так и письменную. Митрополиту Дионисию такой человек был нужен и для поездок по Европе, и чтобы представлять в судах церковные дела, которых тогда хватало.

Вернувшись в Польшу, мы только год прожили в Скерневицах, потом переехали в Варшаву. Сначала мы снимали три комнаты в доходном доме в Праге, на правом берегу Вислы. Отец уже работал в Синоде, и тогда освободилось место в приходском доме (несколько лет его незаконно занимал католический священник, не платя квартплаты), и мы туда переехали. Это время я помню хорошо. На большие праздники в доме много готовили, чтобы достойно принять наших иерархов. 1 января они всегда приезжали к нам поздравить с Новым годом.

Летом мы ездили на каникулы в Лососну под Гродно или в Свидр возле Отвоцка.

В Лососне было имение друга нашей семьи Дмитрия Николаевича Беклемишева, родом из татар. Там над речкой, тоже называвшейся Лососна, были теннисные корты, а на веранде стоял граммофон. Мне было 15 лет (1934 год), и я впервые танцевала. Каждый год в Лососну съезжались компании русских и польских друзей. Разумеется, мы платили Беклемишеву за наше пребывание, но такие каникулы того стоили. Много лет спустя я встретила Д.Н.Беклемишева на остановке в Щецине. Он работал в воеводском совете на довольно высоком посту.

В Свидре, куда мы тоже ездили на каникулы, было гнездо староверов. Весь год они жили в Варшаве возле площади Кишинского, а в Свидре у них были пустые деревянные летние дачи. Одну дачу мы снимали на один летний месяц. Из Варшавы нанятым возом на двух лошадях в Свидр отправлялась наша мебель и одежда, кухонная и столовая посуда, постель и т.п. Рядом с возом бежал наш белый шпиц и лаля. Мы ехали на поезде. Отец продолжал работать и приезжал к нам каждый день.

Митрополит Дионисий, как я знаю, ездил отдыхать в Отвоцк.

Увы, наступили худые времена для Церкви и для нас.

В 1938 г. папа потерял свое место. Министерство вероисповеданий потребовало от митрополита уволить Ежи Рошицкого, и митрополит подчинился этому распоряжению.

Власти хорошо знали, кто был движущей силой всех протестов в стране и на международном форуме против преследований православной Церкви в Польше — Ежи Рошицкий. Двумя годами раньше за протесты горько заплатил юрисконсульт Константин Николаевич Николаев. Ему пришлось покинуть Польшу. Мы дружили с ним и его женой, но помочь ничем было нельзя. Они уехали в Югославию и жили там в страшной нужде.

Отец снова взялся писать в русские газеты и под псевдонимом Игнис в «Польску збройну». Домой он возвращался к полуночи. Тогда мы еще жили на Вольской. Но вскоре митрополит Дионисий постановил: «Раз вы у нас не работаете, придется съехать».

Летом 1939 г. мы переехали в район Воля, в убежище для православных детей, которые уехали на каникулы. А в сентябре началась война. На третий день к нам явился польский офицер: «Пожалуйста, съезжайте отсюда. В этом окне будет стоять пулемет».

Отец хорошо знал президента [мэра Варшавы] Стефана Стажинского, они учились в одной гимназии. Он обратился к Стажинскому за помощью и получил место администратора Музея Старого Города. Мы наняли воз и перевезли наше имущество в Старый Город. Мы с мамой доехали туда трамваем. Среди чужих нам людей, в незнакомом районе, без запасов мы оказались на несколько недель как в центре циклона. Голодали. Когда были сирены воздушной тревоги, спускались в подвал. Помню, однажды в подвале я нашла хлебную корку, кем-то обгрызанную. Какая это была радость... Я жадно съела эту корку. Потом у меня были угрызения совести, что не поделилась с мамой. В один прекрасный день нам повезло. Артиллерийский снаряд убил лошадь вблизи нашего дома. Толпа кинулась на лошадь. Наша прислуга Даша побежала с большим ножом, и ей удалось отрезать кусок мяса. У нас с собой были кастрюльки, и мы сварили конину. В этот день у нас был настоящий пир. Но мама, буржуйка, смотрела на все это с отвращением и даже не попробовала. Грозилась, что выбросит кастрюли, в которых мы варили конину.

В Старом Городе мы оказались на волосок от гибели. У музея был свой домик, где нам дали три комнаты на верхнем этаже. Мы перевезли туда мебель из дома побольше, где жили вначале. В комнате был большой стол, швейная машинка «Зингер», на подоконнике стояла большая банка вишневого варенья. Вдруг налетели немецкие самолеты, началась бомбардировка. Я спрятала голову под швейную машинку, мама с братом спрятались под большим дубовым столом. Вдруг раздался пронзительный свист. Оконные стекла вылетели вместе с рамами. Бомба упала между нашим домиком и стеной Старого Города. Там стоял воз с лошадей — от них осталась только глубокая воронка. Банка с вареньем лопнула, красное варенье, перемешанное со стеклом, стекало по буфету. Мы с братом собирали его ложками и ели, выплевывая стекла. Мама глядела на нас с ужасом. После этой бомбардировки мы вернулись в прежний дом.

После того как немцы заняли Варшаву, отец снял квартиру в районе Жолибож, на углу улиц генерала Зайончека и Мицкевича. Наши окна выходили на железнодорожные пути. Это была большая пятикомнатная квартира с паркетом и ванной. На что мы жили? Не знаю — никто из нас не работал.

А в шесть часов утра 14 февраля 1940 г. раздался звонок в дверь. Я встала, открыла. На пороге стоял элегантно одетый гестаповец: «Здесь живет Ежи Рошицкий?»

Отец оделся, надел шубу, взял портфель с документами. Со мной он не стал прощаться. А мама еще спала в другой комнате и ничего не слышала. Только я видела этого офицера. На дворе шел снег. В окно я видела, как идут по снегу отец и гестаповец.

Отец домой уже не вернулся. Вскоре мы узнали, что он сидит в тюрьме Павяк. Он тайно передавал нам записки. Я отнесла ему передачу с солониной и копченостями, и тогда узнала, что он сидит в одной камере с Мацеєм Ратаєм, маршалом Сейма.

Несколько раз я видела отца через решетку в окне с улицы.

Вскоре отца вывезли в Оранienбург, потом в Дахау. Оттуда мы получили открытку с уведомлением о его смерти. Это было в 1940 году.

За что арестовали отца? Как он на самом деле умер?

Преемник моего отца в консистории не располагал ни такими юридическими познаниями, как мой отец, ни таким пониманием политики. В начале оккупации немецкие власти подчинили польскую Церковь митрополиту в Берлине. Митрополит Дионисий вместе с новым секретарем направил немецким властям протест. Новый секретарь не знал ни немецкого языка, ни права, и по просьбе митрополита письмо составил мой отец. Хотя его подписи там не было, видимо, какие-то люди подсказали немцам, что это письмо — дело рук Ежи Рошицкого, поэтому гестапо и арестовало отца. А новый секретарь Синода бежал в СССР и спас себе жизнь.

Митрополит некоторое время находился под чем-то вроде домашнего ареста. Только потом, когда немцы приступили к созданию украинской Церкви и митрополит оказался в милости, он приложил старания, чтобы отца освободили из лагеря.

Нина Нечаева

И отца привезли из Дахау в Павяк. Но там он узнал, что произошла ошибка: освободить должны были Рощинского, а не Рошицкого. И снова повезли его в Дахау. По дороге он умер от разрыва сердца. Это было в Костышине — в Дахау привезли его труп.

А мы остались на Жолибоже, без всяких средств к жизни.

Моя мама никогда не работала, я искала работу. Получила в социальной опеке место младшей канцеляристки. Потом работала в русской библиотеке на Маршалковской. Библиотека принадлежала «Русскому дому», директором которого был Макшеев, а библиотекой занимался Вельмин. В те времена, когда у нас все было хорошо, мы раз в две недели приглашали его на обед. Это была такая форма помощи. Он-то и предложил мне работу в библиотеке во время оккупации. Работа была очень приятная, много людей тогда читало книги.

9 ноября 1941 г. мы венчались с Андреем Нечаевым. В церкви во время нашего венчания служили три священника: оо. Иоанн Коваленко, Ежи Лотоцкий и Помазанский.

После свадьбы я некоторое время ходила с чемоданчиком, набитым катушками ниток, стучала в двери и продавала их дешевле, чем в магазине. Зима была суровая, одежда жалкая, и я

отморозила руки и ноги. А потом мы вместе с мужем работали в санэпидуправлении, в бригадах, направленных на борьбу с сыпным тифом. Мы боролись с завшивленностью. Это была хорошая работа: в деревне нас поселяли в лучшую избу, хорошо кормили — курица, бульон и т.п. К несчастью, каждый день приходилось с очередным солтысом [сельским старостой] выпивать бутылку самогона...

Так мы работал до Варшавского восстания. Благодаря нашей работе жила вся семья.

17 августа 1944 г. немцы приказали уходить из Варшавы. Мужа арестовали. У меня от отчаяния начались нервные спазмы. Так разболелась, что не могла глотать, — по-медицински это называется *globus histericus*. Теряла молоко. Мой шестимесячный сын Игорь из-за отсутствия молока слабел на глазах. И представьте себе, откуда пришло спасение. Когда мы покинули Варшаву, то с целой толпой людей ночевали в костеле. Игорь не переставал плакать. Ко мне подошла незнакомая дама, взяла ребенка и дала ему грудь, из которой молоко прямо брызгало. Ее грудной ребенок остался в Варшаве: немцы не позволили матери вернуться к нему. Мой сынок напился молока досыта вечером, а потом с утра. Это спасло ему жизнь. Я даже не узнала, как зовут эту женщину. Мы тронулись в путь, и вся семья снова встретилась в Скерневицах.

Мы разговариваем уже второй день. Пора кончать, хотя у каждого из людей, встречающихся в рассказе, отдельная, волнующая и по-прежнему не описанная история.

Андрей Нечаев, муж Нины Георгиевны, показывает фотографию: празднично одетые мужчины и женщины — пикник в Добжеёвичах, июнь 1914 года.

— Моя мама, дядя, двоюродные братья, знакомые, — объясняет он. Лица и обстановка излучают спокойствие и беззаботность. — Последний снимок перед концом света, — говорит Андрей Нечаев, откладывая фотографию на положенное место.

Возле дома Нечаевых в Щецине растёт береза, тоже, может быть, посаженная «перед концом света». Нижние ветви высокого дерева достигают балкона на втором этаже. Эта береза напоминает Андрею и Нине Нечаевым Россию.

Березу посадил бывший владелец дома и участка при нем, немец.

Томаш Ужиковский

ХУДОЖНИКУ ПОМОГЛА МОЛИТВА

Когда на стенах церкви в Весолой появился Крестный путь (14 икон, соответствующих этапам — стояниям — одноименной католической молитвы), прихожане пережили шок. Никогда прежде они не видели такого изображения Страстей Христовых. Автор икон Ежи Новосельский несколько воскресений подряд отвечал на вопросы пораженных людей.

Одни видели в стояниях Крестного пути Освенцим, другие — тюрьму госбезопасности в Варшаве. Художник кивал головой: «Все вы правы». Вместо воскресных проповедей прихожане слушали его разъяснения. «Почему эти иконы такие печальные?» — спрашивали они. Он терпеливо отвечал: «Потому что это была казнь».

Требуется художник

Как краковский художник Ежи Новосельский попал в Весолою? Все советуют спросить об этом прелата Стефана Высоцкого, бывшего настоятеля прихода Провидения Божия. «Это его заслуга», — говорят люди.

— Я принял приход в 1972 году, — начинает свой рассказ священник. Сейчас он уже на пенсии.

Деньги на строительство храма пожертвовал еще до войны местный землевладелец Эмануэль Булгак. Церковь должна была стать местом его погребения, однако жертвователь уехал из Польши. После войны костел стал приходским, но никто не знал, как организовать его интерьер. Сразу же после принятия прихода отец прелат объявил конкурс на лучший проект. Ни одна из полутора десятка работ не удовлетворила его, так как все они, по его словам, «отворачивались» от архитектуры храма. Знакомые художники подсказали, что проблему может решить только Новосельский.

Профессор, боящийся высоты

Эмануэль Булгак хотел, чтобы его церковь напоминала раннехристианский храм. О. Стефан Высоцкий отнесся к этому плану с уважением. Профессор Ежи Новосельский лучше, чем кто бы то ни было, чувствовал искусство тех времен.

— Я писал профессору одно письмо за другим, а он отказывался, потому что его фрески скалывали со стен, — говорит прелат.

— Новосельский лояльно предупредил, что его живопись не всем понятна, что она вызывает споры, — добавляет живущий в Весолой реставратор Павел Садлей, чей отец, профессор Академии художеств, убеждал Новосельского приехать.

Весной 1975 г. Новосельский был в Варшаве и по дороге заехал в Весолою. Два часа он осматривал церковь, мерил ее шагами, проверял пропорции и в конце концов сказал: «Ладно».

К работе он приступил летом. Приехал с ассистентом. Боясь высоты, Новосельский писал фрески только внизу. Его ассистент забирался на леса и расписывал недоступные для учителя места, следуя его указаниям.

— Этот ассистент был сыном епископа методистов. Вот ведь какое стечение обстоятельств: католическую церковь расписывали православный художник и его протестантский помощник, — смеется бывший настоятель.

Ежи Новосельский

Прихожане удивлены

Вначале была создана полихромия апсиды, полукруглой ниши за алтарем. Наверху появилась фигура молящейся Богородицы (Оранты), ниже — группа святых на красном фоне. Все они с темными лицами, в восточных одеждах, словно на старых греческих иконах. Прихожане реагировали по-разному.

— Этот агрессивный красный цвет вызвал шок. Только когда мы повесили над алтарем крест, люди немного успокоились, — говорит отец Стефан.

На стенах при входе в церковь Новосельский воспроизвел сцены из жизни Богородицы: Благовещение, Рождество Христово, бегство в Египет... Ранее он планировал разместить здесь большую фреску Страшного Суда, но ему помешали бетонные хоры. Пришлось ограничиться циклом более скромных фресок. На фреске «Успение» он представил душу Марии в виде маленькой фигурки. И опять в Весолой говорили, что настоятель вводит в храм православное искусство.

— Это неправда. Росписи современные, но источником вдохновения послужило раннехристианское искусство. Весь интерьер — это одна большая проповедь, — убеждает Павел Садлей.

Мастер находит концепцию

Ежи Новосельский создал не только полихромную, но и проекты пола, витражей, люстр, заново организовал пространство. Это его авторское произведение — стройное и законченное. Особенно высоко искусствоведы оценили написанные на досках стояния Крестного пути — доведенные почти до абстракции иконы Страстей Господних.

— Посмотрите на Христа, стоящего перед Пилатом. Он один, без всякой поддержки. Эта картина всегда заставляет меня волноваться, — говорит нам старая прихожанка.

Для проф. Новосельского тема Крестного пути была вызовом. Будучи православным, он никогда ранее не обращался к этому циклу. Когда настоятель привез ему доски для икон, Новосельский предупредил, что у него нет концепции, но через год-два он, возможно, что-нибудь и придумает. Перед началом Великого поста прихожане отправили ему письмо.

— Мы написали, что будем поддерживать его своими молитвами, — говорит бывший настоятель.

В ответ профессор написал: «Я придумал концепцию». Лейтмотивом стали стены Иерусалима, присутствующие в большинстве сцен. Вскоре после Пасхи готовый Крестный путь прибыл в Весолую.

Угощение от Новосельского

Через три года интерьер церкви был завершен.

— А у меня не было денег, чтобы заплатить художнику. Я спросил его, нельзя ли заплатить по частям, — продолжает свой рассказ о. Стефан. — Новосельский только улыбнулся: «Я не зарабатываю на жизнь росписью церквей. У меня есть профессорская зарплата, а если мне нужно больше, я продаю картину. Пусть это будет мой подарок».

Вскоре церковь Провидения Божия стала известна во всей Польше. Посмотреть на нее приезжали экс-

курсии. Ее убранством восхищались исследователи современного искусства. Профессор-искусствовед и священник Януш Пасерб, ныне покойный, вошел в храм и застыл в онемении. После долгого молчания он произнес только одно слово: «Квадрат».

— Я не понял, что он имеет в виду. Тогда он объяснил, что речь идет о красном квадрате из керамических плиток, выложенном на полу в центре храма. Он собирает весь интерьер в единое целое, — вспоминает бывший настоятель.

Каждый пришедший мог рассчитывать на бесплатное угощение. Священник шутил: «Это за счет Новосельского».

Преемник поддержал

В 2000 г. о. Стефан Высоцкий обратился в соответствующие инстанции с просьбой вписать внутренне убранство церкви и часовни реколлекционного дома (Новосельский расписал ее

уже в 80-е) в список памятников искусства. Внесение в список делает объект более значительным и защищает его от непродуманных изменений в будущем. Главный инспектор по охране памятников города Седльце (Весола находилась на его территории) ответил, что нет денег на документацию. В конце концов средства изыскал столичный инспектор.

Тем временем в Весолой сменился настоятель: год назад новым настоятелем стал о. Збигнев Войцеховский. Вначале он смотрел на произведения Новосельского с недоверием, хотел «освоить» интерьер: по обе стороны алтаря повесил картины, вдоль нефа расстелил ковровую дорожку.

— Мы встретились с о. Збигневом и объяснили, сколь ценно то, что досталось ему в наследство, —

говорит Павел Садлей.

Настоятель поддался убеждениям и поддержал заявление своего предшественника о внесении интерьеров Новосельского в список памятников искусства. Сегодня церковь и часовня — самые молодые польские памятники архитектуры.

На иллюстрациях — фрески из церкви в Весолой

gazeta
KATOLICKA

Ида Лотоцкая-Хюлле

ТЕАТР «АТЕЛЬЕ» — СЦЕНА «НА ПЕСКЕ»

Песок — мифическая сцена споров с Богом. Ускользающая из-под ног почва ставит странника где-то между небом и землей. Существование теряет конкретность и становится загадочным, время утрачивает связь с физикой, а мучительные вопросы о Бытии ищут адресата. А тут еще и берег моря, и эхо космического ритма, которое доносят волны...

В песок невозможно пустить корни, однако именно на пляже в Сопоте нашел для себя постоянное место авторский театр Андре Хюбнера-Оходло. Театральная труппа, игравшая прежде в арендуемых залах Гданьска, Гдыни и Сопота, искала себе место с 1989 до 1994 года. Возможно, барак на пляже — это случайность, а может, романтичнее — предназначение. Театр этот летний, так изначально сложилось, но прославился он своим репертуаром, который не имеет ничего общего с каникулярной расслабленностью и беззаботностью. Он оставляет след в самых глубоких, пронизанных тревогой пластах сознания. В то первое «Театральное лето», когда театр играл уже на собственном клочке «пустыни», к создателям театра, увидев один из таких спектаклей, присоединилась Агнешка Осецкая. И осталась с ними до конца, до 1997 года. После ее смерти Андре Оходло дал театру «Ателье» имя Агнешки Осецкой.

Он

Родом из еврейско-немецкой семьи. Фамилию матери взял сценическим псевдонимом, а еврейские традиции покровительствуют всем его начинаниям. Программу театра он построил на двух жанрах: музыкально-поэтическом и драматическом. Его личное творчество — это исполнение еврейских песен и постановка драматических произведений.

Сначала было актерское исполнение песен: еще во время учебы в театральном училище в Гизене близ Франкфурта-на-Майне, где его руководителем был проф. Анджей Вирт, поляк по происхождению, А.Оходло исполнял зонги Брехта, Бреля и первым стал петь по-немецки баллады Окуджавы и Высоцкого. Свое исполнительское мастерство он совершенствовал в 80-е годы в Польше — в вокально-актерской студии при Музыкальном театре в Гдыни. Выдающаяся польская певица Халина Мицкевич, ныне уже покойная, не только учила его петь, но и помогла обосноваться в Гдыни, а замечательный польский актер Генрик Биста поначалу даже давал ему уроки на немецком языке.

Песни на идише в исполнении Оходло стали воскрешением исчезнувшего, уничтоженного мира. В них — отзвуки еврейских праздников, мистическое вдохновение, любовные восторги, глубокая меланхолия и стенания обреченных на гибель. Актер-медиум голосом воскрешает своих героев. Его голосом их тени, а пожалуй, и они сами смеются, плачут, любят, мечтают и спорят с Богом. Это не фольклор, извлеченный из сундука, но насыщенный эмоциями, исполненный экспрессии актерский спектакль, усиленный характерным звучанием клезмерских инструментов. В репертуаре Оходло — песни, выросшие из подлинной культурной плоти, в частности созданные родившимся в Черновцах Ициком Мангером, «князем еврейской поэзии», и Мордехаем Гебиртигом, бардом краковского гетто, народные песни, а также другие, написанные уже в наше время. Музыка Эвы Корнецкой прекрасно вписывает их в рамки традиций, а аранжировка Марека Черневича приспосабливает к требованиям сегодняшнего слушателя. О том, насколько богат по содержанию этот репертуар, свидетельствует горячий прием, который ему сопутствует в Европе — от Черновцов до Парижа, — а также в Канаде и США. Сольная программа «Шалом» в Театральном училище в Минске привела к созданию совместной программы с капеллой «Минск клезмер-банд» из Белоруссии. Премьера этой программы состоялась в 2003 г. в варшавском Драматическом театре и была приурочена к 60-й годовщине восстания в варшавском гетто. Потом были Вроцлав, Берлин, Гамбург, Минск, Могилев и Гродно. Для исполнения песен Мордехая Гебиртига, программу которых А.Оходло готовит к «Театральному лету» 2004 г., он снова пригла-

сил инструменталистов из Белоруссии (гитара, ударные, кларнет, аккордеон, скрипка). В апреле 2004 г. он осуществил новую аранжировку программы «Шалом» со словацким ансамблем «Пресбургер клезмер-банд» из Братиславы. Свое вдохновение Андре Оходло черпает из соединения культур. Материалом его по-прежнему обеспечивает Центральная и Восточная Европа, где рождались эти песни. На стыке культур он находит их правду, в пейзаже — фон, а в людях — страстную увлеченность и... то неповторимое звучание, которое они волшебным образом извлекают из инструментов.

Выбираемые им к постановке пьесы — это тоже результат поисков в самой широкой амплитуде эмоциональных страстей и животрепещущих вопросов. Экзистенциальный театр Беккета обозначил пространство драматургического суда над жизнью. Ибо театр, по мнению Андре Оходло, — это действительность особая, автономная, «щель бытия», пространство, не принадлежащее ни жизни, ни небытию, как раз между небом и землей... Он должен волновать, вызывать дрожь, обнаруживать неожиданное и загадочное в нас самих.

В репертуаре уже есть спектакли «Концовка» Беккета и «Ночь и сны», в основе которого четыре одноактных пьесы, а в текущем году появятся еще и «Счастливые дни». Оходло обращается к современной драматургии, особенно немецкоязычной. Тематически она часто обращена к еврейской травме — синдрому уцелевших и жертв, — но и к общечеловеческим проблемам. На сцене можно увидеть, в частности, спектакли: «Гамлет-Машина» и «Квартет» Хайнера Мюллера, «Юбилей» и «Юдифь» Фридриха Геббеля, «Цианистый калий» из фрагментов пьес Фридриха Вольфа, Бертольда Брехта и Фридриха Шиллера, «Серый ангел» Морица Ринке и «Вейсман и Краснолицый» Георга Табори. Есть также «Звезда за стеной» польского автора Яцека Ст. Бураса, «Демоны» Ларса Норена, спектакль «До дна» по пьесам «Чинзано» и «День рождения Смирновой» Людмилы Петрушевской, а также «Археология» живущего в Берлине русского драматурга Алексея Шипенко.

Спектаклям Андре Оходло родственна атмосфера театра экспрессии Брехта, театра абсурда Жене и театра смерти Кантора. Имманентный элемент спектаклей — зонги. Их то лирическая, то колющая выразительность придает сцене драматизма. Преувеличенно яркие, часто гротескно-вульгарные действующие лица — это куклы, манекены, внешняя оболочка наших переживаний. Спираль эмоций, протестов, сентиментальности и жестокости раскручивается в вихре собственного внутреннего ритма и превращает чудовищный гротеск в тревожную красоту, тем более выразительную, что она вырастает на фоне неподвижной, не меняющейся сценографии. Этот постановщик мыслит о спектакле образами. Иногда это элементы действительности, включенные в пространство сцены: морской берег, листья, песок.

Режиссер ставит свои спектакли и в других театрах. В последнее время он сотрудничает с чешским театром в Остраве. Там он собирается ставить пьесу Людмилы Петрушевской. Мечтает он и о постановке фундаментальных для театра текстов, в том числе из русской драматургии. С этой драматургией он познакомился в оригинальном исполнении, на сценах Театра на Таганке и «Современника» во время своего трехмесячного пребывания в Москве в 1983 году. Начался его режиссерский опыт как раз с работы над пьесой Чехова «Три сестры».

Она

После спектакля «Вейсман и Краснолицый» она задержалась в баре, совсем на чуть-чуть... но оказалось — до конца. Смерть наступила в 1997 году. А перед этим была замороженность пограничностью бытия и небытия, гребнем существования — в чем и состоит суть театра Андре Оходло.

«Я вошла в какой-то сон, сюрреализм... Я очень рада, что сотрудничаю с этим театром», — писала она в газете «Глос Выбжежа» [«Голос Балтийского побережья»], а в «Газете гданьской»: «Театр „Ателье“ и работающие в нем люди меня увлекают. Они так молоды, а при этом занимаются такими серьезными делами, хотя бы вопросами столкновения культур и взаимоотношений между поляками, евреями, немцами. Есть у них и ведущая индивидуальность — Анджей Оходло...».

Музыкальный спектакль «Волки» Осецкая написала для него по мотивам прозы Исаака Башевица Зингера. «Вкус смерти» был создан по двум пьесам Эдуарда Олби. Осецкая считала, что, создавая зонги к этому спектаклю, она вступает в иную поэтику, возносясь над всем тем, что ею было в жизни сделано. Действительно, она прикоснулась к вопросам высшего порядка:

*Создал Господь Бог чудовище, чудовище,
каждая душа больна, и пора уже —
ха, ха, ха-ха, хо-хо —
пора кончать и исчезать,
пора театр закрывать, ага, хо-хо, хо-хо,
то смертушка идет, то смерть!*

(Перевод подстрочный)

Зонги к спектаклю «До дна» она с Людмилой Петрушевской согласовывала по телефону. К сожалению, они так никогда и не встретились: Петрушевская приехала в Сопот уже после смерти поэтессы. По словам Андре Оходло, Петрушевская восприняла спектакль как звучание двух голосов: голос жизни — свой, голос смерти — Агнешки Осецкой. До дна бокала — это и до края бытия, до границы на ту сторону... Последним драматургическим текстом Осецкой, поставленным уже после ее смерти, была пьеса «Драть пух-перо». Прогрессирующая болезнь заставляла ее подводить итоги жизни. Неясный онтологический статус главной героини пьесы, женщины по имени «А», раскрывает одновременность жизни и умирания, бытия и небытия в нас самих. Зонги Осецкой, написанные к другим спектаклям, чаще всего касаются именно этой внутренней, окончательной перспективы.

Труппа

Вначале это была компания друзей — энтузиастов из вокально-актерской студии во главе с Марексом Рихтером, оставшимся верным театру на протяжении следующих 15 лет. Затем присоединились энтузиасты из театров Гданьска, Гдыни и Сопота, а затем и со всей Польши и из других стран. Ибо Андре Оходло требует от актеров энтузиазма, полной преданности и открытости. С удивительной легкостью ему удается находить таких, даже в последнее время, когда уже не только сезонный по определению театр «Ателье», но и другие театры работают все лето. Актеров привлекает атмосфера театра, трудный — ибо в нем есть вызов — репертуар и миф Сопота. На роль Леши в «Археологии» и Константина в «Сером Ангеле» он пригласил Геннадия Митника из московского Драматического театра им. Станиславского. Актер играл и по-польски, и по-русски. В «Счастливых днях» выступила живущая во Франции Богумила Шуберт. «Заболели» этим театром и музыканты, сценографы, да и все, кто с ним соприкасался. Здесь охотно представляют свои песни барды, например, Яромир Ногавица — чех из Остравы, здесь пел и недавно скончавшийся Яцек Качмарский — легенда «Солидарности». Все началось с созданного энтузиастами в 1989 г. фонда «Арт-2000». Через этот фонд средства поступают настолько успешно, что в текущем году театр отмечает 15-летие своей деятельности.

Андре Оходло словно объединяет в себе самые разные традиции. Это получает свое отражение в театре, где он устремляется вглубь, к общему, универсальному коду. Странник и, как он говорит о себе, «беспокойный дух», он и театр свой основал на дороге, на пограничье культур, на краешке прошлого и настоящего — в безвременье, на кромке бытия. На пороге кристаллизации формулы общего европейского наследия он как будто издевается над политиками, совершенно беспомощными перед этим воистину объединяющим пространством.

Гжегож Пшебинда

РУССКИЕ ИДЕИ И ВОЙСКА

Русская мысль в понимании Исая Берлина

Книга Исая Берлина «Русские мыслители» состоит из десяти замечательных эссе об известных и некогда влиятельных представителях левого крыла русской интеллигенции XIX века: Герцене, Тургеневе, Белинском, Бакунине, Лаврове, Михайловском и Льве Толстом. Есть в ней и тексты более общего характера: «Россия и 1848 год», «Герцен и Бакунин о свободе личности», рассказы о народниках и проблемах либерализма в России (на примере духовных перипетий Тургенева). Русские идеи середины XIX века, изложенные британским либералом, не теряют своей актуальности и в начале нашего столетия.

Лисица, которая хотела быть ежом

Хотя у Толстого было очень мало общего с близким сердцу Берлина либеральным идейным течением, он был любимым русским писателем сэра Исая. Эссе о Толстом, озаглавленное «Еж и лисица», — одно из лучших в сборнике. В заголовок Берлин вынес цитату из греческого поэта Архилоха: «Лисица знает множество вещей, а еж одну, зато большую». По его мнению, эта фраза отражает коренное различие между двумя типами писателей и мыслителей всех времен и народов, а может быть, даже описывает разницу между людьми вообще. Первый тип (еж) сводит все к одному главному принципу, конструирует системы, является приверженцем «центростремительного» метода. Представители второй категории предпочитают разнообразные, часто не связанные между собой и противоречащие друг другу, т.е. «центробежные», цели. Можно сказать, что авторитарные «ежи» склонны видеть в истории «разумную необходимость», в то время как либеральные «лисицы» решительно предпочитают самое жизнь с ее свободой выбора и разнородностью.

Любопытен берлиновский список «ежей» и «лисиц». В первую категорию философ включил Данте, Платона, Лукреция, Паскаля, Гегеля, Достоевского, Ницше, Ибсена и Пруста (все они «ежи» в разной степени). Во вторую, «лисий» категорию входят Геродот, Аристотель, Монтень, Эразм Роттердамский, Мольер, Гете, Бальзак, Джойс и Пушкин (последний даже назван «архилисией»). Что касается Льва Толстого, то, по мнению Берлина, это лисица, стремив-

шаяся стать ежом. Гегелевская историософия «Войны и мира» была для автора романа чем-то внешним. На самом деле его интересовали люди и разнообразие их характеров: Андрей Болконский, Пьер Безухов, Наташа Ростова... Истинная жизнь складывается из «мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей». Конкретность и многоцветность жизни находятся в явном противоречии с туманными рассуждениями социологов и историков. Так считал в глубине души Толстой, хотя, увы, и он не избежал влияния бесчеловечных схем.

В «Русских мыслителях» ясность метода (согласно которому ценность мировоззрения определяется качеством заключенного в нем либерализма) сочетается с красотой формы. В каждой фразе и замечании сквозит глубокое понимание России и русской мысли, но, когда нужно, раздаются и слова суровой критики. В мире идей России Берлин чувствует себя как дома. Он спорит с ее мыслителями как со своими современниками, испытывая при этом отвращение к политическому пространству бывшей империи, к деспотам и тупым чиновникам. С таким же пониманием и критичностью относится он и к европейской философии XIX века — старшему брату всей русской мысли позапрошлого столетия.

В доказательство приведем целиком фрагмент, касающийся «тайн» Гегеля и Шеллинга: «Нелегко читать труды ранних немецких романтических мыслителей: Гердера, Фихте, Шеллинга, Фридриха Шлегеля и их последователей. Трактаты Шеллинга, некогда вызывавшие всеобщее восхищение, подобны темному лесу, в который я не советую углубляться — *vestigia terrent* (следы пугают): слишком много искателей забрело туда, чтобы уже никогда не вернуться. Трудно, однако, понять искусство и мысль того периода — не только в Германии, но и в Восточной Европе и России, которые де-факто были немецкой интеллектуальной провинцией, — не принимая во внимание совершенного этими метафизиками (особенно Шеллингом) глубокого перелома в мышлении: от механистических концепций XVIII века к интерпретации в эстетических и биологических категориях». Подобные замечания особенно ценны в той части книги, где Берлин пишет о столкновении мятежного романтизма с европейским мещанским прагматизмом.

Противоядие против детерминизма

Послесловие к книге «Русские мыслители» написал польский философ и знаток русской философской и общественной мысли Анджей Валицкий. Он познакомился с Исаией Берлином в оксфордском колледже All Souls 44 года назад, а затем систематически изучал его труды. В своем послесловии он доступно описывает либерализм Берлина. Средоточие его мировоззрения — это апология т.н. негативной свободы («свободы от»), которая при справедливом общественном устройстве должна царить безраздельно — по крайней мере в сфере человеческой приватности. Название не должно вводить читателя в заблуждение: «свобода от» по Берлину — это в сущности единственная свобода. В его концепции личность чувствует себя свободной не только от принуждения, но и вообще от какого бы то ни было вмешательства извне. Однако похвала «свободе от» не сочеталась у него с оправданием вседозволенности в экономической сфере (лессеферизмом). Наоборот, британский мыслитель был убежден, что современное государство второй половины XX века должно вмешиваться в экономику (хотя и разумно, в весьма ограниченной степени). Валицкий пишет: «Его позиция по вопросу о негативной свободе не означала требования невмешательства государства в дела рынка (...) Берлиновская критика позитивной свободы не была направлена против социальных программ, призванных обеспечить индивидуумов материальными средствами, чтобы они могли пользоваться свободой; она лишь противилась государственному патернализму».

Польский историк общественной мысли прекрасно показал также политический контекст берлиновских эссе о русских мыслителях XIX века, написанных в 1948–1973 гг., т.е. частично в сталинский период. Размышления о Белинском и Герцене, которые «отважились выступить против гегелевской исторической необходимости, не признавая ее санкцией нравственного зла», были протестом самого Берлина против оправдания сталинизма как «исторической необходимости». К сожалению, оправдание преступлений политиков теорией необходимости было характерно не только для партийных верхов Восточной Европы. Подобные тезисы выдвигали в то время и влиятельные западные мыслители, особенно во Франции. Валицкий пишет об этом так: «Благодаря кестлеровской „Спящей тьме“ уже нельзя было прикидываться ничего не знающими об ужасах большой чистки, однако можно было — как сделал это выдающийся феноменолог Морис Мерло-Понти в книге „Гуманизм и террор“ (1947) — оправдывать эти преступления высшей необходимостью, открытой и обоснованной марксизмом — единственной философией, позволяющей сохранить веру в смысл истории».

В свою очередь в Англии считали, что хотя «закон исторической необходимости» и не действует на берегах Темзы, но для описания восточноевропейских реалий им можно пользоваться. Таково зеркальное отражение хода мысли царского цензора, который в 1872 г. разрешил опубликовать в России первый том «Капитала». Ему казалось, что кошмарная действительность, описанная в трактате Маркса, существует только в Западной Европе... Сегодня «русские» эссе Берлина можно рассматривать в качестве противоядия как против детерминистического гегельянства Мерло-Понти и Сартра, так и против политического расизма Рассела.

Русская армия в Европе

Особого внимания заслуживает синтетическое эссе «Замечательное десятилетие», повествующее о зарождении русской интеллигенции. Берлин считает, что это произошло после победной войны России с Наполеоном. Именно тогда в умах русских офицеров, впоследствии декабристов, впервые появилось чувство национального достоинства. К счастью, ему сопутствовала ответственность за ужасающее положение внутри империи. Берлин пишет: «В истории русской мысли победа над Наполеоном и поход на Париж — события не менее значительные, чем петровские реформы. Благодаря им Россия обрела сознание национального единства, почувствовала себя великим европейским народом, признанным другими, и поняла, что она вовсе не масса презренных варваров, сгрудившихся за какой-то китайской стеной (...) Неизбежным следствием волны патриотизма был рост чувства ответственности за царящие в России хаос, грязь, нищету, убожество, бездарность, жестокость и ужасающий кавардак».

Следующей вехой стал для России 1825 год. После подавления восстания декабристов самодержавный деспот Николай I решил, что он — монарх, поставленный Провидением для борьбы с атеизмом, либерализмом и революцией. Когда в 1848 г. в Берлине вспыхнуло народное восстание, царь заявил, что не впустит чуму в Российскую империю. В эссе «Россия и 1848 год» Берлин рассказывает, как Николай послал в охваченную революцией Венгрию 200-тысячную армию Паскевича: «Русская армия под командованием Паскевича задушила венгерскую революцию. Российское влияние сыграло решающую роль в расправе с революцией и в других провинциях Австрийской империи и Пруссии. Могушество России в Европе, а также ужас и ненависть, которые она порождала в сердцах заграничных либералов и конституционалистов, достигли предела. В этот период Россия была для демократов приблизительно тем, чем в наши дни стали фашистские державы, — врагом номер один свободы и просвещения, средоточием невежества и гнета, страной, чаще и резче всего осуждаемой ее собственными сынами, живущими в изгнании».

Подобные справедливые утверждения Берлина значительно ослабляют тезис об отсутствии всякой связи между имперской политикой царей и агрессивным деспотизмом большевистского периода. К сожалению, история любит повторяться (особенно в своем имперском варианте). Сегодня военную интервенцию Николая I в 1849 г. можно рассматривать как первую попытку расправы имперской России со свободной Венгрией. Не повторилось ли то же самое в 1956 году? Армия Хрущева продолжила в Будапеште тот процесс, начало которому положил в России и Европе император Николай I. Царь делал это во имя Бога и престола, партийный генсек — во имя революции и атеизма.

Бакунин и Сикстинская Мадонна

Один из главных отрицательных персонажей «Русских мыслителей» — Михаил Бакунин (1814–1876). Этот якобинец и анархист «милостью Божьей» любил говорить о своих связях с... Люцифером. Берлин в свою очередь сравнивает его с Марксом, которого Бакунин искренне ненавидел — особенно после того как в 1848 г. Маркс опубликовал в «Новой рейнской газете» статью, где писал, что Бакунин — агент русского правительства. Более того, впоследствии Маркс обвинил его (совершенно несправедливо!) в присвоении денег, выделенных на русский перевод «Капитала». Берлин очень не любил беспорядочную доктрину Бакунина. Он говорил, что его мысль, «неизменно простая, ясная и поверхностная», «восстающая против гегельянства и явно ненавидящая христианство», — в сущности не более чем «примитивный конгломерат того и другого». Подобно Самсону XIX века Бакунин «призывал сброд из полусвета, а особенно волнующееся крестьянство, всевозможных Пугачевых и Разиных, восстать и разрушить храм зла и несправедливости». Берлин считает, что в России этот «храм зла» действительно существовал, однако метод Бакунина, который призывал к мерам вроде вооруженного бунта сыновей против отцов, неизбежно привел бы к появлению нового деспотического антигосударства.

Впрочем, Исайя Берлин умеет и восхищаться — например, ораторскими способностями Бакунина, который мог сделать пламенным революционером даже осла. «В Москве он охотно превращал спокойных студентов в дервишей, экзотических искателей эстетической и метафизической цели. В дальнейшем он применял свой талант в еще более широком масштабе, работая с наименее перспективным человеческим материалом — швейцарскими часовщиками и немецкими крестьянами, которых он заразил невероятным энтузиазмом. Ни до, ни после него никому не удавалось извлечь из них что-либо подобное». Следует добавить, что Бакунин был не только теоретиком революции, но и по-

чти профессиональным революционером. Правда, иногда ему приходили в голову довольно нелепые идеи. Одну из них описывает Герцен в «Былом и думах»: в мае 1849 г. во время осады Дрездена Бакунин советовал взявшимся за оружие профессорам, музыкантам и фармацевтам выставить на городские стены Сикстинскую Мадонну Рафаэля и картины Мурильо. Тогда пруссаки, воспитанные в чересчур классическом духе («zu klassisch gebildet»), не будут стрелять.

Отвергнутые мыслители

Этико-полемическое острие книги Берлина направлено против «исторической необходимости», как правило заводеющей на Соловки. Автор был убежден, что потенциальным источником вдохновения диктаторов может быть не только гегельянство, но и религиозная *philosophia perennis* (вечная философия). Как пишет в послесловии Валицкий, Берлин обвиняет обе идеологии в «универсалистском абсолютизме» (противоположном «плюрализму ценностей») и склонности к установлению «единого господствующего критерия общественных действий». Ни диктатура пролетариата, ни теократия не оставляют места для негативной свободы человека. Зато они провозглашают «позитивную свободу»: коммунисты говорят об «осознанной необходимости», а теократы о «свободе в истине». Валицкий защищает эту либеральную концепцию Берлина и добавляет в его духе: «Допустимо и даже необходимо ограничивать свободу личности во имя других ценностей, таких, как справедливость, равенство, счастье, безопасность, общественный порядок. Однако эти ценности всегда надо называть, а не маскировать ограничение свободы ссылками на высшую позитивную свободу».

Представляя в своем авторском изложении идеи Белинского и Герцена, Берлин подчеркивает основные либеральные элементы их мировоззрения. В трудах позднего Белинского и Герцена после 1848 г. такие элементы действительно встречаются, хотя ни один из этих мыслителей отнюдь не был таким певцом свободы и персонализма, какими хотел бы их видеть Берлин. В то же время британский ученый не побоялся с симпатией отозваться о «робеспьерстве» молодого Белинского, а также (что уже вызывает у меня бурный протест) выразил восхищение террористическими методами народников, прославившихся, в частности, тем, что в 1881 г. они убили царя-реформатора Александра II. В результате в России наступил период реакции, завершившийся большевистской революцией — лекарством похуже самой болезни. Любопытно, что эта замороженность Берлина народничеством коренится в его довольно своеобразном (только в этом случае) методе актуализации идей. Чтобы объяснить это явление, Валицкий вспоми-

нает свои встречи с Берлином в середине 60-х: «Он живо реагировал на рассказ одного из своих докторантов, бывшего участника еврейского движения сопротивления на британской мандатной территории в Палестине, об огромном впечатлении, которое произвел на него русский перевод „Плани“ Станислава Бжозовского — романа о героических террористах-народовольцах». А что было бы, если бы потом Берлин услышал, что на героические террористические традиции Желязова и Перовской ссылается какой-нибудь палестинский террорист, получивший образование в бржевском СССР?

Бросается в глаза недоверие исследователя к любой (не только русской) религиозной философии. Неужели все, что связано с *fides*, было только элементом тоталитарной «*philosophia perennis*»? Либерал и агностик Валицкий придерживается иного мнения: «Что касается этой проблемы, то тут наши взгляды расходились. К сожалению, отношение Берлина к религиозным мыслителям доказывало, что в этой области его способность проникнуться взглядами другого весьма ограничена. Впрочем, он сам называл себя человеком „безнадежно мирским“ и признавал, что у него нет „понимания“ к мистическому богословию в стиле Владимира Соловьева». Добавим, что такую же неспособность проникнуться взглядами другого Берлин продемонстрировал, когда назвал Достоевского «ежом». Каждый, кто знает драматические сюжеты романов Достоевского и кому хоть раз удалось вчувст-

воваться в судьбы его героев («отрицательные» персонажи часто отстаивают мнения «положительных», и наоборот), может сказать: «Достоевский — это ночная лисица, которая днем хотела быть ежом». Однако Берлин, по его собственному признанию, никогда не искал ответа на окончательные вопросы, которые так волновали Достоевского. Ему было достаточно «пред-окончательных вопросов» Тургенева.

Последнее эссе об авторе «Отцов и детей» кажется мне самым ценным во всем сборнике. Описательный метод тесно соединился в нем с предметом — наконец-то читатель видит не только красоту стиля и способность проникнуться взглядами другого, но и *adaequatio intellectus et rei*. В России Тургенева как мыслителя центристского отвергли и революционные левые, и реакционные правые. Слева его не любили Добролюбов и Чернышевский, справа — Катков и Достоевский. Берлин считает, что «сегодня» сочинения Тургенева должен знать каждый, кто хочет понять прошлое и настоящее России: «Независимо от своих литературных достоинств, романы Тургенева, особенно „Отцы и дети“, — это документ, ключ к прошлому России и нашему настоящему, такой же важный, как комедии Аристофана для понимания древних Афин или письма Цицерона и романы Диккенса и Джорджа Элиота для понимания Рима и викторианской Англии». Чтобы писать такие слова, нужно обладать огромной интеллектуальной смелостью и эстетическим вкусом и в то же время глубоко понимать Россию и желать ей счастья в добрых начинаниях.

Исайя Берлин. «Русские мыслители» Варшава, «Прушинский и Ко», 2003 (на польск. яз.). Пер. Сергиуш Ковальский; эссе «Еж и лисица» пер. Анджей Конарек, Генрик Кшечковский и Кристина Тарновская.

К сожалению, хорошие переводы несколько портит отсутствие внимательной корректуры. Например, в содержании одна из глав называется «Россия и 1948 год» (вместо 1848). На с.328 можно прочесть, что в 1945-1946 гг. И.Берлин встречался в Москве с Леонидом Пастернаком, в то время как речь, разумеется, идет о нобелевском лауреате Борисе Леонидовиче Пастернаке, а не о его отце-художнике. Особенно же обидно, что автор именного указателя принял фигурирующего на с.12 Николая Анненкова, посредственность и председателя репрессивно-цензурского Комитета 2 апреля, за Павла Анненкова, автора важного для И.Берлина эссе «Замечательное десятилетие».

Кшиштоф Бурнетко

«ПРЕСС»: СМИ, РЕКЛАМА И ПИАР

Журналистов, специалистов по рекламе и пиару в Польше несколько десятков тысяч. Казалось бы, специализированный журнал, адресованный столь узким, а вдобавок обладающим взаимно противоречивыми интересами профессиональным группам, имеет малые шансы сохраниться на рынке. Между тем ежемесячный журнал «Пресс» прекрасно справляется с делом. Недавно он отметил выход юбилейного, 100-го номера.

Идея пришла в голову Анджею Сквожу, по образованию философу, а по влюбленности в дело — журналисту, который сначала работал в позна-

ском отделении самой крупной ежедневной газеты — «Газеты wyborczej», а потом с группой друзей попробовал основать, опираясь на деньги одного из крупнейших польских частных банков, еще один еженедельник аналитического толка, каких в стране уже немало. Однако банк отказался от этого замысла, и Сквож основал собственную фирму, которая должна была консультировать региональные газеты, как проводить газетные кампании и добывать рекламу, а также помогать им в решении юридических и этических вопросов, возникающих в рамках журналистики. Тогда-то он и осознал, что в Польше нет форума, где начальство СМИ и журналисты могли бы обсуждать тенденции в их отрасли, отношения между издателями и редакциями, с одной стороны, и рекламодателями — с другой, а также нормами, которые должны действовать в сфере этих профессий. Нет по-польски и литературы на эту тему. Вывод был очевиден: может быть, найдутся желающие выпускать журнал, занимающийся такой тематикой. Концепция была тоже простая, вспоминает сегодня Сквож: «Пресс», как он назвал журнал, «должен был объединять СМИ, рекламу и пиар, ибо эти отрасли действуют неразрывно, и в то же время представлять каждую профессию отдельно. Представлять хорошую журналистику журналистам, тенденции в рекламе — сотрудникам рекламных агентств, а знания о пиаре — пиарщикам». Вопрос был, где взять денег на, казалось бы, узкого профиля журнал. Однако, пользуясь своими прежними связями, Сквож договорился, что расходы на бумагу, рассылку и рекламу журнала он покроет рекламными объявлениями по бартерной системе. С типографией договорился, что за первые три номера платить не должен. Редакция помещалась в одной комнате, располагала лишь тремя компьютерами, а программистам приходилось одалживать. Сегодня расходы на издание журнала — а он со временем стал объемным, издается на прекрасной бумаге, в цвете, — полностью покрываются рекламой.

С самого начала «Пресс» стремился соединять информацию и публицистику. Кроме постоянного обзора событий в области СМИ, рекламы и пиара (о перемене владельцев и личного состава редакций и агентств, о новосозданных и потерпевших крах периодических изданиях, радиостанциях и телеканалах, о премиях в данных отраслях и т.п.) «Пресс» систематически следит за тиражами, за показателями числа слушателей и зрителей электронных СМИ. Но особо ценятся в профессиональной среде рубрики, в которых эксперты оценивают привлекательность новых изданий и рекламных девизов, а также выбирают из печати лучшую за месяц фотографию. Специальностью «Пресса» стало представлять самые знаменитые в мире периодические издания — как те, что считаются «создающими общественное мнение» (например, почти снобистские «Интернэшнл геральд трибюн», «Нойе цюрхер цайтунг», «Нью-Йоркер», «Таймс» или такие влиятельные, как «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс»), так и таблоиды (особенно ведущие в этом жанре английские и немецкие) или же местные газеты. По тому же принципу «Пресс» описывает «кухню» самых

крупных или чем-то особо характерных радиостанций и телеканалов всего мира (от европейского «Арте» через катарскую «Аль-Джазиру» до британского, но действующего как всемирное «Би-Би-Си уорлд» и американских Пи-Би-Си, государственного телевидения, и Си-Эн-Эн — коммерческого).

Эти тексты носят характер не только познавательный, но иногда и позволяющий польским редакциям и журналистам делать сравнения или прямо находить инструкции. Зачастую они служат исходной точкой обсуждения наднациональных проблем современных СМИ, таких, как концентрация собственности, отношения между владельцами и принадлежащими им редакциями, отношения с миром политики (здесь одним из анализируемых примеров была история российских «олигархов» и их СМИ и описание их конфронтации с командой президента Путина), границы приватности публичных деятелей, допустимость политической ангажированности журналистов, характер судебных и уголовных репортажей, значение внутрикорпоративного регулирования, методы, допустимые в журналистских расследованиях, профессиональное обучение молодой поросли и т.п. Выявляются также тенденции, господствующие в СМИ, — и демонстрируются их потенциальные результаты (речь идет, к примеру, о газетомании, электронных вариантах газет или прогрессирующей «табленизации» даже тех изданий, что считались до сих пор серьезными).

Выработка профессиональных стандартов журналиста (а также работника рекламы и пиарщика) стала в коллективе «Пресса», пожалуй, центральной задачей. При этом речь идет как о чисто профессиональных (чтобы не сказать технических) правилах, так и об этических. «Пресс» положил начало дискуссии в профессиональной среде, где обсуждались, в частности, стиль и язык публицистической полемики, принципы, которые должны действовать в житейских контактах представителей СМИ с политиками, значение профессиональной солидарности — и опасности, какие несет с собой ее ложное понимание, приемы манипулирования информацией и т.п.

За восемь лет своей деятельности «Пресс» вдобавок учредил самую ценимую ныне в Польше премию для журналистов — «Гран-Пресс» (называемый «польским Пулитцером»). Ее присуждают по категориям: «журналист года» (выдвигать кандидатуры могут редакции печати, радио и телевидения со всей страны — в этом году кандидатов было 90, а победитель, кроме лавров, получает 10 тыс. долларов), а также новости, журналистское расследование, публицистика, телерепортаж, радиорепортаж и специализированная журналистика (победителя среди кандидатов, выдвинутых редакциями, определяет жюри). Лауреатами наград «Пресса» были, в частности, всемирно прославленный репортер Рышард Капустинский (за творчество в целом, в том числе за посвященную России книгу «Империя») и недавно убитый в Ираке военный корреспондент Польского телевидения Вальдемар Милевич (в частности, за репортажи о военных действиях в Чечне и Абхазии, а также о жителях Семипалатинска, получивших облучение от испытаний на атомном полигоне и страдающих лучевой болезнью).

К каждому номеру журнала приложен компакт-диск с набором лучших телевизионных реклам и журналистских промахов истекшего месяца. Новая сфера деятельности «Пресса» — ежедневный платный интернет-сервис о событиях в отраслях СМИ и рекламы, а также «Библиотека СМИ», в которой выходят справочники для журналистов и редакторов, сборники правовых установлений, относящихся к СМИ, и т.п.

Едва вышел первый номер «Пресса», как профессиональная среда забурилась. Самым частым вопросом было: кто за этим стоит? С ходом времени всякий, кто подвергся здесь критике: частное и государственное телевидение и самые, казалось бы, серьезные бумажные издания, — утверждал, что за этим стоит его конкурент. Эти подозрения всего лишь подтвердили, что журналу удастся сохранять объективность и независимость.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Польша «вернулась» в Европу, что, разумеется, стимулирует воображение публицистов и эссеистов. Вступление в Евросоюз неизбежно меняет политическое и экономическое положение страны. Но в то же время встают вопросы о том, какую роль предстоит сыграть внутри ЕС новым странам, насколько они будут влиять на преобразование его структур, какие ценности внесут и какие им достанутся выгоды от участия в сообществе. Будет ли ограничен суверенитет отдельных стран? Будут ли экономически развитые страны произносить решающее слово в делах стран более бедных? Подобных вопросов в текущей публицистике появляется все больше.

В последнем номере вроцлавской «Одры» (2004, №5), который открывается — символически? — фрагментом перевода «Божественной комедии» Данте, заслуживающей внимания показалась мне статья Адама Хмелевского «Трудное возвращение в Европу»:

«Однажды Махатму Ганди спросили, что он думает о западной цивилизации. «Это была бы неплохая идея», — ответил он. Трагедии XX века оправдывали осуждение Запада, содержащееся в ответе Ганди, который верно давал понять, что от отцовства этих трагедий не может отречься вся западная «цивилизация» — не только Германия, но и другие могущественные народы Европы. Несколько десятков лет спустя страны, ответственные за катастрофы XX века, сделали выводы из своей истории и стали источником надежды. 1989 год дал этой надежде шансы на осуществление (в значительной мере благодаря борьбе поляков за свободу — борьбе, проводившейся теми методами, которые в свое время предлагал Ганди). Европа получила возможность созидать новую западную цивилизацию, которая встретила бы поддержку Ганди. Речь идет о цивилизации, управляющейся законами, которые служат каждому, а не только самым сильным. Это надежда не для одной Европы, но и для всего мира».

Как мы видим, глобальная перспектива начинает господствовать. Это представляется неизбежным. В фильме Анджея Титкова «По подобию Яцека», показанном по телевидению в день смерти Яцека Куроня, одна из ближайших его сотрудниц, Иоанна Щенская, сказала, что когда Яцек счел проблемы Польши, в общем, решенными, то «его начал волновать весь мир». И трудно не волноваться, когда взаимозависимость отдельных стран и регионов становится все более очевидной. Однако в то же время она заставляет по новому формулировать вопросы международных отношений и само понятие политики. Хмелевский пишет:

«Тайна предшествующего, а также будущего (хотя в нем нельзя быть уверенным) успеха Европы — это попытка включить в реалии международной политики новое понимание политического единства. Единство, как и свобода, выступает в двух видах. Существует единство навязанное или вынужденное и единство, выработанное путем переговоров или в процессе аргументации, имеющей целью взаимопонимание: единство навязанной догмы и единство достигнутого в переговорах компромисса».

Понятно, что только второе решение создает условия для того, чтобы использовать шанс «новой западной цивилизации». Куронь подчеркивал, что он человек «позитивного компромисса», и думаю, что это понятие сегодня стоит выдвинуть на первый план: позитивный компромисс, по Куроню, — это такой компромисс, в котором нет стремления, чтобы одна из сторон что-то теряла, зато обе стороны что-то приобретают. Единство, достигаемое путем таких переговоров об условиях сосуществования и сотрудничества, дает всем участникам чувство участия в создании сообщества, стимулирует творческие, а не разрушительные силы. К этим разрушительным силам несомненно принадлежит национализм. Хмелевский это подчеркивает:

«Европа, на которой лежит вина за бедствия XX века, должна быть заинтересована в том, чтобы одержать верх над национальными амбициями, которые представляли и представляют для нее угрозу. Она стремится достичь этого «бегством вперед», к наднациональному и надгосударственному организму, который основан на принципах, вытекающих из второго понятия единства, и, в немалой степени уважая национальные амбиции, в то же время направляет их и преобразует антагонизмы, до сих пор бывшие разрушительными, в антагонизмы творческие».

Как считает автор, поляки этого не понимают и тем самым не способны сделать существенным вкладом в новый проект цивилизации тот выигрыш, каким был успех «круглого стола» 1989 года. Характеризуя позицию властей Польши на переговорах о вступлении в ЕС, Хмелевский пишет:

«Истоки бездарности правительства нужно искать не в слабости бывшего премьер-министра, который считался человеком сильным, а в интеллектуальной слабости концепции роли Польши в мире. (...) Польша сыграла серьезную роль в ослаблении Евросоюза, беспрекословно став на сторону Америки. Это решение официально было принято в заботе о польской национальной безопасности, которую ЕС, лишенный общей внешней и оборонительной политики, не в состоянии нам обеспечить».

Это, однако, не меняет того факта, что, как пишет Хмелевский, «польская внешняя политика допустила серьезные ошибки». Чтобы их исправить необходимо, по его мнению, выполнить следующие требования:

«1. Безоговорочно и как можно скорее принять конституционный договор.

2. Решительно включиться в созидание европейской внешней и оборонительной политики.

3. Отменить хотя бы некоторые шаги, которые в результате крупных расходов на военные цели превращают Польшу в странную милитаризованную зону (...).

4. Направить хотя бы часть этих средств на осуществление политики нововведений».

И, наконец, задача, которую невозможно недооценить:

«Польша должна также включиться в европейский проект «более широкой Европы», т.е. в создание кольца правильно управляемых стран к востоку от ЕС. В этом вопросе Польша может сыграть ключевую роль по геополитическим причинам: расширение Евросоюза совершенно изменит его восточную границу, которая будет состоять главным образом из границы Польши с Белоруссией и Украиной. Речь идет о том, что Евросоюз намерен повысить свою безопасность не за счет дальнейшего сильного присутствия США в Европе, а, в частности, благодаря кольцу стран, управляемых в соответствии с конституционными ценностями, творящими новое, послевоенное европейское самосознание, — свободой, демократией, соблюдением закона».

Совершенно иначе разбирается со своей «европейскостью» Яцек Бохенский, писатель, крепко укорененный в традициях античности, но не остающийся в стороне и от современных тем. В последнем номере краковской «Декады литерацкой» (2004, №2) он напечатал эссе «Может, и нету, но пусть будет. Ответ на вопрос: что значит быть европейским писателем». Он начинает с анахроничного вопроса: «Я, европейский писатель. Ладно, ну и что?» — и, рассмотрев взаимосвязь понятий «писатель» и «литератор», продолжает:

«Через минуту, в эссе, которое сейчас возникает, мне придется к существительному «писатель/ writer» прибавить эпитет «европейский». European writer? Существует ли нечто такое? Мы знаем, сколько зависит в Польше от английских слов, которые мы так охотно принимаем и которые потом творят материальную действительность в соответствии со своей семантикой, всегда отличающейся от польской. Это тонкое различие, однако английский/европейский язык будет у нас творить бытие и определять нормы, тем более что он будет не столько английским/европейским языком (на этот счет у меня большие сомнения), сколько английским/всемирным, каковой он и есть уже. Выходит, не европейский писатель, а писатель в эпоху глобализации? Глобальный писатель? Да только в таком случае он уже не писатель! Он уже writer, занимающийся, вероятно, какой-то постлитературой. А мне важно, чтобы писатель в XXI веке оставался писателем, литература оставалась литературой, культура — культурой. (...)

Я писатель европейский, а если это не так, то хочу им быть. (...) Но, может, попросту польским. На этом вопросе надо остановиться. Один мой русский читатель, не западноевропейский, а русский, который значение слова *писатель* (по-русски в тексте. — *Пер.*) понимает наверняка лучше, чем я, сказал мне однажды, что нет смысла так мучиться над языком, как я наверняка мучусь. (...) ...зачем весь этот труд, спрашивал он, над мало кому известным языком, который сразу надо переводить на другие языки? Сегодня, в интегрирующемся мире новейших средств связи и информации, нужны предложения, легко поддающиеся переводу, без изысканных фигур, стилистических особенностей, затруднительных метафор, короткие, простые, по возможности не многозначные предложения. Только такие хорошо выходят в переводе. (...) Русский выразил точку зрения, в известной степени американскую. А я не гоюсь в американские писатели/writer'ы польской национальности в Евросоюзе, что некоторым из нас может угрожать, а во всяком случае может некоторым причудиться. (...) Я, конечно, польский писатель, глубоко угнездившийся в польской речи, без которой не смог бы ни жить, ни сделать хоть шаг

в литературе. В то же время, если меня спрашивают, европейский ли я писатель, я не возражаю. Это, собственно говоря, просто. Нету никаких европейских писателей, которые не были бы писателями своих национальных литератур. (...)

Я пишу это в момент, когда Польша только что вступила в Евросоюз. Напоминаю о великой русской литературе на всякий случай, ибо политические акты временами мутят людям умы, но Евросоюз — это всего лишь союз, а Европа была и остается чем-то побольше. Красоту, богатство, подлинность Европы я вижу в многообразии языков, национальностей, культур, способностей. Да поймут меня правильно: к способностям я причислил бы также великолепную европейскую способность творить нечто такое, как ЕС. Россия этой способностью не обладает. Она часть Европы (культурной — наверняка) и в то же время не часть ее. Она не годится для ЕС, главным образом потому, что сама себя считает континентом, если не двумя».

После этого отступления Бохенский возвращается к главной нити своих рассуждений:

«Уже задолго до вступления Польши в Евросоюз я свободно путешествовал в том, что писал, не признавая границ между странами и даже историческими эпохами, в соответствии с принципом свободного распространения идей, личностей и услуг — хотя товаров, может быть, не совсем, но за товары я не отвечаю. (...) Почти во все книги, которые мне удалось написать, я неизбежно вклеивал какое-то путешествие, какую-то странствующую фигуру. То же самое и сны. Я их тоже вклеивал как бы помимо воли, незаметно для самого себя. И всякий раз в пустой след обещал себе, что этот раз — уже последний. Но без путешествий и снов я ни шагу. Это, наверное, свидетельствует о слабости сюжетного воображения. Вероятно, я вынужден его подшопывать туризмом и снами. Правда, только часть описанных странствий я совершил в действительности. Другую часть выдумал. Сны, как правило, выдумывал. Существует ли такой закон, по которому европейскому писателю не может без конца сниться родимая деревня, а должны иногда присниться Афины? И что там еще? Рим, аббатство Клюни, Эразм Роттердамский, аэропорт во Франкфурте-на-Майне? И тогда он — европейский?

С первых слов пишущегося здесь текста подозреваю, что понятие «европейский писатель» по существу пустое или по крайней мере расплывчатое, что в действительности ему не отвечает никакое конкретное означаемое, а мы просто стараемся доделать ему означаемые, постоянно другие, в другом умонастроении. Это напоминает мифическое «европейское самосознание», о котором мы не знаем, что оно такое, но верим, что оно есть, ибо нуждаемся в нем, чтобы жить в Евросоюзе и вместе со всей спасенной Европой в современном мире. И не перестаем искать это самосознание как товар первой необходимости. Существует же и наивная концепция европейскости с точки зрения провинциала. С этой перспективы провинция, где живет он, провинциал, не может быть Европой. Европа — это что-то получше провинции, какая-то отдаленная, высшая сфера, более высокий район, более высокие пороги, недоступные кому попало, предмет восхищения и зависти, а значит, также неприязни и ненависти. Мы знаем эти взгляды и чувства по Польше. Между тем современная Европа обожает провинцию и хотела бы максимально провинциализироваться. Это не единственная любовь Европы, но есть и такая. (...)

Поиски самосознания европейского писателя. Думаю, что литература, литературная критика, эстетика сами по себе не требуют категории «европейский писатель» и могли бы обойтись без ответа на вопрос, что он такое. Мне нет нужды это знать, чтобы писать, а читателям — чтобы читать. А что, если вдруг перестанут читать? И если с ценностью литературных произведений начинает твориться что-то такое, как со штампованными словами в языке? Китч и шедевр меняются местами. Разница между поваренной книгой, «Божественной комедией» и биографией писателя исчезает. Нам говорят, что всё одинаково — главное, сколько чего можно продать. Мы слышим, что критика не располагает полномочными критериями ценности, что эстетики нет, ибо не существует прекрасного. Наконец мы узнаём, что все континенты равны, нечего Европе ни выделяться, ни сосредотачиваться на себе, это заслуживающий порицания европоцентризм. И так далее.

Может быть, и нет в природе мифического «европейского писателя», есть только требование нашей психики, чтобы такое существо было. Есть, однако, важные обстоятельства, сопутствующие этому требованию. Есть определенная историческая ситуация на рассвете нашей эры. Мы хотим на сравнительно небольшом полуострове, называемом Европой, сохранить некий оказавшийся под угрозой вид культурной флоры, которая здесь когда-то принялась. Слушаю? Нету никакой такой флоры? Может, и нету. Но пусть будет, ибо она нам нужна».

Как бы то ни было, а я лично всем рекомендую перечитать «Скифов» Александра Блока. Тем временем отметим, что европейская конституция — при участии Польши — была принята.

**Наталья
Горбаневская**

ПАМЯТИ ЖАКА РОССИ

30 июня в Париже на 95-м году жизни скончался Жак Росси, автор всемирно знаменитого «Справочника по ГУЛАГУ» и замечательной книги рассказов «Ах, как была прекрасна эта утопия!». В юности, став убежденным коммунистом, а затем агентом Коминтерна, Жак провел затем 24 года в советских лагерях и ссылке и лишь в 1961 г. освободился и выехал в страну, где родился, — в Польшу, и уж только потом, в середине 80-х, смог поселиться во Франции, на родине своей матери и скончавшегося до его рождения отца.

Еще в страшных Норильских лагерях Жак-француз, как его называли в лагере, задумал сохранить память о ГУЛАГе, тайно составлял словарь лагерного языка. Потом он — все так же тайно — продолжал эту работу в Польше и наконец завершил ее на Западе.

«Справочник по ГУЛАГУ» — капитальный труд. В виде словаря в нем представлено описание всех тюремно-лагерных реалий ленинско-сталинской эпохи. По-русски впервые книга вышла в 1989 г. в «тамиздате», в лондонском издательстве «Оверсиз». Я получила «Справочник» из рук самого автора, с которым мы к тому времени, несмотря на немалую разницу в возрасте, стали друзьями. Он бывал у нас, в редакциях «Континента» и «Русской мысли», и особенно подружился с покойной Наташей Дюжевой, заместителем главного редактора «Русской мысли», которую ему довелось пережить, а через нее — и со мной.

Уезжая в том же 89-м году в отпуск, я взяла с собой «Справочник по ГУЛАГУ» и — по редакторской привычке — читая, делала пометы, опираясь на свой короткий, но более поздний тюремный опыт. Потом я сказала об этом Жаку, и он попросил меня дать ему этот экземпляр. «Я вам дам чистый», — заверил он. И не забыл: эта книга и сейчас стоит у меня на полке и нередко служит подспорьем в работе. А два года спустя, когда «Справочник» издавали в Москве, Жак учел мои пометки и оказал мне честь: записал меня редактором второго, исправленного издания. Мне самой «Справочник» Жака Росси оказал особую помощь, когда я взялась переводить его же книгу «Ах, как была прекрасна эта утопия!», в 2002-2003 гг. публиковавшуюся с продолжением в «Русской мысли». Позволю себе привести цитату из моего послесловия от переводчика.

«В прошлом году, навестив Жака в приюте у польских монахинь в Париже, я сама предложила ему, что возьмусь переводить отрывки из его книги. Но потом наступили долгие колебания: да стоит ли? да ведь все уже всё давно знают, всё давно читали — и у Солженицына, и у такого множества авторов воспоминаний и исследований... Я решила попробовать: ну выберу какие-то самые интересные кусочки, на два-три номера... Начала — и не могла остановиться (дополнительно вдохновляемая отзывами читателей). (...)

Думаю, чудо рассказов Жака Росси состоит в том, что мы не воспринимаем их как „мемуары“, да и себя не чувствуем „читателями мемуаров“. Автор каждый раз делает давнопрошедшее время настоящим, неумолимо погружая и нас в него, приобщая к голоду, холоду, к тесноте барака и камеры, к судьбам его (наших!) соседей по нарам, к своим заблуждениям и своему постепенному прозрению.

...переводила я довольно свободно, учитывая, что книгу Жак писал в расчете на французского читателя. Где-то автор должен был растолковывать вещи, всякому русскому известные (например, что Красноярск находится в Сибири и т.п.), и тогда я лишние детали опускала; а где-то французский язык не позволял передать богатство лагерного лексикона, и тогда в поисках синонимов (например, к слову «пайка») я прибегала... — легко догадаться: к „Справочнику по ГУЛАГУ“ самого же Жака Росси. Может быть, поэтому самой драгоценной похвалой стали несколько слов в записке Жака (...): „В переводе текст принимает новое звучание. И очень-очень нравится мне“. Потому, надеюсь, и нравится, что это «новое звучание» — его, авторское, «русский текст» рассказов Жака Росси».

В послесловии я также выражала надежду, что и эта книга Жака Росси выйдет в России, как вышел его «Справочник по ГУЛАГУ». В предисловии к другой публикации Росси, в журнале «Новая Польша» (2003, №10), я писала: «Написанная для политически „малограмотных“ французов, она могла бы, например, стать замечательным учебным пособием для русских школьников, родившихся после коммунизма. Увы, пока мои попытки найти издателя окончились ничем».

Думаю, нельзя лучше почтить память Жака Росси, всегда стремившегося привить людям память о тоталитарном прошлом, чем издать наконец его книгу рассказов в России.

Париж

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Познанская библиотека Рачинских празднует свое 175-летие. Библиотека, основанная графом Эдвардом Рачинским, задумывалась как общедоступная. Она стала предзнаменованием дальнейших начинаний, названных «органической работой» (нечто вроде русской «теории малых дел». — *Ред.*). Во время войны старинное здание сгорело, однако часть фондов удалось спасти. Сегодня библиотека Рачинских — один из самых оживленных польских культурных центров.

• Польско-египетская археологическая экспедиция обнаружила в Александрии прекрасно сохранившиеся следы античной академии. Это первая подобная находка в мире. «Многие исторические источники — например, декреты императоров — свидетельствуют о том, что в древние времена существовали высшие учебные заведения. Однако до сих пор никому не удавалось найти их материальные следы, — сказал руководитель раскопок Гжегож Майхерек. — Итак, между V и VII веками нашей эры в самом сердце Александрии была настоящая, хорошо организованная академия».

• Писатель и автор репортажей Рышард Капустинский получил австрийскую премию им. Бруно Крейски, присуждаемую с 1993 г. за книгу на политическую тему.

• В мае во Франции начался польский культурный сезон, получивший название «Nowa Polska» («Новая Польша»). В его рамках проходит множество мероприятий: театральные спектакли («Дибук» в постановке Кшиштофа Варликовского, созданный с мыслью о фестивале в Авиньоне), концерты, на которых представлены в основном произведения выдающихся композиторов XX века во главе с Кшиштофом Пендереским, выставки, а также популярные зрелищные мероприятия вро-

де польского пикника на ипподроме под Парижем. «В этом году наша программа намеренно эклектична, — говорит представитель французских организаторов Оливье Пуавр д'Арвор. — Она адресована разнообразной публике. Польский сезон — это повод сказать: «Мы слишком мало о вас знаем». Для вас же это повод осознать, чего вы хотите и что вы можете у нас сделать».

• В этом году почетным гостем завершившейся в Варшаве 49-й Международной книжной ярмарки была Россия. В прошлом номере мы писали о пребывании в Польше большой группы русских писателей. Российская экспозиция занимала треть выставочных помещений, а ее украшением был «Октоих» — первая печатная книга на церковнославянском языке, набранная в одной из краковских печатных мастерских в 1491 году. Ярмарку посетили 40 тыс. человек — на 10 тысяч больше, чем в прошлом году. К подписывающим свои книги писателям выстраивались длинные очереди. В ярмарке приняли участие 470 издательств из 27 стран. Были установлены многочисленные торговые контакты, прежде всего между Польшей и Россией. Кроме того по случаю ярмарки были присуждены премии за лучшее издание года (в нескольких категориях). Триумфатором стало издательство «слово/образ/территории», награжденное за «Шульцевский словарь» и книгу Марии Янион «Вампир. Символическая биография».

• В Варшаве открылась мемориальная доска на доме, в котором до войны размещался книжный магазин Якуба Мортковича. «Когда я вспоминаю книжную лавку на Мазовецкой, — говорит историк Мартин Куля, — я думаю о нынешней роли маленьких издательств. Часто их владельцы — друзья авторов. Только в таких условиях может развиваться писательство». Якуб Морткович занимался издательским искусством, книго-

торговлей, организовывал книжные базары. Он издавал писателей, уже снискавших признание, но умел и рисковать, печатал дешевые популярные издания, детские книги и альбомы по искусству.

• «Технократы предсказывают конец поэзии. Кибернетики говорят, что ее содержание — «шумы», то есть отсутствие информации. Кем будет поэт в надвигающуюся эпоху? Шаманом, обвешенным амулетами? Будителем древних мифов человечества? Или, может быть, шутом при дворе ученых?» — написал Збигнев Херберт в 1966 году. В 5-ю годовщину со дня смерти поэта Варшава почтила его память, проведя поэтический фестиваль его имени. «Херберта читали, слушали, выбирали, но в то же время и он сам выбирал своих слушателей, формировал стихами тех, к кому они были обращены, сбивал нас с толку (...) Он был ироничен и мудр; он скрывался, прятался за героями своих стихов, за многоликим господином Когито», — написал критик Яцек Лукасевич. Во время фестиваля с любителями поэзии встретились стихотворцы, которых связывали со Збигневом Хербертом узы дружбы: Адам Загаевский, Рышард Крыницкий, Юлия Хартвиг, Томас Венцлова. Публике представился случай посмотреть спектакли, поставленные по мотивам стихов Херберта, и фильмы, которые успели снять о поэте. В рамках фестиваля был организован и книжный базар.

• «Отдаю эти записи своим братьям во епископстве и всему народу Божию. Да послужат они всем, кто желает познать величие епископского служения, связанные с ним тяготы, и радость, которая ежедневно сопутствует его несению» — так вводит читателя в свою новую книгу Папа Иоанн Павел II. Книга, озаглавленная «Встаньте, пойдем!» (слова Иисуса, обращенные к ученикам после молитвы в Гефсиманском саду. — *Пер.*), содержит воспоминания Папы, относящиеся к периоду, когда он был епископом, а затем и митрополитом Краковским — с сентября 1958 г. до конклава в октябре 1978-го. «В принципе, последняя книга Иоанна Павла II — это размышления о тайне веры. Сосредоточиваясь

на общественно-политических проблемах, я несколько упрощаю ее, — написал на страницах «Газеты wyborczej» Роман Грачик. — Я позволяю себе это, будучи убежден, что в те времена тоталитарная сущность системы бросала серьезный вызов вере и в какой-то степени была испытанием ее прочности. В те времена это было неизбежно, о чем лучше всего свидетельствует история Кароля Войтылы, который начинал свое служение оторванным от земли ученым и поэтом, а завершил его решительным оппонентом системы». Впервые книга была представлена прессе и публике одновременно в Милане и Кракове. В Польше книга Папы сразу же попала в список бестселлеров года.

• В этом месяце в списке бестселлеров лидирует книга Иоанна Павла II, однако своих позиций не сдают Катажина Грохоля, Малгожата Мусерович (с новой книгой «Язык троллей») и, конечно же, Иоанна Хмелевская («Кошачьи мешки»). Говорят, что сейчас она самый популярный и высокооплачиваемый польский писатель, а ее книги спасли от банкротства два издательства и одну типографию. Она опубликовала 50 романов, тираж которых достиг в Польше 5 млн. экземпляров. В мае Хмелевская отмечала 40-летие своей писательской карьеры (хотя по профессии она архитектор). Пользователи Интернета на своем форуме характеризуют ее последнюю книгу «Кошачьи мешки» словом «супер», а самую писательницу называют «гениальной».

• Павел Хюлле («Вайзер Давидек», «Мерседес-Бенц») опубликовал новый роман «Касторп», перекликающийся с «Волшебной горой» Томаса Манна. Польский писатель описывает судьбу манновского героя еще до того, как тот отправился в Давос. «Итак, приезжает Ганс Касторп в Данциг, — пишет в рецензии Дариуш Новацкий, — где с ним и вокруг него происходят поистине странные истории. И у всех у них есть безошибочно узнаваемые литературные источники (...) Писательское начинание Хюлле носит явно терапевтический характер (...) Дух манновского романа должен стать лекарством от всякого

зла. Дух или, может быть, манновская действительность, восстановленная Хюлле с величайшей тщательностью и мельчайшими подробностями? Думаю, что правильна моя вторая догадка». Сам же Хюлле комментирует свою книгу так: «Я не знаю ни одного выдающегося произведения европейской литературы, которое не было бы укоренено в традиции. (...) Меня как читателя не интересуют книги на один-два сезона, газетные сенсации. Я, как беглец из мира, описанного Шульцем, жажду Книги. Одна из таких книг — «Волшебная гора»».

• Альбом «ПНР. Реквизиты» с фотографиями Криса Ниденталья и текстом Яцека Хуго-Бадера — это захватывающая летопись «народной Польши». Рышард Капустинский пишет об этом издании так: «Автор (...) хочет, чтобы те годы сохранились в нашей памяти живыми — такими, какими они были на самом деле (...) Он хочет создать живой и динамичный образ, показать историю, происходящую в данный момент (...) Официальная, режимная сторона действительности тех времен никогда не заслоняла Ниденталью человека — свидетеля и участника эпохи».

• Другие фотографии, показывающие Польшу (и мир), были представлены в «Захенте» на выставке «Эустахий Коссаковский — фотограф». Умерший два года назад Эустахий Коссаковский до отъезда из Польши был фоторепортером, работал в популярных журналах. Его прекрасными фотографиями восхищались прежде всего читатели иностранных изданий журнала «Польша». Приехав во Францию, он, как пишет комментатор «Пшекруя», «вписался в зарождавшееся тогда течение концептуальной фотографии, отрицающей иллюстрирование видимой действительности и реализующей собственные художественные предпосылки».

• Генрику Томашевскому, одному из известнейших представителей польской школы плаката, исполнилось 90 лет. «Томашевский живет в Варшаве, — пишет обозреватель «Газеты выборчей». — Он уже не проектирует плакаты, однако для многих польских художников до сих пор остается круп-

нейшим мастером. И не только для польских. Совсем недавно его ученики и друзья издали к дню его рождения книгу в Финляндии».

• В варшавской Галерее Стоклосо открылась выставка работ Францишека Маслюшак. «Как известно, Маслюшак смотрит на людей с симпатией, — пишет рецензент газеты «Жечпосполита». — Нищих, оборванцев и бомжей он изображает людьми яркими, исполненными достоинства и величия (...) Прекрасным дополнением к выставке стали поэтические иллюстрации к произведениям Константы Ильдефонса Галчинского. Страна мягкости, спасенная от забвения».

• «На стенах была такая ужасающая мазя, что мы боялись ходить туда и смотреть на этих «чудищ»», — вспоминает житель Тарновца, где в одной из комнат местного имения были обнаружены великолепные фрески, вероятно, вышедшие из-под кисти Станислава Игнация Виткевича. Не только у книг бывают свои судьбы...

• Вскоре Польша подаст правительству России заявления на возвращение десяти картин и одного рисунка, находившихся до войны в Гданьске, Лодзи и Глогуве. Возвращение картин стало возможным благодаря российскому закону, принятому в 1997 году.

• Яцек Цесляк о Фестивале польской песни в Ополе: «В очередной раз телевидение «раскрутило» по крайней мере несколько новых хитов (...) таких, как «Прежняя девушка» группы «Пудельсы» или «Следующим будешь ты» Мартина Розынека — одного из самых талантливых певцов молодого поколения (...) Однако в этом году конкурс премьер запомнится прежде всего благодаря музыкальному откровению, каким стала группа «Sistars», исполнившая песню «Сутра». В течение одного вечера девушки из «Sistars» стали всепольскими звездами. Оказывается, вовсе не обязательно должна побеждать безвкусица, а поляки умеют оценить прекрасные голоса и музыкальность». Фестиваль завершился полным мягкой меланхолии концертом песен недавно умершего Еремия Пшиборы.

• О красноволосом певце Михале Вишневском, кумире поп-культуры, ставшем героем одной из популярнейших программ канала ТВН («Я такой, какой есть»), пишет Мирослав Пенчак: «Для публики Вишневский — несомненно человек успеха, однако совсем не такой, как польская зажиточная элита. Его выручает биография: несчастливое детство (...) необходимость самостоятельно зарабатывать на жизнь и наконец шоу-бизнес, в самом центре которого он оказался как бы вопреки действующим там правилам. Вначале СМИ игнорировали его, однако вскоре он стал для них весьма привлекательным товаром, а неприязнь критиков лишь укрепляла его многочисленных фанов во мнении, что их кумиру постоянно угрожает заговор чванливых умников (...) Основа его стратегии в контактах с СМИ — искренность, которую он сознательно и умышленно выставляет на всеобщее обозрение». Сегодня Михал Вишневский — один из самых популярных героев польских СМИ, хотя многие наблюдатели утверждают, что его звезда меркнет.

• Частный телеканал «Польсат» выиграл длившуюся несколько лет войну за разрешение на вещание эротического канала «Плейбой ТВ».

• Телекомпания Си-Эн-Эн сняла документальный фильм о Варшавском восстании, показанный во всем мире под названием «Варшавское восстание. Забытые солдаты II Мировой войны». На вопрос, легко ли было убедить начальство Си-Эн-Эн снять этот фильм и почему он создан только сейчас, режиссер Дэвид Энсор, бывший варшавский корреспондент Эй-Би-Си, а ныне журналист Си-Эн-Эн, ответил: «Убедить руководство станции было нелегко: речь шла о крупных затратах (...) Существует несколько причин. Западные историки всегда концентрировались на высадке союзников в Нормандии и победоносном марше на Берлин. Думаю, многие из них стыдились позиции Рузвельта

и Черчилля, которые заключили тайный пакт со Сталиным, а затем смотрели сложа руки на резню 200 тысяч бойцов Армии Крайовой и гражданского населения. Из-за этого восстание не заняло подобающего места в истории, которое ему причитается, учитывая масштаб этого события и его влияние на дальнейшую историю этой части света». Фильм Си-Эн-Эн смонтирован из архивных материалов. Зрители могут услышать свидетельства участников восстания, а также мнения историков и политологов.

• В Кракове завершился Международный кинофестиваль документальных и короткометражных фильмов. Три из четырех главных премий международного конкурса достались англичанам: Андреа Арнольду за «Осу» («Золотой дракон»), Вивьен Джонс за «Дом» и Витто Рокко за фильм «Прощай, жестокий мир». Четвертым лауреатом стал студент лодзинской киношколы Лешек Давид, награжденный за фильм «Бар на станции «Виктория»». «Дракона драконов» за творчество в целом Анджей Вайда вручил американцу Альберту Мейслсу. В польском конкурсе «Золотого лайконика» завоевал Петр Щепанский за фильм «Поколение С.К.О.Д.» [С.К.О.Д. — Cool Kids of Death, польская панк-рок группа. — Пер.]. Главный покупатель фильмов, участвующих в этом конкурсе, — телевидение, которое слишком часто навязывает конкурсантам свои правила игры.

• Кшиштоф Занусси приступил к съемкам нового фильма. Фильм, создающийся совместно с российской киностудией «ТРИТЕ», будет называться «Персона нон грата». По словам режиссера, это будет фильм «о разочаровании, которое переживает поколение «Солидарности», видя, как мало осталось от его чаяний и мечтаний, об утрате самого близкого человека, о жажде любви, которая могла бы преодолеть границы смерти, и, наконец, о непростых польско-русских отношениях».

ПОЛЬСКАЯ ВЫСТАВКА В МОСКВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ

В апреле-мае в Москве и Санкт-Петербурге проходила выставка «Между неприятием и восхищением. Польша—Россия: из истории культурных связей», подготовленная варшавской Национальной библиотекой совместно с Институтом Адама Мицкевича. Это был сокращенный вариант выставки из цикла «Наши соседи — новый взгляд», которую варшавская публика видела поздней осенью 2003 г. (см. «Новую Польшу», 2003, №12).

Выставку составили более 50 стендов, дополненных материалами из собраний Национальной библиотеки, в том числе новейшими переводами русской литературы, книгами по истории, истории литературы, философии, материалами конференций о польско-русских отношениях и журналами. Среди журналов были выставлены посвященные России номера журналов «Литература на свете» («Литература в мире»), «Диалог», «Зешиты литерацке» («Литературные тетради») «Нове ксьёнжки» («Новые книги»), большое собрание статей о культуре, искусстве и литературе современной России из других журналов и газет, а также выходящие в Варшаве по-русски журнал «Новая Польша» и газета «Русский курьер Варшавы». Важным сопровождающим выставку элементом был иллюстрированный буклет на русском языке, подготовленный Национальной библиотекой.

Московская выставка проходила с 30 марта по 25 апреля в залах Государственного музея А.С.Пушкина. В открытии выставки участвовали: посол Польши в Москве Стефан Меллер, директор Национальной библиотеки Михал Ягелло и заместитель директора Института Адама Мицкевича Гжегож Вишневецкий; директор Государственного музея Пушкина Юрий Богатырев, директор Российской государственной библиотеки Виктор Федоров и известный русский славист Святослав Бэлза.

Петербургская публика могла ознакомиться с польской выставкой с 5 мая в прекрасном выставочном зале нового здания Российской национальной библиотеки. В открытии участвовали: генеральный консул Польши в Санкт-Петербурге Эугениуш Мельцарек и заместитель директора Национальной библиотеки Станислав Чайка; директор РНБ Владимир Зайцев, деятели культуры, журналисты и представители организаций петербургской Полонии. Выставка в Петербурге вызвала интерес местных средств массовой информации. Сообщения о ней появились в газетах, передавались по радио и телевидению. После закрытия выставки 25 мая стенды были переданы Польскому институту, работающему при польском генеральном консульстве в Санкт-Петербурге, который планирует выставлять их в других городах консульского округа. В июне выставка была показана в Новгороде в рамках печального польско-российского юбилея — 60-летия интернирования солдат Польского подпольного государства в северо-западной России.

П.И.

МЫ БЫЛИ ОСТРОВОМ ЛЕГАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ

*Беседа с председателем правления
издательства «Знак» Генриком Возняковским*

— В 1946 г. в Кракове начал выходить ежемесячный журнал «Знак», идейная декларация которого звучала так: «Из основы самого подлинного католичества мы хотим вывести человека, способного справиться с сегодняшней действительностью, выдержать ее натиск и победоносно подчинить ее себе». Как вначале выглядела деятельность журнала?

— Лучшее всего об этом мог бы рассказать Станислав Стомма¹, один из «отцов-основателей» и главный редактор первых номеров. Потом на этом посту его сменила Ханна Малевская.

Начало было, разумеется, нелегким — прежде всего ввиду тогдашнего политического положения. Как «Знак», так и «Тыгодник повсехный» — тот же самый круг людей начал издавать его годом раньше «Знака» — действовали в специфических обстоятельствах, в период укрепления в Польше коммунистической власти и постепенной ликви-

¹ Станислав Стомма (г.р. 1908), публицист, католический общественно-политический деятель, преподаватель уголовного права Ягеллонского университета, председатель депутатской группы «Знак», редактор «Тыгодника повсехного», «Знака», журнала «Res Publica», председатель Общественного совета при примасе Польши, советник «Солидарности», в 1989-1991 сенатор.

дации политического плюрализма. Это ощущение неустанной опасности нависало над всеми начинаниями — политическими и неполитическими.

Возникновение журнала и его выживание в течение нескольких первых, необычайно трудных лет стало возможно благодаря разумной стратегии и силе характера наших «отцов-основателей» и благодаря тому, что Церковь распростер-

ла «защитный зонтик» над кругами католической интеллигенции, особенно же благодаря особому положению кардинала Сапеги², который в отсутствие примаса кардинала Хлэнды был в польской Церкви «номером первым». Кардинал Сапега был личностью невероятно заметной, сильной. В силу его прежней работы в ватиканском государственном секретариате и обширных, международных семейных связей, а также — что наверняка важнее всего — по

причине огромного уважения, которым он пользовался в обществе, даже коммунисты, устанавливавшие у нас все более тоталитарную систему, были вынуждены с ним считаться. Он сумел понять концепцию нашего круга и принять ее как свою.

² Адам Сапега (1867-1951), архиепископ Краковский, с 1946 г. кардинал; приобрел огромный авторитет в обществе за свое поведение во время двух мировых войн.

Генрик Возняковский

Концепция же сводилась к тому, что нужно пытаться создать независимый институт, не политический, а действующий в области культуры и религии, в рамках

Церкви, но под ответственность мирян, без отождествления с Церковью как институтом. Эту концепцию выразил Станислав Стомма в статье «Максимальные и минимальные социальные тенденции католиков», помещенной в одном из первых номеров «Знака». Статья вызвала бурную полемику, но в ней было ясно и пророчески определено то, что ждет Польшу и что еще остается возможным. Говоря проще, Стомма утверждал, что наступают времена, когда попытка создать политическую оппозицию расходитя со своей целью, ибо всякая попытка такого рода будет подавлена. Зато можно создавать нечто независимое, чтобы сохранить элементы духовной и интеллектуальной жизни общества — жизни, не подчиненной господствующей идеологии. Следует действовать в сфере культуры и религии, где у нации есть возможность обрести себя и выжить до тех времен, когда снова можно будет вернуться к политической жизни. Любопытно, что концепцию минимализма сформулировал Стомма, который всегда чувствовал себя *homo politicus*'ом. Он сознательно отказался от политической деятельности, зная, что это единственная возможность создавать что-то ценное в публичной сфере.

Установка «Знака» подверглась критике из христианско-демократических кругов, собравшихся, в частности, вокруг «Тыгодника варшавского» и стремившихся действовать в политической сфере. Однако варшавский еженедельник был ликвидирован уже в 1948 г., а

znak

«Знак» и «Тыгодник повсехный» продержались до 1953-го.

Несмотря на резкую цензуру, из-за которой иногда слетали целые номера, обе редакции упорно не позволяли навязывать

себе тексты и авторов со стороны. Благодаря этому они сохраняли независимость, что было хорошо понятно читающей публике и создавало им авторитет в ее глазах.

Мы должны помнить, как сильно тогда инфильтрировали Церковь с помощью таких группировок, как «Пакс»³ или «ксендзы-патриоты», куда людей вербовали шантажом и запугиванием. Таким путем коммунистам удалось подчинить себя несколько тысяч священников. Между тем круг «Знака» сохранил свою независимость вплоть до того момента, когда власть приступила к последней расправе с Церковью, проявившейся в аресте примаса кардинала Стефана Вышинского и решении о ликвидации «Тыгодника повсехного» и «Знака», после того как редакции отказались публиковать апологетический текст памяти Сталина. Чтобы обмануть общественность, «Паксу» было поручено издавать еженедельник под названием «Тыгодник повсехный» в прежнем типографском оформлении — но это была совсем другая газета с совсем другими авторами, в чем читатели сразу разобрались. Редакции считались с возможностью арестов, которых, к счастью, не последовало. Некоторые люди из этих кругов получали какую-то помощь от Церкви, например в виде скромных гонораров за переводы.

³ Ассоциация «Пакс» («Рах» — «Мир»), учрежденная в 1945 г., организация католических активистов-мирян; опиралась на концепцию «тройной ангажированности»: патриотической, католической и социалистической; признавала руководящую роль ПОРП.

— *Следовал ли круг «Знака» традициям Лясок и свящ. Корниловича⁴?*

— Да, конечно. Основатели «Знака» и «Тыгодника повсехного» следовали традициям довоенного объединения католической молодежи «Одродзене» («Возрождение»), которое было тесно связано с трудом Лясок. Ежи Турович определял эти традиции как открытое, социально ангажированное католичество. Третьим источником было католическое интеллектуальное движение 20-30-х гг. во Франции, связанное с возрождением неотомизма, в особенности с такими людьми, как Жак Маритен, Этьен Жильсон и течение философского персонализма, главным представителем которого был Эмманюэль Мунье. Эти три источника можно назвать предтечами того, что произошло в 60-е гг. на II Ватиканском соборе.

— *Как выглядели контакты вашего круга с кардиналом Каролом Войтылой?*

— Первый текст Кароля Войтылы появился в «Тыгоднике повсехном» еще в 1949 г. и был посвящен французским священникам-рабочим. С самого начала свящ. Войтыла был в личной дружбе по крайней мере с несколькими людьми нашего круга — как с Ежи Туровичем, так и с Ханной Малевской и Яцеком Возняковским. Его воспринимали как выдающегося молодого мыслителя среди священников. Пожалуй, тогда никто не предполагал, что он выйдет за рамки сравнительно узких академических кругов. Я был слишком молод, чтобы иметь собственное мнение, но помню, что он

считался довольно герметическим проповедником, высоко ставившим перед своими слушателями планку интеллектуальных требований. Когда епископ, а затем кардинал Войтыла стал духовным лидером, перелом, изменение этого дискурса, наступил не сразу. И думаю, что влияние на это оказали, в частности, его контакты с кругом «Знака». Это была традиция происходивших в курии регулярных встреч и бесед с редакциями «Тыгодника повсехного», журнала и издательства «Знак», бесед, в значительной мере касавшихся общественных дел и роли Церкви в тот период. Эти дискуссии носили очень открытый характер. Я начал работать в «Знаке» в 1976 г. и, участвуя в таких встречах, видел, с каким вниманием кардинал Войтыла выслушивал мнение Ежи Туровича, Тадеуша Жихевича или такого маловера, как Стефан Киселевский. Зато о том, что Войтыла — поэт и печатает стихи под псевдонимом, знали, пожалуй, только Ханна Малевская и Ежи Турович. Это было предано огласке лишь в год его избрания Папой.

— *В 1956 г. в Сейме была создана группа католических депутатов «Знак». Какую роль она играла?*

— В тот год, после трех лет, мертвых для нашего круга, наступил перелом, вызванный послеоктябрьской «оттепелью». Он повлиял на концепцию Станислава Стоммы. Было признано, что теперь следует сделать шаг вперед, ибо господствующая в Польше система все-таки эволюционирует. Блеснула надежда на демократизацию системы. Поэтому было решено создать по сути дела символическую депутатскую группу в Сейме. Вначале было 11 депутатов, потом группу сократили до пяти. Группу создавали в согласовании с кардиналом Вышинским, только что освобожденным из заключения. Примаас весьма поддер-

⁴ Свящ. Владислав Корнилович (1884-1946), преподаватель Люблинского католического университета, учредитель и главный редактор ежеквартального журнала «Вербум» («Verbum» — «Слово», 1934-1939), с 1920 г. духовный пастырь монахинь-францисканок — служительниц Креста и созданного ими заведения для незрячих в Лясках под Варшавой; проповедник, активный среди интеллигенции.

живал эту идею. Присутствие в Сейме носило символический характер, не оказывая никакого влияния на результаты голосования, но в обстоятельствах, когда было необходимо, эта горстка людей могла давать то или иное свидетельство, могла также защищать позиции церковной иерархии, в каком-то малом объеме могла улучшать законы благодаря работе в комиссиях Сейма и, наконец, благодаря привилегированному положению депутатов давала возможность защищать конкретных людей, подвергавшихся гонениям.

Разумеется, с самого начала существовало сознание, что есть и контраргумент, что тем самым происходит легитимизация существующего строя. Но позиция всего круга в целом, в то время уже не только изданий, но и созданных пяти Клубов католической интеллигенции, была ясна и обществом воспринималась правильно. И думаю, что почти до конца группа католических депутатов выполняла ту задачу, которую себе поставила.

В 1968 г. актом мужества стал депутатский запрос о жестокой расправе властей и милиции со студентами, который повлек за собой ожесточенную травлю наших депутатов. Результатом была смерть одного из них, писателя Ежи Завейского. Таким же важным и символическим моментом было воздержание председателя группы Станислава Стоммы при голосовании по вопросу о поправках к конституции в 1974 году. Речь шла прежде всего о трех поправках: внесение в конституцию положений о союзе ПНР с СССР, о руководящей роли партии и о зависимости гражданских прав от исполнения обязанностей перед государством. Ранее Тадеуш Мазовецкий совершил безуспешную попытку создать комиссию Сейма по расследованию гданьских событий 1970 года. В конечном счете Ма-

зовецкий сам, сильно рискуя, собирал об этом документацию. В то же время не обошлось и без некоторых ошибок. Ошибкой было то, что группа не заняла позиции в отношении письма польских епископов немецким, содержавшего знаменитые слова «Прощаем и просим прощения», когда польские епископы подверглись за это травле. Тогда честь нашего круга спас Ежи Турович, выступив совершенно четко в защиту этого пророческого жеста на собрании Фронта национального единства. Позже в группе «Знак» произошел раскол: под председательством Януша Заблоцкого сформировалась группа, сильнее шедшая на компромиссы, и это стало концом его пребывания в Сейме как представителя кругов «Знака».

— *Оказывал ли особое влияние на идеи «Знака» вышеупомянутый Стефан Киселевский⁵, считавшийся прагматиком и либералом?*

— Несомненно. Он был вместе со Станиславом Стоммой автором концепции «неопозитивизма», которая легла в основу публичной политической ангажированности в 1956 году. Она опиралась на идеи польского позитивизма рубежа XIX-XX веков. В самом общем виде она сводилась к тому, что следует отказаться от повстанческих традиций, кровопролития и растраты драгоценных человеческих жизней и что-то строить в рамках установившейся политической действительности. В многочисленных фельетонах и статьях Киселевский защищал островки экономической свободы, свободы культуры, умело и остроумно играл с цензорами в кошки-мышки, разоблачая различные абсурдные проявления реального социализма.

⁵ Стефан Киселевский (псевд. Кисель, Томаш Клён, Томаш Сталинский, 1911-1991), писатель, независимый публицист, композитор и музыкальный критик, депутат Сейма, член депутатской группы «Знак». Автор ряда романов, в 1945-1989 гг. фельетонист «Тыгодника повсехного».

— Следующим предприятием было учреждение издательства «Знак» (1959). Автором замысла, а затем главным редактором издательства был ваш отец Яцек Возняковский. С чего начиналось издательство?

— Начало было весьма скромным. Первой была издана книга «Крестный путь» кардинала Вышинского, которую он подарил издательству на доброе начало дела. Она действительно финансово помогла, так как разошлась большим тиражом. Второй были «Письма другу» Антония Голубева⁶. А потом выходило до десяти книг в год, прежде всего по вопросам богословия, духовности, философии. Все было обставлено страшными ограничениями, в особенности лимитом на бумагу и цензурой. Тем не менее «Знаку» удалось издать ряд весьма важных книг. В области религии это были главным образом работы, связанные со II Ватиканским собором, в области гуманитарных наук издательство с самого начала боролось за то, чтобы издавать известных авторов, на чьи имена был наложен цензурный запрет. Иногда это удавалось. «Знак» первым в Польше легально издал книги Юзефа Чапского, Чеслава Милоша, Лешка Колаковского.

— Значит ли это, что цензура была либеральнее по отношению к «Знаку», чем к другим издательствам?

— Конечно, нет. Но «Знак» боролся за такие вещи, за которые другие издательства не отваживались бороться: у них была слишком сильна самоцензура, а будучи государственными, они напрямую зависели от партийных органов. Разумеется, некоторые книги не имели

ни малейшей возможности увидеть свет в рамках тогдашней действительности — например, явно антикоммунистические, такие, как романы Оруэлла или Солженицына, но мы боролись за произведения запрещенных авторов, важные для культуры и не содержавшие прямых политических соотнесений, — цензура же их не пропускала исключительно из-за того, что авторы были неблагомыслящими. Тут, считали мы, бороться можно и нужно.

— А разве не оказывал серьезного влияния «защитный зонтик» Церкви?

— Он, разумеется, играл важнейшую роль как в квази-политическом, так и в материальном отношении, потому что эта помощь оказывалась не только в 40-е годы. В 80-е журнал «Знак» подготовил номер, посвященный польско-украинским проблемам. Цензура сняла его полностью. Угрожали ликвидировать журнал, ибо, по мнению властей, он вступил на территорию, полностью забронированную под деятельность политических органов, и действовал, как утверждалось, вопреки польским государственным интересам. А тексты были исключительно исторические, например об украинской Церкви или об украинских воинских частях, принимавших участие в немецких военных действиях на территории Польши. Тогда мы переслали всю переписку по этому вопросу в Епископат, архиепископу Домбровскому, который письменно выступил в нашу защиту. Это был жест солидарности.

Было и такое: за год до избрания Папой, когда в Кракове праздновали день Тела Господня, кардинал Войтыла публично заявил, что «Тыгодник повсехный» и «Знак» входят в имущество Церкви. Это значило, что Церковь берет нас под свою опеку.

⁶ Антоний Голубев (1907-1979), прозаик и публицист, редактор «Тыгодника повсехного», автор исторического романа «Болеслав Храбрый», рассказов, эссе.

— *«Знак», этот остров легальной оппозиции, давал возможность высказаться и представителям других вероисповеданий, и атеистам.*

— В этом состояла концепция открытого католичества. Мы сознаем себя католиками, но думаем, что ценности, которые мы почитаем, разделяются гораздо шире, другими людьми, с которыми мы находим общий язык. В том числе и теми, кто одно время позволил себе соблазниться коммунистической идеологией. С самого начала в составе нашей редакции и среди постоянных сотрудников были люди, не до конца отождествлявшиеся с религией. Они провозглашали свой агностицизм — например, Ян Юзеф Щепанский, Леопольд Тырманд, Антоний Слонимский.

— *В «Знаке» печатаются крупнейшие польские мыслители и писатели. Как вам удавалось привлечь их к сотрудничеству?*

— Круг «Знака» сохранил свой авторитет: его воспринимали как ту среду, которая сберегла нравственную цельность. С одной стороны, он умел выработать легальную сферу своего существования, с другой — не запятнал себя коллаборационизмом.

А отчасти это был и вопрос личных дружеских связей. Как мой отец, так и Ежи Турович, активно действовали в творческой среде, в Союзе польских писателей, а также в академических кругах — в Люблинском католическом университете и Польской АН. Благодаря этому легче было привлекать разных авторов.

— *Печатал ли «Знак» запрещенных русских писателей?*

— В 80-е годы это был Иосиф Бродский. В журнале появлялись имена авторов по преимуществу — хотя и не только — религиозных: Бердяев, Розанов,

Шестов, Соловьев, Федотов, Вяч. Иванов, Мандельштам и другие. Уже в 90-е годы мы издали книги многих из них. Но я должен сказать весьма самокритически, что мы печатали слишком мало русских писателей — мы были больше нацелены на Запад.

— *Ваш отец однажды сказал: «Думаю, что когда все доступно, то очень быстро становится скучно». Грозил ли вам скука после перелома 1989-1990 гг.? Пришлось ли вам так или иначе перейти на рельсы свободного рынка?*

— Это была очень радикальная перемена. Мы сознавали, какой это резкий перелом, вынуждающий искать совсем новую стратегию. Это было связано и с политической ангажированностью. Несколько видных личностей из нашего круга ушли в публичную жизнь: Кшиштоф Козловский и Юзефа Хеннель стали депутатами Сейма; Козловский вскоре стал первым некоммунистическим министром внутренних дел, а мой отец — президентом [мэром] Кракова; я был заместителем пресс-секретаря правительства, начальником пресс-бюро и советником Тадеуша Мазовецкого. Но это приключение с политикой продолжалось недолго, и в 1991 г. я вернулся в «Знак», где мои коллеги доверили мне пост председателя. Я теоретически несколько ориентировался в области рыночной экономики и экономических свобод, хотя, как это всегда бывает, от теории до практики путь неблизкий. Мы обновили состав редакции, приняв людей, способных найти себя в новых условиях. И должны были решительно расширить наши издательские планы. Философские и религиозные книги остались важной частью наших изданий, но надо было экономически конкурировать на рынке, издавая книги большими тиражами. Мы стали выпускать романы, школьные учебники, путеводители, даже

поваренные книги. Но мы всегда сохраняли высокие требования. И преуспели — как менеджерски, так и содержательно. С 1991 г. у нас идет постоянный рост. В настоящее время «Знак» печатает около 150 книг в год общим тиражом около миллиона экземпляров, сохраняя при этом высокий уровень. Мы выпускает популярные книги, но нашим опознавательным знаком по-прежнему остаются публикации, имеющие важное культуротворческое значение.

— **Каких русских авторов выпускает сейчас «Знак»?**

— Помимо вышеназванных — вскоре мы издадим книгу Анны Политковской о Чечне. Мы внимательно следим за современной русской прозой, что скоро станет очевидным в наших издательских планах. Мы выпустили также не-

сколько важных книг о России: «Кто есть кто в России после 1917 года» Юзефа Смаги и Гжегожа Пшебинды, «Рождение и падение империи. СССР, 1917-1991» и «Россия в XX веке» Юзефа Смаги, «Как обмануть Россию? Судьбы поляков с XVIII по XX век» (заглавие у книги провокационное, но содержание посвящено различным политическим концепциям, стилям и идеям по отношению к России в польской истории), «Большая Европа. Иоанн Павел II, Россия и Украина» Гжегожа Пшебинды. Теперь у нас выходят «Братья Карамазовы» в прекрасном новом переводе Адама Поморского, чему мы очень рады.

*Беседу вела
Сильвия Фролов*

.....
: В №6 «Новой Польши» мы напечатали стихотворение Чеслава Милоша, посвященное :
: Анне Каменской, без последней строки. Приносим искренние извинения автору, переводчице :
: и всем нашим читателям. Вот как должно звучать это стихотворение в полной версии: :
:

: Читая осознал как она была богата а я беден.
: Богата любовью и болью, плачем и снами, и молитвой.
: Жила среди близких, мало счастливых, но помогавших друг другу,
: Соединенных все обновляемым на могилах пактом живых с умершими.
: Ее радовали травы, полевые розы, сосны, картофельные поля
: И запахи знакомой с детства земли.
: Не была выдающимся поэтом. Но это справедливо.
: Добрый человек не обучится хитростям искусства.
:

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Г.Пшебинда об Адаме Поморском
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
В. и Р.Сливовские о дневниках генерала Старинкевича
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Ян Гондович о новой прозе
Генрик Хлыстовский: Действительно ли мы не издаем русских писателей?
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
Е.Помяновский беседует с Аркадием Райкиным
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Милоша, Стахуры, Бялошевского, Яструна,
Чухновского, Херберта и др.**

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕКОМЕНДУЕТ
ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
И КРИТИКОВ

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник,
посвященный современной прозе, поэзии и
литературной критике. Оказывает влияние на
перемены в польской литературе.

DIALOG

Ежемесячник, посвященный
современной драматургии.

NOWE
KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более
полувекa незаменимый источник знаний о
книгах. В каждом номере рецензии,
интервью, статьи о писателях,
публицистика, библиография, анонсы.

dwutygodnik
ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал,
посвященный музыкальному творчеству, теории и
практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ
ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке.
Богатая подборка публицистики польских и российских
авторов. Переводы малоизвестных в России произведений
польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA
na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие
годы публикующий все интересные новинки
современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 12 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589

9 771508 558041

07